

"Невеста из ниоткуда"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Андрей Посняков

Невеста из ниоткуда

© Посняков А., 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1. Начало мая. Крутогорский район. Погоня

Затаив дыхание, Женька закусил губы, стараясь не выдать себя ни единым шорохом, ни даже вздохом. Снаружи у избы кто-то ходил. Поди, искали уже... с-сволочи! Могут и по избам пошарить... если не в лом.

Девушка осторожно выглянула в окошко... Трое! Те самые парни, что следили за нею в лесу. За нею и ее сотоварищами, Колькой и Гришкой Сумой. Теперь-то ясно – никакие это не туристы, не рыбаки – охранники, а вернее сказать – бандиты. На хозяина здешних участков работали, лес охраняли. Чтоб вор у вора дубинку не украл! В смысле – чтоб ни один чужой лесовоз сюда ни въехал, ни выехал. А Женька и не собиралась на лесовозе чужой лес красть. Просто придумала, как в старые, советские еще времена – по реке, по большой воде, сплавить. Как раз к пилораме-то бревна и приплыли бы – красота! Никакого лесовоза не надо, и...

Чу! Вот снова шаги, голоса... Ага – к околице подались, вражины... Кажись, ушли... Теперь немножко выждать да поискать парней, одноклассников, кои как раз для дела и приглашены были... Тракторист, вальщик – не самой же Женьке тяжелой мужской работой заниматься. Хоть и первый разряд по туризму, а все ж – не девичье это дело, деревья валить, да и лесосплав – не девичье.

Колька Смирнов по кличке Смирненький ей и раньше нравился, в школе еще. После девятого он в ПТУ ушел, как раз на тракториста, водителя... Подбить его на авантюру удалось довольно легко: лес решили взять в заброшенной деревне, где когда-то давно жила ее, Женькина, бабушка. Напилить да подтащить к плесу – трелевочник в деревне, насколько помнила девчонка, имелся, пусть старый, но на ходу, осталось только залить солярку и бензина – для пуссача.

Сказано – сделано! Женька всегда была девушкой решительной во всех отношениях: и с парнями, и просто – по жизни. Даже, пожалуй, решительной слишком... может, от того и все ее несчастья и беды? К примеру, сегодня вот.

Эх, Тяка, Тяка... Тяка – это от фамилии – Летякина – так ее свои – и не только свои – звали, Женька не обижалась.

Тьфу ты! Нить-то зачем – вроде бы обошлось все...

Проводив глазами чужих парней, уходивших к лесу, девушка невзначай глянула в криво висевшее на стене старое зеркало в черной раме, затянутое паутиной, с трещиной. Глянула и неожиданно для себя улыбнулась. Из зеркала смотрела на нее красивая и юная синеглазая нимфа.

Девушка потянулась, провела ладонями по бокам... А ведь не уродина, слава богу! И фигуркою удалась – стройненькая, не какая-нибудь там коровища, и лицо... да все к месту, разве что

грудь маловата... так далеко не все мужики от арбузищ силиконовых млеют. Грудь – да... Зато все остальное. Локоны темные, ресницы пышные, синие глаза. А если еще и вот этак, чуть исподлобья, взглянуть – да кто ж устоит-то? Даже вот тот... Одноногий Майк. Нет – просто Михаил, Миша. А что? Красота – страшная сила.

Бросив Колькину машину, до нужного места добрались довольно быстро – на байдарках. Деревня называлась Выдь-озеро, как и одноименный водоем, неширокий, но вытянутый в длину километров на пять, не меньше, из которого и вытекала бурая речка Выдь. С полдесятки заброшенных, полуразвалившихся изб, да две сожженных – и кому только нужно было их жечь? Верно, по пьяни, не иначе.

Тяка прищурила глаза: на самой круче, у леса, высилась знакомая с детства изба – бабушкина. Покосившаяся от времени, но вполне еще крепкая, с невысоким крыльцом и крытой серебристою дранкою крышей. Там, если что, и заночевать можно было.

Взобравшись на крыльцо, Женька с волнением толкнула дверь и, быстро миновав сени, оказалась в избе – печь с чугунками и прислоненным ухватом, пыльные домотканые половики, стол, самодельный комод с остатками посуды. Девушка, честно говоря, утомилась, хоть и шла-то с небольшим грузом. Парни тащили пилы и канистры, она же – продукты да водку, не так и много набралось, чай, не зимовать собрались. И все же к концу пути лямки-то плечи натерли.

Оставив рюкзаки в избе, пошли на околицу, мимо колодца с давно упавшим «журавлем», мимо ржавевшей рядом бороны и какой-то сеялки-веялки. Там же, за кустами, стоял и трелевочник, старенький ТДТ-55, рядом с которым на глинистой вязкой почве виднелись чьи-то следы, огромные и, такое впечатление, босые, что ли...

Колька со смехом забрался в кабину, потом вылез, полазал вокруг, поглядел... и со скорбным вздохом развел руками:

– А пускача-то и нет! Видать, сперли.

– Как нет? – захлопала глазами Женька. – Был же! При мне ж этот трелевочник ездил, лет пять назад... нет, семь...

– Семь, блин! – Сума тихо выругался. – Так, блин, и знал, что зря сюда тащимся. Главное, пилы еще тащили, солярку... вот дураки-то! Вот и следы...

– Это медведь ходил, – поежилась Тяка. Господи... медведя еще не хватало!

– Да при чем тут медведь? Мы из-за тебя...

– Тихо, тихо! – прикрикнув на своего дружка, Смирненький задумчиво посмотрел на девчонку. – А где река-то? Покажи. Ее-то, наверное, не сперли.

Реку не сперли, как текла себе, так и текла – бурная, дикая, с синей и холодной даже на вид, с закрутками грязновато-белой пены водою.

– Вот река, – стоя на крутом берегу, тихо промолвила Женька. – А вон – лес.

– Лес... – Колька вдруг рассмеялся, весело и громко. – Эй! А зачем нам трелевочник-то? Вон сосны-то, на самой круче растут – знай, пили да вали в воду. А, Сума?

- Хороший лес, - улыбнулся качок, со знанием дела осматривая высоченные сосны. - Сортимент! Река рядом - скинем! Если что, слегами скатим, недалеко тут. Эх, Тяка, зря мы солярку тащили! Ну, что, Колька? Попилим уже? Что-то сегодня, что-то завтра - чего зря-то сидеть?

- Верно говорит! - Смирненький взял девчонку за руку. - Ну, че ты, Женька? Видишь, как хорошо все, удачно.

- А точно получится? - недоверчиво спросила Летякина.

- Точно! Уж ты нам поверь - теперь мы командиры.

Поплевав на руки, парни принялись за работу сноровисто и быстро, часа за три скинув в реку примерно с пол-«Урала». Женька только диву давалась, насколько умело действовали ребята, как подходили к дереву, ловко делали запил, пилили, укладывали над самую кручей и, опилив сучья, сталкивали стволы вниз, в реку.

Только брызги летели по сторонам разноцветною радугой! Ловки и проворны были парни в своем труде, и от этого так красивы, что Тяка невольно залюбовалась обоими - как спорилось в умелых руках столь непростое и тяжелое дело.

Еще один ствол покатился в реку... поплыл... И снова застрекотали пилы.

Вообще-то, если по уму, не наспех - плоты б сколотить, скрепить спиленные лесины скобами. Да вот некогда нынче, Женька надеялась, что и так никуда бревна не денутся, течением к плесу прибьет.

Трудились так увлеченно, что не заметили, как на излучине реки показалась легкая казанка с мотором. Сидевший на корме рулевой - седоватый дядька в ватнике и надвинутой на глаза кепке - повернул моторку к берегу и, заглушив двигатель, настороженно поднял руку:

- О! Слышите? Я ж говорю - пилят.

Четверо угрюмых парней, сидевших в лодке, разом кивнули.

Осторожно на веслах парни подгребли к берегу да, высадившись в камышах, привязали в ивняке казанку. Поднявшись на кручу первым, седой достал из котомки бинокль.

- Ну, что там, Петрович? - нетерпеливо спросил один из парней. - Много их?

- Пока только двоих вижу... пильщики, твою мать. - Седой плавно поводит биноклем и хмыкнул. - Ого! И девка какая-то с ними.

- Что за девка, Петрович? Хоть симпатичная?

- Нате, глядите. Да не на девку - других высматривайте. Что-то не верится, что всего трое их.

На «девку» парни откровенно облизывались, то и дело поглядывая на Петровича. А тот молчал, думал...

С «ворюгами» решили разобраться по-свойски, в полицию ни о чем не сообщать. Как следует отдубасить, да в землю. Мало ли народу в тайге пропадало? Что ж касается девки, то с ней

сначала – ясно что...

Улетело в воду очередное дерево. Пильщики уселись на другой ствол, вытерли пот. Колька достал сигареты.

– Угостишь? – присела рядом Тяка. – А то мои отсырели.

– Портсигар надо иметь. – Смирненький вальяжно щелкнул крышкой. – Тогда ничего сыреть не будет. Курите, мадмазель, угощайтесь.

– Там, в ельнике, голоса, – выпустив дым, негромко сообщила Женька. – И что-то сверкало, думаю – бинокль. Нет, нет! Не смотрите... делайте вид, будто ничего не произошло.

– Слышь, Тяка, а тебе не показалось, а?

– Не показалось! Что я, дура, что ли, или глухая? Не верите, так сами потом проверьте... А пока – уходим. Пилы лучше не брать – чтоб видны были, чтоб думали, что придем...

Сума при этих словах дернулся:

– Чтоб я пилу каким-то уродам оставил? Да ни в жисть!

– Тихо ты! – почесав небритый подбородок, сверкнул глазами Колька. – Женька права. Если за нами следят – с пилами не уйдем, точно.

Сумкин умоляюще сложил руки:

– Так хоть припрячем, а потом, недельки через две, вернемся и заберем. Ну, жалко же!

Не забрали! Не вышло ничего. Не удалось – нарвались!

Тяка едва не споткнулась, огибая болото, – никто за ней еще вот так, всерьез, не гнался, не загоняли, словно боровую дичь, не орали – слева заходи, слева! Парней своих она потеряла из виду почти сразу да нарочно за ними не побежала – лучше уж так, врассыпную, а уж потом встретиться на мысу, как условились. Лишь бы не поймали сейчас. Убежать бы... До леса добраться, а там... Темнеет уже – век не сыщут, собак-то у них – нету!

Свернув с рыбацкой тропы, Женька нырнула в ельник, но ходу почти не сбавила, бежала умело, все ж таки – ориентировщица, спортсменка, опыт имелся. Преследователи быстро отстали – крики слышались куда как левей, за оврагом. Правда, и девчонка бежать уже не могла – хоть небо над головой еще алело вечерней зарею, однако в лесу-то уже стало темно, того и гляди переломает ноги.

Ничего! Зачем куда-то бежать, коли и здесь не сыщут? Пересидеть, лапником укрыться, а потом, как успокоятся все, – к мысу. Лишь бы парней не взяли! Черт, надо было с ними бежать, присмотрела бы, посоветовала б чего. Сидели б сейчас здесь вместе, над незадачливой погоней смеялись бы. Э, да что уж теперь говорить! Ребятки-то ломанулись, как лоси, позабыли и про Женьку совсем. Даже Колька – забыл... а ведь ночью... Да все они, мужики, такие! И все же, все же...

Девчонка неожиданно для себя улыбнулась, вспомнив, как читала над водкой заклятье – «дабы не понести». Да она из той тетрадки все бабушкины заговоры-наговоры наизусть выучила уже... не специально, нет, так как-то само собой вышло, память-то отличная, все ж – иняз!

А заклѣтье было интересное... и не одно...

От покойной бабушки своей, Лукерьи Яковлевны, или, по-деревенски – бабы Лукерьи, досталось Женьке небольшое, но довольно оригинальное наследство. Баба Лукерья в бытность свою считалась среди деревенских... не то чтобы колдуньей, но одной из тех, кого городские жители опасливо называют «бабки», вкладывая в это словно особый первобытно-сакральный смысл. Не чистые ведьмы, но что-то вроде – заговоры-наговоры знают, и все такое. Вот и Женькина бабуся – царствие ей небесное! – знала. Мало того, незадолго до смерти дочке своей – для внучки единственной – передала, аккуратно записав все заклѣтья – немного их и было-то – в тоненькую ученическую тетрадь в косую клетку. Кстати, одно из заклѣтий – «во языцех ведати» – Женька наизусть выучила и перед каждым экзаменом повторяла... кто знает, может, от того-то и языки ей так легко давались?

Остальные бабушины наговоры-заговоры – какие-то непонятные «на росную бугульму», «на пятницу» и «на отворение врат» – оказались, в общем-то, бесполезными. Все. Кроме одного – «дабы не понести».

Женька все ж не зря умной в школе считалась, хоть особенно-то свой ум и не выказывала, стеснялась малость, но тут-то смекнула сразу – «дабы не понести» – «чтобы не забеременеть» означало!

Конечно, особенно-то верить заклѣтью этому девушка опасалась, хотя перед тем, как с кем-нибудь того – а дело-то молодое, чего уж! – его и бормотала, но и от противозачаточных средств не отказывалась – вдруг, да что? Ну, пока бог миловал – не залетела, «не понесла»... да в последнее время и не от кого было – с дружкой прежним поссорились-расстались, а нового бойфренда что-то не появилось пока. Появится, будет ежели что-то серьезное – тогда и можно заклѣтье опробовать, а пока...

А пока бежать надо, блин! Уносить ноги, а не о заклѣтьях думать. И к чему б они вдруг вспомнились-то? От страха, наверное.

Опа! Что-то такое тут стало не так... Услышав невдалеке, у оврага, грозное глухое ворчание, Женька остро почувствовала опасность, тут же вспомнив про свежие следы у трелевочника.

Медведь!!!

Только что очнувшийся после зимней спячки, выбравшийся из берлоги, голодный, злой. Да-а... этот хитрый, коварный и чрезвычайно опасный зверь не имел ничего общего с добродушными топтыгиными, «мишками» из милых детских сказок. Безжалостный кровожадный хищник, зверь-убийца, при нужде не брезгующий питаться и своими сородичами.

Вот снова зарычал – видать, недоволен чем-то. Обычно он ломает человеку шею, затем сразу не жрет, заваливает труп ветками – чтоб подгнил малость. Гурман – мясо с душком любит. Самое страшное, что спастись-то от этого жуткого монстра в лесу нельзя – он и по деревьям лазить умеет, и бегаёт километров сорок в час, как колесный трактор. Единственное, что можно, – напугать. Ежели лицом к лицу столкнуться – в ладоши хлопнуть, заорать что есть мочи. Тогда, может, испугается, уйдёт... но это – на крайний случай. Может ведь и не испугаться, смотря какой по характеру попадетсѧ, медведи ведь, как люди, – разные.

Снова слышалось урчанье, как показалось Женьке – уже гораздо ближе. А вот погони что-то было не слышно, то ли подались совсем в другую сторону, то ли вообще свернули все, услышав

медведя. Плохо! Становиться чьей-то добычей девчонке вовсе не улыбалось, а к тому, похоже, все и шло, тут Тяка – человек, в общем-то, деревенский – особых иллюзий не питала, много чего слыхала от бывалых охотников, да и друзья-туристы рассказывали.

Укрыться от лесного зверя можно было только в одном месте – в деревне, в какой-нибудь более-менее целой избе, желательно с крепким засовом. Такой, как у бабушки... туда и идти, немедленно, как можно скорее!

Так Женька решила, так сделала – пошла, холодея от ужаса. Все казалось, будто ужасный зверь-людоед, прикормленный человеческим мясом, неслышно ступая когтистыми лапами, преследует ее по пятам, вот-вот догонит, набросится... Впрочем, нет, не набросится, чего ему набрасываться-то, чай, не волк! Просто нагонит, ударит лапой... и все.

– Господи, пронеси... Пронеси, Боже!

Не особенно-то и верила в Господа Женька... нет, верила, конечно, но воцерквленным человеком напрочь не была, все ее отношения с Богом, как и у подавляющего большинства россиян, сводились к редким посещениям церкви да к крашению пасхальных яиц.

Но тут вот проняло! Молиться стала... и даже пожалела, что среди бабусиных наговоров не было ничего «от медведя». Жаль!

Впрочем, Господь нынче отнесся к нерадивой дочери своей милостиво – пронесло, до бабкиной избы Тяка все же добралась целой и невредимой. Никакой медведь ее по пути не сожрал, даже не гнался, хотя ворчал, казалось, совсем-совсем рядом!

Захлопнув за собой дверь, Женька сунула в скобы засов и, войдя в горницу, наконец-то перевела дух. Обошлось, слава богу! Вот теперь и пересидеть до рассвета, поспать даже можно... нужно даже... Раз уж ушли...

Девушка задремала, а проснулась от чьих-то голосов! Кто-то шастал снаружи около избы, разговаривал. Вот в разбитое окно потянуло табаком – курили. А вот мазнул по стенам узкий желтый луч. Фонарь!

Екнуло сердце. Вернулись, сволочуги! Вернулись.

– Ну что? Еще одну избу проверим, да до утра перекур.

– Да уж. Заколебало уже по ночам в лесу бегать. Говорил же, надо было сразу проверять. А теперь... Этак недолго и ноги переломать – лечись потом. Не знаю, как вы, парни, а я на такое не подписывался.

– Это ты Петровичу расскажи... Они уж должны бы подойти.

– Может, поймали уже кого?

– Может...

Судя по голосам, по теням на фоне блеклого светлого неба, снаружи было трое. И они собирались – явно собирались – проверить вот эту избу, в которой пряталась сейчас Женька.

Черт! А дверь-то на засове! Сразу поймут...

Девчонка дернулась было, но поняла, что уже поздно.

- Не открывается!

- Давайте в окна.

В окна! Вот ведь блин. Об этом-то Женька не подумала... и куда ж теперь было деваться - на чердак или в подвал...

Звякнуло выбитое стекло. На чердак уже было некогда, оставался подвал.

Прихватив рюкзак, Женька проворно распахнула крышку, юркнув в сырую темноту подполья, да там и затаилась, спряталась... лишь старые доски глухо стукнули над головой. Как в гробу, блин... Тьфу ты, ну и мысли!

Достав из кармана рюкзака фонарик, девушка посветила по сторонам, внимательно разглядывая полки с какими-то корзинками, картофельными ящиками и старыми - уж бог весть, сколько им было лет - банками, всякими там соленьями-вареньями. Все это нисколько Тяку не волновало, ее сейчас интересовало одно - оконце, лаз, ведь где-то оно должно было быть, должно...

Однако не было. Вместо оконца в другом конце подвала в желтом луче фонаря тускло сверкнула дверь. Именно что сверкнула, словно была окована железом. Подбежав, Женька протянула руку - действительно, окована! Только вот не открывается ни в какую. Никак.

Услыхав над головой голоса и противный скрип половиц, девушка поспешно погасила фонарик, опасаясь, как бы свет не выдали сквозь небольшой лаз для кошки, пропиленный в полу, у крышки подвала, как и было положено во всех деревенских домах.

Господи... раз есть дверь, так ведь должна же она как-нибудь открываться, не может же быть, чтоб вообще никак - иначе зачем вообще здесь дверь? А ведет она... так, судя по всему, в хлев же и ведет, вот ведь здорово! Открыть бы - и поминай, как звали, ищите-свищите!

- Господи, господи... ну, открывайся же! Ну... Может, наговор еще прочитать? Так ведь было «на открывание ворот»... нет, не так - «на отворение врат». Да, так. Именно! Вдруг да поможет... Как там, блин?

«Во семи гласы Стрибожьи да Семаргловым бо внусям...»

Торопливо пробормотав заклятье, девушка грозно ударила в дверь кулаком, прикрикнув:

- Отворись! Отворись! Отворись!

- Надо б подвал проверить, - сказали сверху.

Крышка подполья откинулась, и по глазам Женьки мазнул яркий безжалостный луч!

- Ха! Да вон же чикса-то! У-тю-тю, попалась, птичка!

- Отворись!!!

Девчонка изо всех сил пихнула дверь руками... и та вдруг неожиданно легко поддалась, настолько легко, что Женька не удержалась на ногах, проваливаясь в темноту, падая куда-то с какой-то непонятно как оказавшейся здесь кручи.

Глава 2. Май. Где-то под Крутогорском. Первое потрясение Женьки

Оказавшись в холодной воде, Женька машинально заработала руками, живенько избавившись от рюкзака, вынырнула, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Да-а, хорошо бы – на берег-то, только вот где он... и вообще...

Господи, холодно-то как! Темно... сверху дождь какой-то противный, мелкий... Это куда же она провалилась-то? Ой... бли-и-ин...

От холоднющей воды свело судорогой ноги, Женька еще сильнее заработала руками, чувствуя, как ее неудержимо тянет вниз, в глубину...

– Руцы, руцы давай, дева! – закричали откуда-то сверху... с берега?

– Тимота, ныряй! Ныряй, грю, коровья башка. Утопнет!

Кто-то бросился в воду совсем рядом, поплыл... схватил Женьку за волосы, вытащил, отбирая у смертоносного омута, заорал:

– Эй, помогайте, ага!

– Сюды, сюды плыви... Посейчас, посейчас... Путятко! Почто стоишь, пень трухлявый?

Второй тоже нырнул... Нет, скорей, просто вошел в воду, подхватил Женьку на руки, понес...

На берегу – несостоявшаяся утопленница только сейчас заметила – жарко горел костерок, вокруг бегали-суетились какие-то парни числом в полдесятка. Женьку быстро раздели – странно, но она почему-то совсем не стеснялась, наверное, не до девичьего стыда было, да и раздели-то не совсем – трусики да лифчик оставили, что-то изумленно сказав, завернули в какое-то покрывало, усадили к костру, протянули деревянную (!) кружку:

– На-ко, дочь, сбитню хлебни. Пей, пей... О-от, славно.

Странный оказался напиток – пахучий, горячий, сильно пахнущий медом и травами и довольно приятный на вкус. А как от него тянуло в сон! Прямо снотворное.

– Глянь-ко, совсем скукожилась дева!

– Пушай поспит. Едва ведь не утопла, эх, бедолага. Путятко, в шатер ее отведи.

– Сделаю.

Широкоплечий парень в длинной, почти до колен, рубахе с узким пояском отвел Тяку в большую палатку, разбитую не遠далеке, меж двумя березами. Внутри оказалось довольно просторно, сухо и мягко, правда, никакие спальные мешки не обнаружились, «пенек» тоже не было, а были... какие-то шкуры, что ли. А ведь и впрямь – шкуры. Интересно, что это за парни? Да кто бы ни были – уж точно не те, что остались в избе... Что же, выходит, там, под хлевом, ручей, что ли? Похоже, что так и есть...

Впрочем, особенно-то Женька сейчас ни над чем не задумывалась, неохота было, мысли расслабились, да и все тело млело, словно в неге. Еще бы – после холодной-то водицы да в тепло!

Расслабилась Женька, уснула, но спала, как все бывалые туристы, чутко и проснулась от громких криков.

- Хей-гэй! Довмысл со людищи идяху!

- Ох, возвернулся бо!

- Эй, эй, довмысловы! Как у вас? Княжну отыскали?

- Отыскали. В реке едва выловили...

- Хм... и мы выловили...

- Мы - мертвую.

- А мы - живую!

- Чего-чего?

- Родом с роженицами клянусь! И Велесом. Вона дева, в шатре спит, сами гляньте!

- Х-хэ... Надобно дядьке Довмыслу сказать!

Вот такой вот произошел разговор. Частью понятный, частью нет. Княжны какие-то, роженицы... чушь собачья.

- Говорите, живая?!

Услышав грубый повелительный голос и чьи-то быстро приближающиеся к шатру шаги, Женька притворилась спящей. Не-ет, спешить не надобно, лучше уж полежать... вдруг да еще чего подслушать удастся? Парни они какие-то странноватые, говорят не совсем понятно... Кстати, наговор можно прочесть! Тот самый, «во языцех...»

- Те бо в языцех ведати... - живо зашептала Женька...

Успела. Как раз до того, как кто-то откинул полог. Дернулся рыжий свет - светили, похоже, факелом.

Кто-то осторожно стащил с девушки покрывало... нет, то все же был какой-то старинного покроя плащ.

Секунд пять заглянувшие просто молчали, а потом кто-то громко сказал:

- Х-хо! Не она, тако.

- Да ить, дядько Довмысл, глянь - уж больно похожа. Вот мы и подумали - княжна. Да и кому еще тут тонуть-то? Ведь токмо первая лодья...

- Лодья, лодья... - в голосе «дядьки Довмысла» послышались явные угрожающе-презрительные нотки. - Кто гнал? Кто сказал, мол, по высокой воде славно идти? Вялко все, муж весянский. А я ведь предупреждал - не спешить. Угодили в пороги - вот оно и вышло славно. Сами не все упаслись, а главное - княжну утопили.

Довмысл чуть помолчал и продолжил:

- Не знаю, откель дева эта взялась, одначе с княжною она ничуть не схожа... Красивше гораздо, х-хы!

- Х-хы! – глумливо подхватил кто-то рядом.

- И тощее. Что это на ней за тряпицы?

Женька обиженно дернула веками – ничего себе, тряпицы! Дорогущее итальянское белье!

- Не ведаю, дядька, тако и была. Да одежонка ее у костра, сохнет. Ты бы взглянул.

- Да, – согласно пробасил Довмысл. – Идем, глянем. А эта пущай спит. Утром решим, как с ней...

- Може, дядько Довмысл, промеж собой ее раздербаним, да потом в Альдейге продадим?

- Я вот те раздербаню, пес худой! Посейчас не о девках надобно думати, а о том, как свои головы на плечах удержати, так!

Вновь стало темно, лишь желтые сполохи костра проникали в щелку, прыгая по углам. А у Женьки весь сон сгинул, пропал, как и не было! Очень ей не понравились речи про то, что, мол, с ней делать. Ее саму не спросив! Офонарели совсем, пиндосы деревенские! Словно бы она, Женька Летякина, тут никто и звать ее никак. Словно не гражданка российская!

Из всех остальных слов девушка, несмотря на прочитанный наговор, поняла лишь то, что ее явно приняли за кого-то другого. За какую-то (похоже, что утонувшую) княжну. Княжна, о как! С ума сойти, блин.

Сбежать от них, что ли? Нет, только не сейчас – ночью, в одном бельишке. Оно хоть и сексуальное, но, увы, не греет, а ночи-то в начале мая холодные, да и днем-то не особо вспотеешь. Полуголой по лесам не побегаешь, точно. Надо хотя б одежку вернуть. Жаль, рюкзак утонул, да.

Несостоявшаяся утопленница все же уснула и проснулась уже от громких голосов и бьющего через щель в шатре солнышка. А дождь-то, слава богу, кончился! Солнце – это хорошо.

- Всем привет!

Накинув на голые плечики плащ, Женька выбралась из шатра и с улыбкой на устах подошла к костру. Парни уже варили в котле ушицу. Обычные такие парни, один, светленький, – в узких смешных штанах и по пояс голый, второй, заметно смуглее, – в длинной рубахе. Оба – длинноволосые, небритые, а тот, что с голой грудью, чем-то походил на Смирненького.

- Как рыбка? Смотрю – ловится. Угостите?

- Знамо, угостим. Только пожди малость, доварим посейчас.

Тяка улыбнулась. Сейчас, солнечным светлым утречком, парни вовсе не казались ей такими уж подозрительными. Обычные ребята, подумаешь, серьги в ушах – тоже еще, модники деревенские. Продвинутые, ага!

- Хорошо, подожду. Одежка где моя? А-а-а, вижу, вижу, сушится. Молодцы. Спасибо.

Висевшие на ветках джинсы да свитер не так чтобы уж совсем высохли, однако сейчас было не

до жиру, не в белье же ходить? Хотя, конечно, можно, парни наверняка были б тому очень даже рады... но все же наглеть-то не надо.

- Вы что, вдвоем, что ли? - натянув за кусточками джинсы и свитер, Женька вновь подошла к костру, уселась, протянув к огню кеды. - А где все?

- Лодьи проводят, - охотно объяснил светленький. - А мы тут, у костра оставлены. А там бобры деревья повалиху...

- Ха!! - Тяка засмеялась. - О бобрах мне не рассказывайте - сама туристка. Картина знакомая! Меня, кстати, Женей зовут, а вас?

- Я - Тимота, - охотно представился светленький. - А это дружок мой, Путятко.

- Тимота, Путятко... - Девушка покивала и хмыкнула. - У одной моей подруги - вместе в общежитии жили - в телефоне тоже одни Рагнары, Торы, Эйнары. Она с ними в походы хаживала на драккарах, в игрища их играла... вот как вы! На лодейках, говорите, плывете? Тогда, может, и подружку мою знаете, может, где на тусовках встречались. Ленка ее зовут, а по-вашему - Рогведа.

- Рогведа? - Парни переглянулись. - А чья она дочь? Из чьего рода?

- А черт ее... я помню, кто ее родоки, что ли? Вот еще надо было!

- Хм... - помешав в котелке большой деревянной ложкой, Тимота прищурился, поглядев на спасенную так хитро, словно бы решил раскрутить ее... гм-гм... на более близкое знакомство. - Портки-то у тебя крепкие!

- Хм, крепкие. Обычная китайская джинса... или турецкая. Кстати, вы курточку мою случайно из воды не достали? А то там и мобила, и бабки. И сигареты... О! Нет, сигареты здесь... - Женька похлопала по задним карманам и довольно хмыкнула. - И зажигалка. Кстати, у вас покурить нет?

- Чего... нет?

- Понятно, не курите. Ничего, свои высушу, вдруг да покурить захочется.

Осторожно вытащив из мятой вымокшей пачки несколько ментоловых сигарет, девушка аккуратно разложила их рядом, на плоском сером камне и, обернувшись к удивленно застывшим парням, спросила:

- Ну, что там с ухой-то?

- Ах да! - спохватился Тимота. - Можешь пока из моей миски покушать... держи.

Набросав в деревянную (!) миску дымящейся ущицы, юноша с улыбкой протянул Женьке. Та благодарно кивнула:

- Спасибо.

- Вот, ложку бери.

- И за это благодарствуйте! Ха - деревянная. - Зачерпнув ароматно дымящееся варево, Женька подула на ложку. - Вы тут все из дерева делаете, да? А мечи у вас есть? А кольчуги? Вот Ленка,

которая Рогведа, рассказывала...

- Ты кушай, кушай, дева, - снова улыбнулся Тимота.

Смуглый напарник его, Путятко, за все время еще не проронил ни слова, а вот Тимота, похоже, любил потрепать, не мог молча посидеть и секунды. То спрашивал, почему это Женька «в портах», то допытывался - зачем, мол, косу отрезала.

- За тем, зачем Володька усы сбрил! - рассердилась Тяка. - Я ее и никогда не носила-то. Коса! По лесам с ней не особо удобно... как и в юбке, вообще-то. А ушица у вас вкусная, спасибо. Только почему-то в ней одни налимь...

- Так налимья! А в том вон котле - форелевая будет.

- Гурманы, блин. А соль? Соль где? И хлебца бы не помешало горбушечку.

- Соль?! - округлил глаза Тимота. - Соль в Альдейге купим, а покуда - так. Хлеб же, лепешки у воеводы нашего, дядьки Довмысла, хранятся, он их и выдает, посейчас вот не успел еще.

Женька фыркнула:

- Вижу, прижимист ваш дядька Довмысл. Вы сами-то откуда? С Ладोगи?

- Из Киева мы...

- Из Киева!!! Однако! Так у вас же там...

- Да ты про себя расскажи, дева-краса! - вклинился в разговор смугленький Путятко. - Кто ты, откуда? Какого роду-племени будешь? Толь из варягов, толь из весян, из словенов?

- Бабушка моя из вепсов была, други, - опростав ушицу, смирененько поведала «дева». - А батюшко - из словен.

- А род? Рода какого?

- А рода я женского! - Женька рассерженно сверкнула глазами. - Не трансвестит, не видно?

- Да мы видим, что женского, - ты нам другое поведай!

Где-то за мысом затрубил рог, и из-за излучины одно за другим показались суда. Женька ахнула: и в самом деле - ладьи! Такие, какие в школьных учебниках и на знаменитой картине Рериха «Заморские гости». Большие, в длину как четыре байды, а то и пять, с миндалевидными, вывешенными по бортам щитами.

- Целых пять штук! Ну, ни фиги ж себе вы даете! - искренне восхищалась девушка. - Это ж без выходных, без праздников... А правда, что вы ничего современного не используете? Даже рубахи свои да плащи крапивой красите, дубом, корой?

- От крапивы - да, цвет зеленый, яко трава, - Тимота улыбчиво закивал. - От дуба коричневатый, а от жимолости - желтый. Ну а красный аль небесный - у нас в этаки цвета не красят, то в землях дальних, чужих.

- Здорово!

Качнув головой, Женька тут же поинтересовалась насчет своих незадачливых пыльщиков – мол, не видели ли? Не забыла и о парнях в казанке спросить... Ни Тимота, ни дружок его Путятко вразумительно на вопросы сии не ответили. Просто дернули шеями, словно застоявшиеся кони – дескать, не, не видали.

– Ну и плохо, что не видали, – вздохнула девчонка. – Жаль. Ладно, сама поищу. Только можно я с вами во-он до того мыса доеду? Ну, на лодейке прокатите?

– То как воевода скажет.

Воевода. Ага. Женька мыкнула – ишь, как их тут главный держит. В ежовых рукавицах! Поди, сухой закон и никаких девок, прокатит такой на ладье, ага, жди-дожидайся. Да и черт с ним, и без ладьи обойтись можно – тут и пешком-то всего ничего.

Направляемые умелыми взмахами весел ладьи разом свернули к берегу и почти одновременно ткнулись носами в песок... совсем невдалеке от той самой кручи, где еще вчера...

Ладно, уж чего теперь вспоминать-то? Еще хорошо, что так все закончилось, а то б привезли в город в наручниках и с мигалкой.

Народ среди реконов – реконструкторов старины, именно так – реконы – их называла Женькина общежитская подруга, Ленка-Рогведа, – подобрался осанистый, сильный. Все молодые парни да мужики, девчонок было не видно.

С первой ладьи ловко соскочил на берег какой-то плечистый тип с длинными, как у гориллы, руками, низким покатым лбом и всклокоченной черной бородищей, тронутой многочисленными серебряными волосками. Старый, лет сорока, но жилистый, сильный. На типе сем были одеты широкие синие шаровары, заправленные в какие-то кожаные полусапоги-полулапти с обмотками, да длинная темно-зеленая рубаха с серебристым узорочьем по вороту, рукавам и подолу, да отороченная рыжеватым мехом шапка. Слева, на кожаном – через плечо – ремешке висел меч в сафьяновых, оплетенных ремешками ножнах.

Похожие мечи, как заметила Женька, здесь имелись у многих, но далеко не у всех: кто-то обходился коротким копьем, кто-то секирой, а кто-то и вообще – обитой железьем дубиной. Луки тоже были. Со стрелами.

Поспешно вскочив на ноги, сидевшие у костра парни, поклонясь, доложились:

– Ушицы готовы, дядько Довмысл.

– Готовы так готовы, – не спуская глаз с девушки, хмыкнул Довмысл (вот чей голос Женька слышала ночью в шатре). – Поснидаем, да в путь. Поднажмем, так завтра к вечеру в Альдейге-Ладоге будем... С тобой же, дева, посейчас и порешим! Идем-ка... для разговору.

Воевода нехорошо прищурился и, обернувшись, махнул рукой:

– Подмогните девке!

Тяка не успела и слова сказать, как спрыгнувшие с ладьи дюжие молодцы, подхватив ее под руки, потащили следом за старшим куда-то в лес... на опушку, подальше от всех прочих.

Напрасно девчонка возмущалась:

- Эй, мать вашу так! Куда вы меня тащите? А ну, отпустите... Отпустите, кому говорю?!

Женьку поставили на ноги вовсе не по ее просьбе, а по знаку недобро ухмыльнувшегося Довмысла.

- Ну? - Тяка сверкнула глазами. - И что вам от меня...

Довмысл - воевода чертов! - неожиданно ударил ее по щеке, не то чтобы сильно, но больно, впрочем, сбитая с ног Женька сразу же свалилась в траву, откуда ее вытащили все те же парни - воины, блин, недоделанные - и по приказу своего чокнутого вожака грубо сорвали с девчонки одежду. Джинсы рванули так, аж треснули, что уж говорить о белье!

- У-у-у! - сиюсь вырваться, завопила Тяка. - Помогите-е-е! Эй, кто-нибудь... Эй...

И снова нарвалась на удар! На этот раз - ногой в бок.

Больно было до ужаса, несчастная девчонка согнулась, заплакала:

- Сволочи-и-и-и...

Вот ведь попала! Одни психи кругом... - глотая слезы, Женька все же соображала, что делать: надо этим психам долбаным не перечить и при первом же удобном случае бежать со всех ног!

К ужасу своему, Тяка примерно знала, что сейчас последует... и даже не примерно, а точно! Сейчас... вот сейчас...

Приготовилась уже к худшему... однако ошиблась: вместо того, чтоб снять штаны да оприходовать попавшую в лапы девку, Довмысл неожиданно выхватил меч, приставив его к шее пленницы.

- Я бы мог убить тебя сейчас.

Женька стиснула зубы - уж с этого станется!

- Пронзить мечом, сжечь, утопить, отдать для забавы гридям... Веришь?

Глаза при этом у «воеводы» были таки-и-е! Точно, псих! Конченный! Тяка слыхала как-то от той же Рогведы-Ленки о том, что люди с неустойчивой психикой, бывает, принимают средневековые игрища за реальность - так и живут. Вот ведь угораздило столкнуться...

- Ай... больно же! - Женька вскрикнула - острый клинок рассек, расцарапал кожу до крови.

- Еще не так будет, - хмуро пообещал псих. - Сказывай - кто ты? Какого рода, племени?

- Мы так просто, с друзьями... тут... - заканючила девчонка.

- Где отец твой?

- Умер давно.

- Та-ак. А в роду старший кто?

- Какой еще старший? Дед? Так нет его.

- Ладно!

Сунув меч в ножны, Довмысл приказал парням положить пленницу на траву и сам присел на корточки рядом. Видать, надоело стоять.

- Поверните ее спиной!

Женька похолодела – вот оно, началось! Сейчас... в извращенной форме. Ой, мама, вот, блин, влипла-то! Ну почему она такая невезучая, Господи-и-и?

- Что такое кровавый орел, ведаешь? – тихо, почти ласково спросил псих.

- Какой еще орел, у-у-у...

- Не ной! Это когда человеку взрезают мечом спину, потом выламывают ребра, вытаскивают наружу легкие. Мучительная, злая смерть! Хочешь испытать?

- Не-е-ет! – Девушка дернулась, почувствовав спиной холодное лезвие. – Что вам от меня надо-о-о-о?

- Покорности! – резко промолвил Довмысл. – Хочешь жить – как скажу, делай!

- Я согласна, согласна!

Лишь бы уговорить, лишь бы этот чертов псих ей поверил, лишь бы... Ну, что там он заставит-то? Групповой секс? Минет? Да лишь бы не убил, не изувечил – а ведь, похоже, может!

- Тогда слушай и запоминай. Как тебя там раньше звали – забудь, весь свой род – забудь, тем более, похоже, у тебя его и нету, приبلуда ты, изгойка никому не нужная. Так и сгинешь. А можешь княжной стати!

- Княжной?!

- Слушай, что говорю. Запоминай. Звать тебя – Малинд, Малинда. Ты – из рода кайванов, могучего племени вес, младшая дочь их князя Таумярга.

- Ма-линд – береговая ласточка, – тихо пробормотала девчонка. – Таумярг... лук мокрый... мокрый лук...

- Вижу, ты понимаешь речь веси. – Довмысл довольно кивнул.

- Я ж на инязе училась. Финно-угорскую филологию сдавала... зачет.

- Славно, славно... Про родичей твоих Стемид ведает, – воевода кивнул на одного из парней – Женьку так и не отпускали, придавив крепкими ладонями спину.

- Стемид и расскажет, а ты запоминай. После князю будешь рассказывать, коли спросит!

Длиннорукий псих расхохотался, наконец-то засунув меч в ножны.

- Какому еще князю? – все ж любопытствовала пленница.

- Нашему князю, киевскому, великому хакану Святославу, сыну славного Ингваря-конунга! Ведаешь про такого?

- Еще бы!

Так вот, значит, у них какие игрищи. Святослав, походы на хазар, что там еще? Набеги на Византию. ЕГЭ по истории Женька сдала неплохо, правда, сейчас уже многое подзабыла, но кое-что все же помнила - про Святослава, про Ольгу, про Игоря - как его древляне казнили.

А... а вдруг... Вдруг это никакие не психи? А самые настоящие обитатели десятого века! Куда она, Женька, каким-то неведомым образом вдруг провалилась. Заклятье! Заклятье, блин! «На отворение врат». Ну, бабуля, подсуропила... Вот куда врата-то открылись! В десятый век. По всему - так выходит... И все же до конца не верилось... не хотелось верить.

- Боги милостивы к тебе, дочь, - между тем, продолжал воевода. - Женой Святослава, великого хакана русов, будешь! Но удержи тебя боги признаться ему, кто ты такая на самом деле есть. Князь на расправу крут - живо прикажет содрать с живой кожу. Поняла все?

- Да поняла уже! - взорвалась Женька. - Что я, тупая, что ли? Звать меня Малинда, я - дочь вепсского... весянского князя, везут меня князю Святославу в жены. Чего непонятного-то?

- Добро. - Довмысл ухмыльнулся, провел жесткой ладонью по голой Женькиной спине, хмыкнул, но тут же отдернул руку, сам себя отругал: - Цыть, похотливец старый! Чай, в Ладоге-то дев купим, недолго ждать.

- Да, в Альдейгуборге красивых рабынь хватает, - промолвил до того молчавший Стемид. Сказал не по-русски, точно, но Женька все поняла, хотя вроде и не должна была бы понимать.

Наговор бабусин помог? «Во языцех ведати».

- Одежку твою изгойскую мы спалим, - негромко продолжал воевода. - Но - после, в Ладоге, там и новую сладим. Пока же с нами на ладье поплывешь, шатер для тебя разобьем, там и сиди, не высывайся. Знай - приглядывать за тобой есть кому. Бежати вздумаешь - стрела достанет. А девку мы в Альдейге новую купим.

- Нет, нет, - Женька поспешно кивнула, упершись лбом в траву. - Я согласна, согласна, в княжнах-то ведь не в холопах - хорошо даже!

К чему спорить, когда сила не твоя? Лучше для виду во всем соглашаться, а то ведь прибьют или покалечат, что с них взять-то? Десятый век, господа! Или все же - психи? Нет, не может быть, чтобы все. Вон, Путятко с Тимотой - ничего, вроде парни нормальные. Хотя... Женька где-то в Интернете читала, что люди, страдающие вяло текущей шизофренией, очень часто имеют какую-нибудь манию, в которой достигают изрядных высот, китайский язык учат или вот историческими реконструкциями занимаются, причем явно на очень высоком уровне - это ж видно! Все эти мечи, шлемы, кольчуги... Настоящие!!!! Нас-то-я-щие!

Правда, кольчуги Летякина из-за дальности расстояния - воины-то в ладейках сидели - не шибко-то хорошо разглядела, может, то и не кольчуги были вовсе, а просто выкрашенные серебрянкой свитера грубой вязки... Нет! Этим только ролевики грешат, всякие там толкиенисты и прочие эльфы-вампиры, как Ленка говорила, реконы - никогда, те все четко делают, как в давние времена было: ежели рубаха - так вручную на станке выткана, крапивою с квасцами выкрашена. Кто-то сам делает, кто-то покупает - тех, правда, не очень-то уважают, купить-то всякий дурак может, в Москве лавок полно, по Интернету торгуют - хочешь полный комплект викинга - пожалуйста, только бабосы плати. Женька не знала, сколько все стоит - меч, щит, кольчуга, - как-то не интересовалась, не спрашивала, однако полагала, что весьма и весьма прилично, вполне сопоставимо со стоимостью подержанного авто.

И все же, все же выходило, что... Десятый век, десятый!!!

Все эти мысли вихрем пронесли в растрепанной голове поверженной в грязь девчонки, Довмысл же тем временем поднялся на ноги и махнул рукой второму парню, не Стемиду:

- Отведи ее на мою ладью, Всеславе. А мы тут пока помыслим еще...

- Эй, эй! - Тяка проворно вскочила на ноги. - Так, может, я оденусь уже?

- Одевайся. Живей.

О бельишке, конечно же, речи не шло - порвали, а жаль - ладно, что дорогое - красивое. С собой забрать да потом сшить? Тьфу... больно надо! Лучше уж купить новое.

Быстро натянув разодранные джинсы да свитер, Женька села наземь - завязать на кедах шнурки... тем самым вызвав неожиданный гнев «воеводы»:

- Сказал, на лодью - живо!

- А...

- Там и обуешься! Пшла!

Несмотря на все свое состояние, девчонка смотрела вокруг широко раскрытыми глазами: ну надо же, как здорово все, красиво! И ладьи эти с красными, навешенными на борта щитами, и воины - молодые мужики, парни. Все уже поели и теперь собирались в поход - кто-то даже натягивал кольчугу. Звякнула! Значит - железная, без дураков! Эх, позвонить бы...

- Иди уже, не то... - грубо подогнал Всеслав.

Правда, не толкнул - вел себя деликатно, даже поддержал под руку на узких сходнях, сопроводил в разбитый на корме небольшой шатер, шикарный - из какой-то блестящей ткани с затейливой арабской вязью.

Там пленница и расположилась, разлеглась на кошмах и снова принялась думать, внимательно прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. А там звучали веселые молодецкие голоса, шутки, вот кто-то что-то уронил в воду - плеснуло, - рядом тут же с видимым удовольствием прокомментировали про дырявые руки, тут же грохнули смехом.

А вот запел рог, ладья дернулась - видать, сталкивали на глубокую воду. Столкнули. Сквозь приоткрытый полог Женька увидела оставшуюся за кормой полоску пены, а за ней - и другие ладьи. Как ловко гребли эти парни! По всему - тренировались изрядно, иначе б не смогли так. Вряд ли они психи... А может, вот прямо сейчас позвать на помощь, закричать?

Тяка попробовала - высунула из шатра голову:

- Эй!

Откуда-то взявшийся Стемид немедленно хлестнул девчонку ладонью по щеке и, забравшись в шатер, зашипел, держа пальцы на Женькином горле:

- Тебя придушить, что ли, щучья дочь? Чего разоралась? Уговор наш забыла?

- Пусти-и-и, - просипела пленница. - Я просто хотела попить спросить.

- Вон у тя в углу - жбан с водицей. Пей сколько хочешь и помни - вздумаешь орать - придушу!

Ах, вот, значит, как... Значит, они тут, рядом, здесь же сидят, на корме. Кричать, звать на помощь - себе дорожке выйдет. Может, тогда просто выпрыгнуть - да в реку? Пусть и холодная водица, да ведь не море кругом - река, и не такая уж и широкая.

Догонят. Точно догонят, а то еще и стрелу пустят или копье бросят вслед. Не-ет, тут хитрее не днем - ночью. Как на стоянку встанем, так уйти - типа пописать, и деру! Еще лучше - под утро, чтоб сто раз подумали, что им важнее - беглянку по лесам искать или плыть себе спокойненько дальше?

С другой стороны - если десятый век, так куда бежать-то? И все же надо посмотреть, послушать... Может, не все еще потеряно?

Женька устроилась поудобнее и наострила уши, прекрасно помня так называемый эффект отсутствия (сама так прозвала!) - вот, если рядом с беседующими между собой людьми стоит обычная палатка, в которой кто-то есть, то снаружи-то кажется, будто и нету. Палатка и палатка, не человек, палатки никто не стесняется, все свои проблемы обсуждают в голос, такого иногда наслушаешься, хоть и не хотелось бы! Кстати, обратный вариант тоже верен - когда, наоборот, те, кто в палатке, проблемы обсуждают, едва не крича. Да даже и вполголоса - а все равно на весь лагерь слышно - стенки-то - тряпка, синтетика!

Вот и здесь, в шатре, надеялась Тяка кое-что интересное для себя подслушать, чтоб ей как-то из сложившейся ситуации нехорошей выбраться с наименьшими для себя потерями, а лучше - вообще без потерь. Уж ладно, разорванное бельишко не в счет, хоть и жалко - фирменное ж!

Притихла Женька, затихарилась - типа спит, сама же - ушки на макушке... И кое-что услышала-таки! Уже и голоса различала, понимала, что кто кому говорит, благо беседующие расположились рядом, на корме, и голоса их были уже знакомы, по крайней мере один - гулкий, уверенный, с хрипотцой - Довмысла.

- Может, все ж другую купить, дядько? - спросил кто-то помоложе воеводы, скорее всего - Стемид. - Эта больно наглая. Не нравится мне, клянусь молотом Тора!

- Эту все воины наши уже видали, - возразил Довмысл. - А ту, утонувшую, и не видали почти - пуглива, из шатра-то не вылезала.

- Но, дядько, кто-то все же...

- Те, кто знает, с теми потом решим. А эту... Эта - изгойка. И вдруг княжной станет - не видел, как очи зажглись? А я вот заметил. С рабыней же купленной сызнова разговор зачинать надо, да не всякая девка еще подойдет. Сколько же их покупать, серебро тратить?

Послышался приглушенный смех:

- Ох, и прижимист ты, дядько Довмысле!

- Поживи с мое. К тому ж в Ладоге мы ее к волхвице одной сведем.

- К Урмане?

- К ней. Пущай поколдует. Скажет другую искать - тогда и поглядим невольниц, а эту - в Волхов.

- Эту, другую, - после недолгой паузы, заполненной криками чаек, вновь подал голос молодой. - Пусть хоть какая будет. Но там, в Киеве, когда на ложе княжье возляжет, не захочет ли нам отомстить?

- Не достанет: князь вечно в походах, и мы с ним.

- А коли вдруг родичи ее проведать приедут? Старцы весяньские аль торговые гости? Увидят, а скажут - не та! Куда, мол, нашу княжну дели?

- Х-хо! - воевода хрипло хохотнул и помянул какого-то бога. - Ты думаешь, я о том не помыслил, Стемиде? Не увидят ее гости весяньские, и нам она навредить не успеет! Старица Криневера на что? Изведет девку, к осени в могилу сгонит, а то и раньше! Пусть уж потом князь печалуется - то уж не наше дело. Померла и померла, мы ж живую и невредимую привезли, тако?

- Тако! Ну и мудр ты, дядько Довмысл.

- Я ж и говорю - с мое поживаху!

Ну, вот опять! Киев... князь... волхвица... Средневековье, блин, да к тому же - раннее! Быть такого не может... потому что не может быть никогда. И все же... все же было!

Помотав головой, словно отгоняя от себя невероятные мысли, Женька зевнула и закрыла глаза, чувствуя, как берет свое накопившаяся усталость, как наваливается сон, тянет в свои объятия...

Лица какие-то кругом замелькали, слышались голоса...

- Налейте, налейте еще. Не, не мартини - водки.

- Че, девчонки, закуска-та еще есть?

- Глянь в холодильнике.

- Пилите, пилите, парни!

- А вот и он - трелевочник.

- Давайте еще за бутылкой сходим. А то почти нет уже.

- Ловите их, ловите! У, ворюги!

- Старцы весяньские...

- Малинда ты теперь. Ма-лин-да.

- Эй-эй, проснись, девка! Эй!

Кто-то грубо схватил Женьку за ногу, потянул...

- Ай! - Вздвогнув, девчонка открыла глаза. - Кто здесь?

- О! Гляди-ко, проснулась... Давай, вылазь - посейчас в лес тя отведут, дела свои сделаешь.

- Какие еще дела? А... пописать... Давно пора бы!

Пока двое молчаливых парней вели пленницу в ореховые кусты и обратно, та смотрела во все глаза, прикидывая, как лучше дать деру, и сожалея, что не удалось сбежать прямо сейчас – ребятки-то уж больно ретивые попались, далеко от себя не отпускали, прямо извращенцы какие-то... вуайеры, вот!

Вечерело. Светло-синее, тронутое легкими бежевыми облаками небо сияло оранжево-золотистым закатом, от высоких, насыпанных по обоим берегам реки курганов тянулись длинные черные тени.

К большому сожалению узницы, лагерь нынче не разбивали, шатров-палаток не ставили, лишь разложили костры да наскоро приготовили пищу – Женька и сама с видимым удовольствием похлебала принесенной ей на ладью ухи, две миски слокала – налимью и окушковую. Разные породы рыб здесь почему-то варили отдельно, наверное, по какому-нибудь старинному рецепту. Варили вкусно, хоть и почти без соли, зато с какими-то травами, с корешками.

- Спасибо, – протянув пустую миску Стемиду, поблагодарила Женька. – Жаль, без хлеба.

- Ничо, уж завтра в Альдейге хлеба-то наедемся. А пока дай-ко руки, свяжу.

- Да зачем связывать-то? Куда я от вас денусь? – начала было Тяка... Но тут же согнулась от полученного в правый бок удара.

Закусила губу, глотая злые слезы... Себя нужно было ругать – нечего прекословить воеводе. Сказал – вязать – так протягивай руки.

Пожинав, реконы сразу полегли спать, песен, как обычно, не пели, лишь, повернувшись к курганам, кланялись да что-то шептали – вероятно, молитвы.

Утром поднялись рано, на зорьке, двое парней снова отвели Женьку в орешник и следили так же пристально, как и вчера. Ну, за самим процессом, конечно, не посматривали, но находились рядом, Тяке казалось – она даже дыхание их слышала.

Ладно, не сейчас... Судя по всему, именно сегодня похитители (или все же – спасители?) собирались куда-то приплыть, то ли в какой-то город, то ли на свое сборище.

Еще ночью пленница проделала в шатре дырку – растянула неплотно сшитые полоски ткани в углу, теперь, когда ладьи пустились в путь, с любопытством осматривала тянувшийся слева берег, густо поросший хвойным угрюмым лесом, кое-где прерываемым опушками и березовыми да осиновыми рощицами. Попались две деревеньки, но из-за дальности расстояния – река-то расширилась – ничего толком было не разглядеть. А девушка все же где-то в глубине души надеялась увидеть... ну, хотя бы вышку сотовой связи! Вот увидеть ее... и все! И успокоиться уже...

Однако ж нет! Никаких вышек не было. Все чаще виделись сопки – явно рукотворные, погребальные курганы, насыпанные в незапамятные времена над могилами знатных воинов, пару раз проплыли мимо рыбаки – правда, какие-то зашуганные: завидев ладьи, сноровисто погребли к берегу. А вот снова потянулись избы, именно что избы – приземистые, крытые тесом постройки, окруженные жердяными изгородами. Рядом паслись коровы – целое стадо, лаяли, носились собаки, вот кто-то, подняв тучу пыли... проехал на скутере!!!

Не! Не на скутере! На лошади верхом проскакал!

Что-то показалось девушке странным, чего-то не хватало... Плеска волн, поднимаемых мерными взмахами весел. Но судно-то шло, и довольно быстро. Просто плыло по течению? Да нет, верно, подняли парус. Вот здорово, под парусом-то да на древней ладье – кому доводилось? Если б не сложившиеся обстоятельства, так и порадоваться можно было б.

А ведь сидевшие на веслах парни – радовались! Перекрикивались, шутили, смеялись, похоже, трудный поход подходил к концу... Ну, точно!!!

Женька углядела в щель крепостные башни и стены, сложенные из светло-серых камней, возле нее громоздились избы, какие-то длинные сараи, изгороди... коровы, опять ж, паслись... Точно, Средневековье. Такое ни на какие деньги не выстроишь, не воссоздашь.

Над головой что-то хлопнуло – как видно, спустили парус, ладья резко замедлила ход, повернула... Женька ахнула, увидев стоявшие у пристани корабли! Парусные – довольно большие – ладьи, лодки, их было довольно много, наверное, с полсотни. И почему-то ни одного катера! По пристани, по деревянным мосткам, прохаживались какие-то люди в старинных длинных кафтанах и плащах, в отороченных мехом шапках – и это несмотря на теплый майский денек. Имелись и воины в сверкающих на солнце кольчугах, в круглых железных касках, с круглыми же разноцветными щитами, с копьями.

Ну, ясно... Пленница совсем пала духом... Еще бы – десятый век. Да кто б такое выдержал-то?

Ладья приткнулась бортом к причалу, опустили сходни.

– Сиди пока, – заглянув в шатер, негромко бросил Стемид. – Жди.

Женька вскинулась:

– Эй! А чего ждать-то?

Парень не отвечал, верно, ушел куда-то, и пленница, живенько подняв ко рту руки, наконец развязала зубами узел – не особенно-то и сложный, обычный булинь. В темноте, правда, получилось его лишь ослабить, а вот сейчас...

Пора! Вон на пристани народу сколько – не меньше сотни.

Высунув голову из шатра, Женька быстро осмотрелась и, выскочив, побежала к сходням, оттолкнув попавшихся под руку парней. Оказавшись на пристани, заметила удивленный взгляд Стемида и, не раздумывая, бросилась к группе стоявших неподалеку молодых людей в синих плащах и с мечами.

Все же таилась еще где-то в глубине души надежда, что все это – не взаправду, понарошку, игра...

– Ребята, пожалуйста... Пожалуйста, помогите! Тут психи какие-то пристают...

Ой...

Что-то смачно прилетело в ухо!

От удара Женька полетела наземь, распласталась в пыли, корчась от боли. Парни – вот

сволочуги! – захохотали, глядя на дувшего на кулак Стемида, рыжеватая бородка которого дрожала от злости.

– Твой, что ль, раб?

– Мой.

– Плохо ж ты его кормишь – тощей.

Ну, вот и вся помощь! Посмеялись обидно да еще и за мальчика приняли. Уу-у-у, гнусь!

– Ур-роды, вашу мать! – ругалась сквозь слезы Тяка. – Шизоиды долбанутые! Сукины коты!

– Идем, – Стемид рывком поднял ее на ноги. – Не хочешь ножа получить – слушайся. Эй... – он обернулся, позвал кого-то...

На Женькины плечи накинули длинный плащ, повели... У распахнутых ворот крепости – настоящих, как в фильмах! – толпилось довольно много людей, и никто не обращал на Женьку никакого внимания. А чего обращать-то? Тут все такие – в плащах, а некоторые и с мечами.

Нет, ну надо же – «раб»! Сволочи! Суки позорные! Козлы!

От полученного удара левое ухо горело огнем, в голове звенело, а перед глазами нет-нет да и пробегали разноцветные искорки – веселые такие, сверкали, словно бы издевались, мол, получила помощь, ага!

Между тем пленница и ведущие ее воины во главе со Стемидом, миновав ворота, прошли мимо рыночной площади, полной разнообразного торгующего и покупающего люда – опять же, все, как и положено, в древних одеждах, женщины в платках, девчонки – с косами, ни одной простоволосой Тяка не видела да, честно сказать, не очень-то и смотрела – голова гудела колоколом.

Свернули на малолюдную улицу, мощенную деревянными плашками, вокруг тянулись высокие – в полтора человеческих роста – заборы и даже вкопанные в землю бревна, как помнила Женька – такая штука называлась частоколом. А городок-то немаленький, гектаров десять уж точно будет...

– Стой.

Придержав пленницу за руку, Стемид долбанул кулаком в ворота. За частоколом послышался истошный лай, звякнула цепь – кто-то успокаивал пса, потом спросил недобро, кого, мол, там принесло?

– То я – Стемид, – без всякого почтения отозвался Женькин злопыхатель. – Отворяй, живо.

– Посейчас, посейчас, господине...

За забором забежали, засуетились, поспешно отворяя ворота. Едва вошли во двор, как вокруг столпились какие-то оборванцы, босые, в серых рубахах, словно сшитых из старых картофельных мешков.

– Слава великим богам за вашу удачу! – кланялись оборванцы.

Судя по внешнему виду и поведению, их социальное положение было куда ниже, нежели у

Стемида и прочих.

За частоколом громоздились хоромы... Кажется, именно так называлась массивная двухэтажная постройка из трех примыкавших друг к другу срубов, рубленных в «обло» – круглыми бревнами. «Обло» и значило «круг», в отличие от квадратно-гнездовой «лапы», Тяка это хорошо помнила – достался как-то вопрос на туристском слете. Кроме хором на достаточно просторном дворе располагалось еще несколько строений – какие-то сараюхи, амбары, вросшие в землю подземлянки, – а также росли дикие яблони и терновник. Круто! Подняв голову, Женька поискала глазами «тарелку» и едва не споткнулась о высокую ступеньку крыльца.

– Эй, дочь, не падай – зашибешься, – с усмешкой поддержал Стемид.

Тоже еще – джентльмен нашелся!

– Проходи, проходи в горницу. Тут покуда и побудешь, пока мы управимся. Чего надо ежели – слугу кликнешь.

Хлопнула за спиной дверь. Что-то глухо стукнуло. Они что, ее заперли, что ли? Пленница рванулась обратно, уперлась в дверь плечом... Увы! Все равно что с бычком трехлетком бодаться.

Ладно. Поглядим.

Узилище, куда привели Женьку, выглядело довольно просторным, раза в три больше, чем та комната, что девчонка когда-то снимала. Из мебели – длинный, сбитый из толстых досок стол, вдоль стен – широкие лавки, рядом – деревянный, окованный железными полосами сундук изрядных размеров, в углу – круглая, сложенная из обмазанных глиной камней печка... Неужели по-черному топится?! Точно, по-черному. Судя по копоти – дым вот в это оконце выходит. Узенькое – едва кошке пролезть.

Нет, а мебель-то, мебель! Почти как дома, то есть – на съемной квартирке в родном Крутогорске, уж там-то чего только не было! Старый скрипучий шкаф, смешное зеркало на тумбочке – трюмо, убогий торшер с треугольным столиком на облезлых рахитичных ножках...

Женька никогда бы, ни за что такую мебель бы не купила... да что там – купила, даром бы не взяла, даже если б навязывали, в ногах валялись, умоляли. Ну, так ведь не ее мебель, и комната эта, чай, не ее была, съемная, почти что задаром доставшаяся. Владелица, Анна Ивановна, дачница, неделю назад в деревню на все лето уехала, а комнату сдала. Так, за копейки сдала, не жадничала – чего выпендриваться-то, когда тут такой антиквариат да еще сосед – пьяница. Коммуналка. Нет, вообще-то сосед смирный, тихий был. Иногда, правда, гулеванил с приятелями-алкоголиками. Драться, правда, не дрались, но ногами топали шумно, орали что-то гнусными голосами, а иногда и кто-то из гостей – вряд ли сам сосед – в комнату к новой жиличке ломился. Сексу, наверное, восхотел на халяву, или просто так – познакомиться. Как-то даже пришлось пригрозить, мол, ежели что – так табуреткой по башке запросто! И врезала бы, не заржавело б, Женька всегда была девушкой решительной во всех отношениях: и с парнями, и просто – по жизни.

С любопытством распахнув сундук, Женька вытащила наружу какие-то пыльные выделанные шкуры, куски смотанных в рулон тканей... обычное полотно, льняное... О! А вот это необычное! На ощупь то ли шелк, то ли бархат – не поймешь. Материя тяжелая, плотная, очень красивая – золотистая с каким-то затейливым узором. Опять же, недешевая, верно! И вообще, далеко не

бедный человек это все устроил. Это что же выходит, она, Летякина Евгения – этого неведомого олигарха пленница? Ага... счас!

Не обнаружив больше ничего интересного, девушка подошла к двери и, стукнув кулаком, громко позвала:

– Эй, кто тут есть-то?!

Ответом была тишина. Нет, сквозь узкое оконце со двора доносились чьи-то голоса и даже крики, только вот на Женьку никто не реагировал. Никак.

Пленница постучала еще, уже гораздо сильнее, едва не разбив кулаки в кровь. Закричала:

– Эй, мать вашу так, козлищи долбаные!

А вот эта ее эскапада почти сразу же увенчалась успехом – на крыльце послышались чьи-то торопливые шаги, что-то глухо скрипнуло, и дверь наконец-то распахнулась, едва не ударив девчонку по лбу.

– Звал, гостюшко? – поклонясь, осведомился тощий белобрысый пацан лет двенадцати, с плаксивым и каким-то угловатым лицом, босой... а грязные руки – в цыпках. Одет, однако же, как тут и полагается – в старинного покроя рубаху, правда, довольно грубую и особой свежестью не отличавшуюся.

– Не звал, а звала, – оскорбилась Тяка. – Глаза-то разуй, чудо!

– Глаза... разувать? Хо! Да ты дева!

Пацаненок наконец-то заметил под тонким свитером грудь... не такую большую, конечно, но ведь и не плоскую.

– Тебя как зовут-то, чудик?

– Гремислав... Гречко.

– Хо, Гречко! Во имя придумали – как у космонавта.

Женька засмеялась, парнишка тоже улыбнулся в ответ:

– Дак чего звала-то?

– Позвонить дай.

Так просто спросила. А вдруг? Вдруг? Вдруг да развеется все это наваждение, сгинет, пропадет. И парнишка этот чудной сейчас притащит мобильник...

Не притащил! Не понял даже!

– Э-э... колоколов-то у нас нету, а било... било – на главной башне.

– Ладно, пошутили уже, – отстранилась девчонка.

Гречко озадаченно шмыгнул носом:

- Не разумею я, дева-краса, чего ты от меня хочешь-то? Вижу - просишь чего-то, а чего - не пойму.

Ишь, как говорит средневековый житель: не разумею, дева-краса... Современные-то тинейджеры-подростки и слов-то таких не знают! Без мата и всяких «как бы» да «это самое» и двух слов не свяжут. Этот же...

- Попить принеси, а то тут душно-то как-то. И это... мне бы в туалет надо.

- Э... Куда?

- В сортир, в нужник, в уборную!!! - рассерженно заорала девчонка. - Пописать, короче. Понял, debil?

- А-а-а! - пацан закивал головою. - Так бы сразу сказал... сказала. Ну, пошли.

Щурясь от солнца, Женька с удовольствием вышла во двор, вдохнув полной грудью терпкий майский воздух, напоенный запахом первой листвы и пряных трав. Синее, с белыми клочками облаков небо казалось нарисованным, как и этот деревянный замок, словно из волшебной сказки, легкий ветерок ласкал...

- Эвон, туда иди, на задворье.

Гречко потянул девушку за руку.

- Вона!

За хоромами, как поняла Тяка, на заднем дворе громоздились какие-то неошкуренные бревна, тес, а позади, у самого частокола, виднелось небольшое строение - то ли абмар, то ли банька.

- А ты что стоишь-то? - расстегнув пуговицу на джинсах, Женька обернулась. - Извращенец, что ли?

- Интересно мне.

- Хо! Интересно?! Ах ты полудурок...

- Интересно - дева, и в портах. Почему не в сарафане варяжском, не в платье?

- А ты по лесу-то в сарафане побегай, ага!

- По лесу? Да, не очень-то лихо. - Гречко неожиданно засмеялся. - Лучше уж тогда и правда в портах. Токмо ведь не дело деве по лесам бегать, ее дело замуж выйти да деток рожати, вскармливати.

- Деток рожати, - скривившись, передразнила Женька. - Умный ты, как я погляжу. Ладно, уйди уже, дай пописать.

Справив свои дела - не особо-то и хотелось, но раз уж на улицу вышла, - пленница застегнула джинсы - эх, их еще зашить бы! - и снова огляделась вокруг. Высокий частокол не давал никакой возможности хоть как-то через него перебраться... хотя, если б были веревки да пара карабинов... Да можно и без карабинов, связала бы «стремя», веревку б на бревно закинула - и поминай как звали! Впрочем - а куда бежать-то? Да все равно... лишь бы из плена вырваться.

Для начала хотя бы... А там поглядим.

А ведь мысль! Где-нибудь веревку найти. Где... У пацаненка этого спросить? Типа – повеситься...

– Все? – любопытствуя, выглянул из-за угла Гречко. – Дела свои справила? Тогда милости прошу в горницу. Не велено тебе на дворе бытии.

– Это кем это не велено?! – вскинулась Тяка. – Да я...

– Сказано, ежели кочевряжиться будешь, Кондея позвати... тот с кнутом придет, охолонит. Звать?

– Черт ты худой!

Погрустнев, Женька махнула рукой – связываться с кнутом не хотелось, знала – с этих чертей станется, вполне могут всыпать плетей, с удовольствием даже.

И снова узилище, унылая полутьма, сундук, лавки. И мысли, мысли, мысли... Такие, что хотелось умереть! Их нужно было гнать, и Женька гнала, как умела...

Усевшись к окну, пленница все смотрела во двор, все пыталась хоть что-то высмотреть, а что – не знала сейчас и сама. Что-то. Чтоб помогло выбраться отсюда. Или кого-то, кто бы помог.

Никого и ничего подобного через оконце, увы, не виделось. Нет, проходили мимо какие-то мужики, парни, девки – но все при деле, с вилами, с топорами... вот парни потащили куда-то бревно... девчонки погнались уток...

За дверью вновь завозились. Надо же! И кто б это мог быть?

– Поснидать принес, вот, – вошел-поклонился Гречко.

В руках мальчишка держал глиняный горшок с чем-то дымящимся:

– Каша! Маслом льяниным заправлена, да с шафраном – умм! Вот те ложка...

– Что, прям из котелка, что ли?

– А чего ж! Это не все еще, посейчас еще еды принесу – кушай-наедайся. Голодом ты морить не велено.

– Спасибо большое! – язвительно скривилась девушка.

Каша – вроде бы просо, только сильно разваренное – оказалась на вкус весьма специфичной – Женька и ложки не смогла проглотить: льняное масло не особенно-то кому нравится, да и шафран, и какие-то пахучие коренья – явно на любителя экзотики – гурмана.

Слава богу, Гречко принес еще и печеной рыбки и даже пирог-рыбник, щуку с форелькою Така уплела за обе щеки – вкусно, хоть, опять же, почти что без соли.

– Счас квас-от принесу... Кашу-то чего не ешь?

– Да не лезет уже. Может, ты скушаешь?

- А и съем! - забыв про квасок, облизнулся мальчишка. - Ложку-то дай, ага.

Пока Гречко - Гремислав - ел, хитрая девушка выпрашивала его обо всем, что приходило в голову. О семье, о городе, и вообще - о жизни.

Парнишка отвечал охотно, хоть и с полным ртом, правда, все больше нес какую-то чушь, в коей Летякина, к слову сказать, ни черта не понимала. Про воинов заявил только, что те - «добры вои Святославыи», город назвал Ладогой, а про семью сказал, что «рода здешнего, при Кузьме-огнищанине живаху».

- Огнищанин-то ить от Довмысла, воеводы княжьего! И двор се - его.

Женька тихонько застонала:

- Слышь, Греча. Ты на самом деле такой или притворяешься?

- А зачем мне пред тобой притворяться? - облизав ложку, резонно возразил пацан. - Ты седня здесь, а завтра где-нибудь в Новагороде али в Смоленске. Чего притворяться-бояться? Сама притворяйся, ага.

- Может, еще и притворюсь, - огрызнулась пленница. - Тебя не спросила.

- А ты спроси, - на полном серьезе предложил мальчишка. - Может, и присоветую чего. Я ж не дурак, так все говорят, а все - врать не будут. Мне сам Стемид-варяг важные дела поручает... тебя вот стеречь поручил.

- Сейчас как дам в лоб, сторож долбанный! Стережет он, как же...

- Ты не серчай! Просто скажи - чего хочешь узнать-то?

- Ах, чего хочу узнать?! - Женька снова взбеленилась. - А тебе непонятно, что ли? Где я вообще, кто все эти люди кругом?!

- Так я ж и говорю - в Ладогеты. Варяги сей град еще Альдейгьюборгом зовут, а весяне - Альдейгой. Тут все и живаху - и варяги, и весь, и кривичи даже. И словене. Я вот - из словен, а Стемид - варяг, у Довмысла-воеводы на службе.

Принесенный парнишкой квас оказался вкусным, хлебным, с этакой приятной кислинкой, и - похоже - хмельным. В голове у пленницы резко захорошело, даже звон в ухе прошел.

- Ты на меня не обижайся, Гречка. Давай лучше песни петь.

- Давай! - обрадовался парнишка. - Я много знаю. Можно игрище затеять - кто кого перепоеет!

- Кто кого перепоеет, говоришь? А запросто! - Тяка азартно кивнула и пригладила руками волосы. - Давай!

- На щелбаны петь будем или на раздевание? - деловито поинтересовался пацан. - Если на щелбаны, то, чур, по затылку не бить - я им недавно о притолочину треснул.

- Оно и видно! - Опустив веки, Женька покусала губу и тихо промолвила: - На раздевания, говоришь... А я тебе как, нравлюсь? Ну, красивая я?

С лукавой улыбкой хитрая девушка поднялась с лавки и чуть приподняла свитер, обнажив пупок:

- Красива ль? Стройна ли?

- Красна, красна!!! - икнув, облизнулся отрок. - Кабы богат был, такую б, как ты, в жены бы взял... ну или рабу бы купил синеокую. Куплю ишшо. Или женюсь. Скоро.

- Ишь, купит он... Лучше женись, чудо! Вот что я тебе скажу. - Тяка спрятала улыбку. - Коли я проиграю - разденусь вся, а коли ты...

- И язм тоже разденусь!

- Нет уж, ненадобно мне такого счастья. Если проиграешь - мобильник мне принесешь, понял, да?

- Все, что скажешь, принесу, хоть звезду с неба!

- Ну, вот и договорились. Ну, давай, начинай.

Дождик, дождь,
На бабкину рожь,
На дедову пшеницу,
На девкин лен
Поливай ведром!

- Ну и песня! - восхитилась Женька. - Прямо рэп какой-то, особенно вот это - на дев-кин лен поли-вай вед-ром! Здорово! Я про дождь тоже знаю... ммм... не попутать бы слова... а, все равно:

Дождь! Светлой пеленой наполнен воздух,
Летний дождь...

Следующую песню Гречко затянул про девчонок - сексуальную:

Пойдем, девочки,
Завивать веночки,
Завьем веночки,
Завьем зеленые...

Женька в ответ:

Что такое осень - это небо...

А паренек:

Мы идем, идем к березе,
Мы идем, идем к березе,
Ты не радуйся, зелен дуб,
Ты не радуйся, зелен дуб!

Эта песня Тяке понравилась - мотивом рок-н-ролл напоминала, веселая! Девушка даже кедом в такт притоптывала, подпевала:

Ты не радуйся, зелен дуб!

Не услышали, как по крыльцу прогремел сапогами Стемид, заглянул в горницу:

- Веселитесь?

И нельзя сказать, чтоб со злобой сказал, нет, вполне обычным тоном, однако Гречко сразу осекся, с лавки вскочил, да бочком-бочком – к двери. Тут бы и выскочить – да нет, не успел – оп! Стемид ловко руку вытянул, да за шиворот – хватъ!

- Скажи там, пусть носилки готовят, да поживее!

- Скажу, господине...

- Так беги! А ты, – варяг перевел взгляд на узницу. – Поедем сейчас в одно место. От того, как там себя поведешь, жизнь твоя зависит, смекай. Собираться тебе нечего, одежды путней нет, так что пошли, неча сидети. Мыслью, носилки да вои нас уже дожидаются... а нет, так велю Гречку-прощелыгу выпороть, да так, чтоб сидеть не мог! Песни петь – пой, но и дело делай.

С кондовой правдой сих слов девушка не могла не согласиться, впрочем, никто ее и не спрашивал.

Во дворе уже дожидались носилки, настоящий паланкин, с резными позолоченными ручками и закутанной полупрозрачной тканью кабинкой-кибиткой, с четырьмя дюжими молодцами носильщиками, русобородыми, в синих с вышивкою рубахах, в этих вот кожаных полусапогах-полулаптях, какие тут почти все носили.

- Ромейские! – кивнув на носилки, похвастал Стемид. – Залазь.

Женька юркнула в кибитку, паланкин тут же подняли, понесли. Прикольно оказалось ехать, мягко, плавно и... как в лимузине с затемненными стеклами – ты всех видишь, а тебя – никто.

Вся извертелась пленница, на город, на прохожих смотрела, на воинов с копьями, что позади да впереди за варягом молодым шли. Дивилась, восхищалась искренне – ну надо же! Избы бревенчатые, хоромы, частоколы, стена – крепость – каменная – а какие костюмы у иных! Любая телегламурка обзавидуется. Такие ткани в магазине днем с огнем не найдешь. Сколько труда во все, сколько денег вложено.

А этот Стемид – или как там его по-настоящему – тип напрочь криминальный. Наверное, про нож не шутил. Угрожает, блин, козлиная. Интересно, где второй, старый – Довмысл. Воевода чертов!

Мимо пробежали какие-то люди в плащах и без плащей, просто в длинных рубахах, пару раз кортеж обогнали всадники, что-то весело крикнули Стемиду – наверное, знакомые. Женька, наверное, сейчас сильно удивилась бы, если б из-за угла показался автомобиль или автобус, или хотя бы просто человек в пиджаке или джинсах... хорошо б – с прижатым к уху мобильником.

Мечты, мечты... С другой стороны – а ведь почти привыкла уже.

Улицы, переходя одна в другую, вывели паланкин на торговую площадь, Женька ее уже видела и посматривала по сторонам уже без прежнего любопытства – подумаешь, шляются тут всякие, орут, друг на друга наезжают, делают вид, что торгуются.

Зевнув, пленница устроилась поудобнее... и вдруг услышала дикий истошный крик, раздавшийся откуда-то слева. И столько было в этом крике ужаса, безнадёги и боли, что не только Женька высунула голову – Стемид и сам замедлил шаг, а следом за ним – и вся процессия.

Картина, открывшаяся вдруг Летяжиной, не лезла ни в какие рамки, ни в более-менее приличные, ни в неприличные – вообще, по ее мнению, находилась где-то за гранью!

К вкопанному в землю столбу была привязана обнаженная девчонка. Совсем еще юная, младше Женьки, она обнимала столб руками, связанными грубой веревкою, бледное лицо ее искривилось от нестерпимой боли, голая спина была вся покрыта кровью. Рядом – переговариваясь и смеясь! – кругом стояли зеваки, старики, женщины, дети, время от времени давая советы звероватому, по пояс голому мужику, культуристу с большим окровавленным кнутовищем в правой руке.

– Эй, Лютоня! Раньше времени не забей.

– Поучи жену щи варить, – незлобиво прищурившись, культурист поднял кнут... и с протяжным свистом опустил – ожег!!! – на спину несчастной.

Брызнули по сторонам кровавые брызги... девушка дернулась, закричала. Притвориться так было бы невозможно...

– Это что... это взаправду, что ли? – захлопала ресницами Женья.

– Воровка, раба, – обернувшись, как ни в чем не бывало пояснил Стемид. – Хозяева за татьбу на правезь выдали. Теперь насмерть забьют.

– Как – насмерть?

– А вот так! Воровать-то – последнее дело.

Глава 3. Май – июнь. Ладога – Новгород. Второе потрясение Женьки

До глубины души потрясенная увиденным, Женька и не заметила, как вся процессия вышла на окраину города и, миновав поспешно отворенные стражей ворота, оказалась за крепостной стеной, в предградьи. Там уже не было прямых улиц – строились как хотели, закоулками, россыпью самых убогих хижин. Кругом была несусветная грязь, лужи, даже на лошади не проехать, пробраться можно было только пешком, осторожно ступая по брошенным в грязищу камням и плашкам.

Большую, крытую соломою хижину, к которой свернул Стемид, окружал высокий плетень, удерживающие ворота кольца были увенчаны скалящимися человеческими черепами, такие же мертвые головы украшали и концы поддерживающих крышу лаг, так называемые «курицы». Вся эта мертвечина неожиданно вызвала у Женьки улыбку – больно уж похоже на избушку Бабы-яги из старых детских фильмов. Носильщик же и сопровождавшие процессию воины, наоборот, взирали вокруг с явным страхом и что-то про себя шептали – видно, молились. Правда, почему-то не крестились, нет... ах, ну да – они же язычников изображают, не христиан.

– Урмана! – потоптавшись у невысокого крыльца, негромко позвал Стемид. – Я привел.

Изнутри что-то пробормотали, Летяжина точно не разобрала – что: то ли входи, то ли вводи.

- Вылазь, - обернувшись к носилкам, варяг махнул рукой. - Приехали. В дом заходи да не забудь поклониться хозяйке.

Висевшая на ременных петлях узкая дверь отворилась беззвучно, изнутри пахнуло каким-то пряным запахом, настолько резким, что Женька невольно закашлялась. И хорошо, что закашлялась - не расхохоталась, смех-то распирал девчонку уже с первых минут.

Баба-яга! Ну, точно! Худющая седая старуха со сморщенным желтым лицом и большим - крючком - носом словно сошла с картинок, коими ушлые художники иллюстрируют книжки ужасов для малышей, типа «Ивана Царевича», «Жихарки» и прочих, памятных Летякиной еще с раннего детства. Именно в таком вот карикатурном виде ужасную Бабу-ягу и изображали: худая, крючконосая, с темными, глубоко посаженными глазами и костлявыми руками-лапами, только что без когтей.

- Ну, заходи, дева, - прищурившись, проскрипела старуха. - Ты же, Стемиде, со людищи своим подожди здесь, во дворе.

- Мы можем и в другом месте подождать. - Стемид поспешно отошел к воинам. - Где-нибудь рядом, на бережку.

- Ваше дело, - равнодушно бросила «Баба-яга». - Даже лучше - мешать не будете. Как все сделаю - кликну.

Сказав так, она перевела взгляд на Женьку и, ослабившись, поманила девчонку пальцами:

- Иди ж!

- Темновато тут, - едва не ударившись лбом о низкую притолочину, Тяка невольно поклонилась и, не выдержав, засмеялась. - Здравствуй, бабушка Яга! Не ешь меня, я тебе пригожусь.

- С чего ты взяла, что я тебя есть буду? - удивленно прошипела хозяйка избы. - И не годишься ты мне ничем, девка, - увезут, уедешь. На сундук, вон, присядь.

Посреди горницы, напротив узенького оконца, стоял большой сундук, окованный узкими железными полосками; по бокам тянулись лавки, а все стены были увешаны коровьими черепами, какими-то костяшками и пучками сушеных трав. В углу жарко пылал очаг, над которым в большом котле булькало какое-то варево - от варева-то и пахло...

- Одежку мужеску сыми!

- Ну уж нет! - Женька резко дернулась. - С чего тут я голой-то сидеть буду? Иль и впрямь есть меня собралась, бабушка Яга? Так я невкусная.

- Да не буду я тебя есть, сколько раз говорить-то?! - «Баба-яга» обиженно поджала тонкие пересохшие губы и недобро прищурилась. - Смотрю, девка, нет в тебе ни уваженья, ни страха. Непонятно сие.

- А чего мне тебя бояться-то? - усмехнулась пленница. - Ты что, бабушка, страшная? Так не страшной Фредди Крюгера, особо-то себе не льсти. Черепа эти дурацкие, травки... как в мультике все. Ну, что смотришь-то? Говори, чего от меня надобно?

Образ выставленной «на правеж» девушки колоритная ведьма перебила почти напрочь, правда, неприятный осадок от увиденного на рынке у Женьки все же оставался. И над этим она

еще толком не думала.

- Ой, не спеши, дева. - Старуха махнула рукой. - Узнаешь все, узнаешь. Одежку, сказала, сыми! Аль мне слуг кликнуть?

- Да ладно, сниму, коли просишь.

Тяка покусала губы. Старая вполне могла кого-то позвать, да хоть того же Стемида со своими придурками. Так уж лучше самой, чтоб дураков не тешить. Что там в карманах-то? Зажигалка... сигареты... пригодятся, пусть тут, на сундуке, полежат.

- Ну? - Скинув кеды, свитер и джинсы, девушка протянула их бабке. - Куда положить-то?

- Сюда давай.

Старуха взяла двумя пальцами джинсы, скорчив при этом такую гримасу, будто бы схватила змею. Взяла, повернулась к очагу...

- Эй, эй! - дернулась Женька. - Ты что творишь-то, эй!

Поздно! Баба-яга резко швырнула джинсы в огонь, что-то про себя приговаривая... туда же полетели свитер и кеды...

- Ну, ты даешь, старая! - всерьез рассердилась пленница. - И что мне теперь, голой ходить, что ли?

- Сядь! - обернувшись, старуха злобно сверкнула глазами и махнула рукой...

От этого жеста Женьку отбросило на сундук... прямо швырнуло! Д-а-а... если каждый раз так - вся попа в синяках будет.

- Ох, дочь, - склонившись над девушкой, ведьма сухо поджала губы. - Снова молвлю: не вижу в тебе ни страха, ни уважения... одно глумство! Верно, я сразу все про тебя поняла...

- И что же ты поняла, интересно?

- Чужая ты! - сверкнула глазами старуха. - Совсем чужая. Не изгой - хуже. Из далекого далека явилась. Нет у тебя здесь никого. Пришла ниоткуда, уйдешь в никуда.

- Ой, ой, как интересно!

- Не глумись! - Баба-яга стукнула Женьку по лбу, вроде бы и не сильно, но голова загудела, будто котел, а руки и язык вдруг сделались ватными. - И слушай меня, коли еще хоть маленько пожить хочешь. В глаза мне посмотри... так... теперь на-ко, выпей...

Повернувшись к очагу, ведьма зачерпнула варево большим корцом и поднесла к Женькиному рту.

Девчонка дернулась:

- Горячо же!

- Пей, говорю!

И снова ожгла взглядом, и Женька покорно сделала долгий глоток... Не таким уж и гнусным оказалось варево, даже, скорее, приятным – по вкусу чем-то напоминало глинтвейн.

– Все-то не пей, эй! – поспешно отбирая корец, спохватилась старуха. – Смотрю, жадна ты, девка. Ладно... слушай теперь...

Неожиданно подскочив, едва не ударившись головой о потолочную балку, «Баба-яга» сплюнула на три стороны и густым пропитым басом запела, точнее, заговорила речитативом, как в рэпе:

– Не огонь горит, не смола кипит, а горит-кипит ретиво сердце... Конь-огонь, норны песни пой, клад зверей морей, злей и злей... Дева сердце раскинь, отвори... Отвори!!!

От этих дурацких слов – а скорей, от выпитого «глинтвейна» – у Женьки в голове замутилось, захорошело, как бывает уж ближе к концу хорошей пьянки, когда уже не хочется болтать о чем ни попадя, а хочется – петь... ну, или закрутить хорошо с парнями.

Глуповатая, не от мира сего, улыба искривила девичьи уста, перед глазами поплыл светящийся зеленоватый туман...

Привиделись вдруг родной город, река... На плесе – копошились туристы! Свои! Мальчики-девочки – руководство, опять же. Байды собрали уже, грузились. Женьку, между прочим, в этот поход тоже звали – однако, увы, работа, ларек этот долбанный. А так бы, конечно, здорово – по хорошей-то воде, на скорости, чтоб холодные брызги в лицо – ухх!!! – а потом костерок, песни...

Туристы заметили ее еще издалека. Тренер, Павел Иванович Можников, не старый еще мужик с вечно всклокоченной бородою, чем-то похожий на шкипера пиратского судна, опустив байду в воду, выпрямился, взглянул на подбежавшую девчонку:

– М-да-а... какие люди!

Женька со всеми обнялась, перецеловалась.

Пал-Иваныч, пригладив ладонью бороду, поглядел хитро:

– А мы на Ванч-озеро, в твои места, решили.

– Мои места на Выди, Пал-Ваныч. В верховьях самых, где леса. У меня там бабушка... когда-то жила, царствие ей небесное.

Пал-Ваныч – да все! – звали Тяку с собой. Кто-то даже бросил, смеясь – мол, схватить ее, да в лодку... Потом сама спасибо скажет. Шутили.

Женька бы с удовольствием. Однако ж дела, обстоятельства.

Простившись, туристы отплыли. Вскипела под веслами река. Дул легкий ветер, и смех байдарочников разносился вокруг далеко, весело и звонко. Минут десять стояла Тяка на плесе, смотрела, пока байдарки не скрылись за излучиной, потом вздохнула, шмыгнула носом, прошептала, сама себя утешая:

– Ладно. Ничего. В августе обязательно выберусь. Обязательно!

Над пилорамой, что располагалась почти сразу за плесом, поднимался густой черный дым...

А потом пропало все.

– Эй, эй, очи-то отвори, дева!

Женька пришла в себя оттого, что склонившаяся над ней старуха брызгала ей на лицо холодной водой.

– Скажи, кто ты?

– Я... Малинда, дочь князя весянского, матушка моя... сестры... братья...

Тяка произнесла это таким голосом, каким говорил мудрый учитель джедаев Йода из бессмертной саги «Звездные войны». И так же смешно переставляла слова...

– А ты, бабуля, будешь кто такая, да?

– Я Урмана, чаровница, а многие зовут – ведьмой.

– Ведьма... не Баба-яга?

– Снова ты меня с кем-то путаешь! Говорю же – Урмана я. А ты, верно – Малинда, князя весянского Таумярга дочка. Вставай-ко... оденься... вот...

Пошатываясь, словно пьяная, Женька покорно натянула на себя длинную, ниже колен, льняную рубашку, а сверху – еще длиннее – платье из тонкой шерсти, очень красивое, синее, с золотистой вышивкой по вороту, рукавам и подолу.

– Вот те пояс...

Поясок тоже оказался красивым – из настоящей тонко выделанной кожи с блестящими желтыми бляшками.

– Постолы вот... обуйся. И вещи свои заberi... я вот связала их в узелок.

Смешная какая обувь... то ли полусапожки, то ли сандалии. Кожаные, с ремешками... А впору! Как раз по ноге.

– Браслеты теперь... кольца... серьги... все золото, с бирюзой – очам твоим цвет. Ах, волосы-то, жаль, коротковаты, косу не заплести... придется ремешком подвязать... вот так. Теперь глянься-ко!

Взяв деву за руку, Урмана подвела ее к висевшему на стене отполированному медному листу – вещи цены немалой!

– Посейчас, лучинку вожгу... Славная у меня лучинка, из мореной березы, яркая... А ну-кошь... вот!

В медном «зеркале» отразилась изысканно-томная царевна из волшебных сказок – синеглазая, с темными локонами, перехваченными тоненьким золоченым ремешком, и красивая до невозможности, прямо не оторвать глаз!

– Ну? – тихо поинтересовалась ведьма. – Чай, сама-то себе глянешься? Ай, вижу, не отошла еще. Ладно, на сундучке пока посиди.

Старуха вышла во двор, ухмыльнулась, сунула два пальца в рот и залихватски свистнула, так, что по всей округе враз залаяли собаки, а сидевшие на росшей невдалеке осине вороны взлетели, каркая и недовольно хлопая крыльями.

- Ну, что, бабушка Урмана? - опасливо заглянул во двор Стемид. - Сладила?

- Забирайте вашу княжну!

- Вот и славно. - Варяг живо пригнал во двор носильщиков с паланкином.

Пряча довольную усмешку, Урмана вывела из избы Женьку... Впрочем, нет, не Женьку - истинную княжну, надменную красавицу с васильковым взором!

- Вижу, платье-то впору пришлось. - Стемид шмыгнул носом и, глянув на Женьку, стеснительно произнес: - Ну, ты это, садись... госпожа.

Красавица не слышала его слов - уставилась в одну точку.

- Чего это с ней, Урмана? Так и будет?

- Отойдет, - спокойно заверила колдунья. - Однако Довмыслу-воеводе скажи - пушай еще пару дюжин монет золотых ромейских прибавит.

- Солидов? - Молодой варяг не отрывал восхищенного взора от Женьки. Впрочем, как и все.

- Солидов, солидов, - покивала Урмана. - Умаялась чаровать! Зато и вышло все как надо. Нечего вам иную искать.

- Это славно... славно, что нечего... эта-то - чудо, как хороша! Ох, Урмана, недаром народ на тебя жалуется - мол, то град накличешь, то дождь на неделю.

- Пустые глупые люди. Сами не знают, что говорят. Так про монеты-то ромейские не забудь, напомни.

- Скажу.

- Так езжайте уже, чего толпитесь?

- погоди, бабка! - повернулся один из воинов. - Дай насмотреться - когда еще такую красоту увидим!

Женька равнодушно уселась в носилки. Кругом все было словно в тумане - какая-то ухмыляющаяся старуха, воины в кольчугах и шлемах... крепостные ворота... заборы и частоколы вокруг...

Вечерело. На опустевшей рыночной площади, у столба, бездомные псы рвали на куски мертвое тело. Девичье.

Стемид пригладил бородку:

- Воронка-то отмучилась, видать. На том свете не будет страдать, да поможет ей Фрейя. Все же страшную смерть приняла, не в постели померла.

Пожалел!

Женька вздрогнула, вспомнила – эти кровавые куски – это ж та же самая дева, воровка, раба, которая... которую...

Да уж, выходит, взаправду все... Средневековье!!! Однако что же делать-то?

На дворе усадьбы Женьку встречал Довмысл. Спрятав длинные руки за спину и выпятив вперед живот, он стоял напротив распахнувшихся ворот, прищулив глаза и ухмыляясь. Однако при виде выбравшейся из паланкина красавицы глумливая улыбка его ту же сошла с лица.

- О, боги! Сварог и Сварожичи, внуки Стрибожьи! Это... она?

- Она, она, дядько Довмысл. – Стемид распрямил плечи с таким гордым видом, будто это именно он, и никто другой, приложил руку к чудесному преображению похожей на отрока чернавки в этакую красу деву, истинную княжну, обликом схожею с солнцем!

- Малинда, – глядя девчонке в глаза, тихо протянул воевода. – Сейчас немного отдохни, дева, да поедem к Хакону-ярлу на пир.

- А кто это – Хакон-ярл? – лениво поинтересовалась красавица.

- Наместник ладожский. Должна бы знать.

- Должна, да не обязана, – огрызнулась Женька, но тут же взяла себя в руки... вернее, кто-то ее взял... заговоры Урманы – вот кто!

- Навестим Хакона-ярла, что ж. Он сам звал, или мы напрашиваемся?

- Сам, – поспешно – и куда только прежнее-то презрение делось? – кивнул Довмысл.

- Тогда можно, тогда пойдем, – оглянувшись с крыльца, дева махнула рукой. – Мальца вашего, Гречку, пришлите. Пусть кваску принесет.

- Очам своим не верю! – проводив красавицу взглядом, доверительно бросил Стемиду Довмысл. – Была... не знамо кто, а стала... Истинная княжна! Ужо, будет доволен Святослав-князь и наградит нас с тобою щедро! Этакая-то дочь – сам бы женился.

- И я б! – Молодой варяг охотно поддакнул старому воеводе.

Тот ухмыльнулся:

- Ох, Урмана, ох, волхвица – не подвела! На словах что сказала?

- Сказала – нечего другую искать.

- Так и не будем.

- Еще монет ромейских просила подбавить, солидов.

- Ах, Урмана, Урмана, – покачал головой Довмысл. – Хвалится, что боги ей все дают, а от солидов не отказывается. Верно, на тот свет хочет с собой забрати. А сработала славно! Вона какая дева-то стала. И тако понятно всем – княжна, не кто-нить. А что ране ее в портках

видали, так то и ясно – тонула, одежду скинула, а уж потом одели во что было, так?

– Так, дядько Довмысле, так.

– Ну, идем, Стемиде. Я чаю, и мы отдохнем чуть.

Дверь в горнице теперь уже никто не запирает, но двух воинов в кольчугах и с короткими копьями для охраны приставили, те гордо стояли у крыльца, никого, кроме молодого отрока Гречки с большим глиняным кувшином, к деде веснянской не пропуская. Да никто и не рвался – попробовали бы! – а вот поодаль толпились, вдруг да выйдет на крыльцо красавица – хоть одним глазком поглядеть. Все Гречке завидовали – тот-то прямо в горницу забежал...

Да там и споткнулся, едва кувшин не уронил, хорошо, Женька с лавки рванулась, подхватила:

– Ты чего, чудо, падаешь-то? Забегался? Ноги не держат.

Дрожа, паренек повалился навзничь:

– Не вели казнить, госпожа моя, за вольности, за язык глупый, невежливый.

– Ну, вставай уже! – улыбнулась Женька. – Кваску попьем, побазарим. Что с тобой случилось-то? Ведь так хорошо песни пели.

– Госпожа... – Отрок медленно поднялся на ноги. – Ты точно на меня не сердишься? Зла-обиды не держишь?

– Да не сержусь, сказала! Кстати, зеркало у вас тут есть?

– Есть, как не быть.

– И свечки бы. Что-то темновато тут.

– Посейчас, госпожа, метнусь.

Не успела Женька выпить и кружки, как Гречко вернулся, притащив свечку и большую овальную пластину из светлого полированного металла... неужели серебряная?

– Вот оно, госпожа моя, зеркало! – Парнишка погладил платину ладонью. – Из немецких, Оттона-кесаря, земель! А вот и свечечка – восковая! Я и огниво прихватил – вжечь?

– Пошел ты со своим огнивом! Давай сюда свечу.

Вытащив из узелка зажигалку – Урмана ни одной вещицы не присвоила, даже сигаретку не взяла да втихаря не выкурила – честная! – Женька щелкнула...

Отрок с воплем повалился на пол:

– Чур меня, чур меня! Матушка, не губи!

– Кончита Вурст тебе матушка! – рассердилась Летякина.

Все наложенное на нее ведьмой Урманой наваждение как-то прошло, то ли колдовство оказалось не очень-то сильным, то ли Женька не по зубам пришлась. С удовлетворением

отметив сей важный момент, девушка искоса посмотрела на Гречку:

– Да поднимайся уже. Садись. На вот, кваску хлебни... Пей, пей... Напился? Теперь поддержи зеркало.

Восковая свеча горела ярко и почти без дыма, Женька подошла к зеркалу, глянула... и довольно улыбнулась.

– А что? Вполне. Я думала, будет хуже. Как платье-то, Греча? Нравится?

– Очень, – смущенно признался отрок. – Ты такая красивая, госпожа, глядеть больно!

Неужели эта красавица, фея с синими глазами – я? – думала Женька. Нет, ну надо же! Платье какое... красивое. Тяжеловатое, правда, но в нем не жарко ничуть. А какой пояс! А браслеты, серьги...

– Гречка... а вот это – золото?

– Чистое золото, госпожа моя. А вот эти камушки – бирюза, а эти – смарагды. За один такой браслетик трех красивых рабынь можно выменять!

– Ишь ты, рабынь ему... меняльщик. Вот что, пацан. – Девушка уселась на лавку и вытянула ноги. – Я с тобой по-серьезному поговорить хочу... согласен?

– Конечно! – сглотнул слюну парень. – Чего б не поговорить? Я, если что, – могила. О том, что услышу, – никому, клянусь Мокошью.

– Хм, Мокошью... Еще «честное пионерское» скажи, чудо. Ну, вот чего я хочу спросить-то...

Не успела Женька спросить. Застучали по крыльцу тяжелые постолы.

– Отдохнула, дева-краса? – заглянул в горницу Стемид. – Едем, носилки ждут. Хакон-ярл тебе рад будет.

Хоромы ладожского наместника находились внутри каменной крепости, но выстроены были из дерева и выглядели куда вальяжнее, нежели усадьба Довмысла. Мощные, в два этажа, хоромы на высоких подклетьях, крытые тесом крыши, крутые ступеньки крыльца, сойдя с которого Хакон-ярл встретил невесту своего князя.

– О, поистине, такая краса свойственна только богиням! Как я рад за славного Святослава-конунга!

Наместник произвел на Женьку очень даже неплохое впечатление. Лет сорока, но стройный, подвижный, с небольшой белобрысой бородкою и смешной прической – волосы на висках были заплетены в две косички, бородка же – щегольски расчесана надвое, этакой вилкой. Длинную, с нашитыми шелковыми лентами рубаху ярла покрывал тонкий небесно-голубой плащ, заколотый на правом плече роскошной сверкающей булавкой. Кольца и перстни в избытке, на поясе – кинжал в изукрашенных ножнах. Узкие штаны, кожаные башмаки без обмоток, завязанные на лодыжках и чем-то похожие на обычные мокасины, какие продаются на каждом рынке.

– Вот-вот, сюда, дражайшая дева. – Ярл лично провел Женьку к накрытому для пира столу.

Собравшиеся там люди – «лучшие княжьи мужи», как выразился Хакон, при виде «княжьей невесты» поднялись с лавок и, дружно отвесив поклон, поглядели на своего ярла.

Усадив гостью по левую руку (справа сидела какая-то красивая властная дама, по всей видимости, жена или одна из жен), тот махнул рукой:

– Начинайте! Восславим Одина и богов наших друзей – бо Перуна, Свентовита, Велеса.

– Аой! – подняв кубки, хором гаркнули «мужи».

Поглядев на супругу ярла, Женька тоже подняла поставленный перед нею тяжелый, похоже, что серебряный, сосуд, место которому, верно, лучше б было в музее, нежели здесь, на пиру.

Отпила...

– Ромейское вино! – похвастался Хакон.

– Ну да, ромейское, – гостья усмехнулась. – Небось, купили пару коробок да разлили. А вообще, я в вине как-то не особо.

– Я тоже больше брагу люблю! Кстати, как и моя жена... Вот она – Ингигерда.

– Очень приятно. Же... Малинда.

– Ну... выпьем же за Святослава-конунга, великого викинга, сияющего славой воителя мечей, щедрого на кольца вождя!

– Аой!

Опростав полкубка – неудобно было отказываться, да и пить, честно говоря, хотелось, – Тяка пошарила глазами по столу в поисках закуски. Все гости уже чавкали, таская куски из огромных серебряных тазиков – мясо брали просто руками, а потом разрезали ножом, так же хватали и рыбу, а вот каши, кисели да ушицу хлебали – так же из общих посуды – большими деревянными ложками. У каждого была своя, личная, носилась вместе с мечом и кинжалом на поясе, как инструмент ничуть не менее важный.

Юной леди никто ложку не предложил, как-то не подумали. Да и черт с ней! Не очень-то и хотелось с этими чавкающими чертями из одной кастрюли хлебать! Иное дело – рыбка, Женька с большим удовольствием скушала два куса безумно вкусной, запеченной в сливках и яйце форели, закусила пирогом с ревенем, после чего почувствовала себя настолько сытой, что едва не рыгнула. Рыгать тут, похоже, было принято, как и чавкать, и бросать кости откуда-то взявшимся собакам.

Собаки лаяли и дрались, гости после пятого тоста уже никого не слушали, а лишь орали, стараясь перекричать друг друга. Время от времени залу сотрясали раскаты грубого хохота, потом кто-то затянул песню, тут же подхваченную всеми. Шум стоял страшный, и Женьке все никак не удавалось вызвать на откровенный разговор ярла Хакона или хотя бы его жену... или кто там была эта вальяжная дама.

Наместник очень быстро надрался да, пьяно смеясь, все подмигивал гостье, иногда поглаживал руку, правда, приставать не смел, по-видимому, опасаясь крутого нрава супруги, отличавшейся крайне молчаливым нравом, Женька заметила – как сидела, так еще и не произнесла ни слова. Однако кубки поднимала исправно, пила.

Ну, уж как с ней-то начать разговор, Летякина знала. Перегнулась через упавшего лицом в пирог ярла:

– Я извиняюсь, а где тут у вас туалет?

Супруга наместника удивленно хлопнула ресницами. Поня-а-атно, опьянела уже, чего уж.

– Ну, мне бы во двор...

– Ага! – сообразила женщина. – Идем...

Женька выбралась из-за стола, и Ингигерда, непринужденно взяв ее под руку, куда-то повела, попутно шпыняя попадавших на глаза слуг:

– Пирог с вязигою подавайте, пора уж! И жареных гусей.

Нырнув в небольшую дверь, они оказались на галерейке, идущей вокруг всей хоромины, откуда открывался прекрасный вид на внутренний двор усадьбы. Крыльцо, где толпились вышедшие отдышаться (а заодно и, пардон, поблевать) пирующие, находилось как раз под галереей, внизу отчетливо слышались пьяные голоса стоявших там «лучших мужей».

– А я вот велю слугам загонять вепря прямо с утра!

– Не, клянусь Велесом, на кабанов куда лучше охота.

– Сказал! На кабанов! Еще скажи – на зайцев.

– Кого-кого ты зайцем назвал, рыло?

Внизу послышался шум – возникла свалка, тотчас же растащенная подбежавшими воинами и добрым словом вовремя возникшего на крыльце Хакона-ярла:

– О, славный витязь Херульф, сын всепобеждающего Рагнара Синий Плащ! И ты, Славута, достойнейший муж, сын славного Вуча Третьятыча! Пристало ли вам ругаться, как мужикам-смердам? Вы что – простолюдины или славные воины, князьки мужи? На таких, как вы, вся дружина держится... прошу же поскорей поднять кубки друг за друга! Идем же к столу, други. Мы славно воевали, славный нынче и пир! Посейчас музыканты явятся да танцовщицы – волоокские ромейские девы. Идемте же. Что нам тешить коварного Локи, это ведь его происки, я уверен.

– Верно сказал, ярл!

– Вот, поистине, слова достойного мужа!

– Идемте же, братие, поглядим на танцовщиц – так ли они хороши?

– Да-да, идем.

– Славно посидим, клянусь Фрейей!

– Согласен! Велесом клянусь.

– А вы, двое – помиритеесь тотчас!

- Да-да, помирись, а мы за вас выпьем! Вот это будет славно!

- Ага!

- Я оставляю тебя, госпожа, - услышав про танцовщиц, поспешно засобиравшись Ингигерда. - Найдешь ли обратный путь в залу? Вот в эту дверь. Я пошлю слугу...

- Не надо. Не дура - найду.

Женьке и впрямь хорошо было бы освежиться, да и хватит уже пить, тем более такими ведрами. Так и упиться можно!

- Как там наша невеста, славный Довмысл? - снизу, с крыльца, неожиданно прозвучал знакомый голос.

- Держится хорошо. - Воевода одобрительно крикнул. - А уж красна, красна - мнози с нее глаз не сводят. Эх, Стемиде, какую мы девку нашли!

- И князь наш - щедрый на кольца.

- Ужо, воздаст, не думай. За такую-то красу. А в Киеве, как решили, будет. Старуха свой хлеб зря не ест. Нет, ну и девка... в портах-то была - чисто отрок, а ныне - царевна ромейская!

- Об этой царевне, дядько Довмысл, еще кое-кто знает. Те, кто доставал, из реки вытаскивал...

- И кто ж, напомни.

- Так говорил уж. Младые Тимота с Путяткою, гриди...

Довмысл резко повысил голос:

- Так оне еще живы, что ль?

- Сделаем, - с некоторым испугом отозвался варяг. - Может, в походе лучше?

- Не лучше! Там глаз много. Делай здесь, и поскорей, чуешь?

- Здесь так здесь. Есть у меня люди верные, завтра пошлю парней на торг, а там с ними драку затеют, да ножичком... Хоронить по-людски придется, с тризною. Все же - гриди.

- Схоронят. Серебришка на то дам и рабынь подкину, в могилки покласть. Все! Иди, Стемиде, ищи своих людей...

- Да чего их искать-то? Свистнуть только да бусиной поманить.

- Иди, сказано! И не прекословь!

- Слушаюсь, господине.

Из того, что услышала, Женька восприняла только одно - ее знакомых парней, Путятко с Тимотою, эти два психа собираются убить в самое ближайшее время, затеяв фальшивую драку на торгу.

Господи боже... да что тут творится-то? Жаль, не успела переговорить по душам с Гречкой. Да

и вообще, сложившуюся ситуацию нужно немедленно по трезвянке обдумать! Давно бы уже... А с Гречкой тянуть нечего... может, он и парней этих, Путятко с Тимотой, знает?

Парней Гречко знал. Более того, даже с ними «дружился» – ходил на рыбную ловлю, на охоту – не ровней, конечно, служкою – принеси – подай – да и то за честь! Он – слуга, полураб, а они – княжьи отроки, гриди.

О том паренек и поведал «князевой невесте», как только та, вернувшись в сопровождении Довмысла и его воинов с пира, призвала в горницу отрока «с квасом».

– Дружишься, значит. – Женька покусала губы и, взяв парня за плечи, прошептала: – Вот что, сегодня же найдешь их и скажешь – пусть бегут куда глаза глядят.

– Бегут? – Отрок непонимающе похлопал глазами и покачал головой. – Они не побегут, они ж гриди, не кто-нибудь!

– Не побегут – убьют их, – устало промолвила девушка. – Так им и передай. Только побыстрее. Сейчас можешь?

– Да могу. – Отрок пожал плечами. – Перед ночной стражей метнуся. Токмо мыслю... мыслю, не поверят они.

– То их дело. Я предупредила, а уж там, как бог даст.

– Какой бог, госпожа? Перун, Велес или Один варяжский?

– Иди уже! – Тяка махнула рукой. – О богах я без тебя подумаю.

Паренек убежал, и княжеская невеста, усевшись на лавку, устало вытянула ноги. Большой – тысяч на пять уж как минимум! – старинный город, ладей – целый флот, казнь... До смерти ту девчонку забили, до смерти, господи-и-и-и...

Страшно было сознавать, что все это – корабли, древняя Ладога, пир – на самом деле реальность. Реальное прошлое, куда каким-то ветром занесло ее, Летякину Женьку. Так ведь и есть – заклинание. Все оно, оно...

Стемид заглянул еще засветло, разбудил:

– Вставай, отплываем. Нам за сегодняшний день еще пороги пройти.

– Какие еще пороги? – спросонья пробурчала девчонка.

– Знамо, волховские. Ну, скорей же, дева, давай!

В носилках на этот раз не несли, усадили на лошадь – вот страх-то! Хоть лошадка и оказалась приземистая да на вид смиренная, тем более и ехала-то дева не одна – позади Стемида сидела, а все же боязно – первый раз ведь! Ну как на дыбы встанет «конек-горбунок», так и не удержишься, сбросит.

– Крепче держись! – обернувшись, бросил варяг и, причмокнув губами, пришпорил лошадь.

Поехали. Первым Стемид с Женькой, за ними Довмысл в блестящей кольчуге и шлеме, позади – воины с копьями и мечами. И куда так вырядились? Воевать собрались?

До пристани добрались быстро – что тут и ехать-то? – миновали распахнувшиеся при приближении процессии ворота, спустились вниз, к причалу, да, спешившись, направились к покачивающимся на волнах ладьям. Уселись, Женька, как обычно, в шатре, только вот полог теперь распахнула пошире да смотрела во все глаза. Как взмахнули веслами воины, как закипела вода, как ходко пошли ладьи вверх по течению могучего и широкого Волхова. Впереди разгоралось в сиреновой дымке утро, слева, за сопками, отражаясь в умбонах щитов, блеснуло желтое солнце.

Женька вдруг почувствовала, как сдавило низ живота – кажется, подходили месячные. Этого еще не хватало... хотя, с другой-то стороны, и неплохо, радостно. Значит, в порядке все. Однако сии мелкие неприятности Летякина всегда переносила тяжело, иногда и пластом целый день лежала... Да, а трусов-то тут никаких не дали... тряпку, что ль, у Стемида спросить? Стыдно? Да ну – чего тут стесняться-то? Не в стеснении дело, другое плохо – теперь уж, даже если и случай удобный выпадет, шибко-то не побежишь, не нырнешь рыбкой в воду. Дня два обождать придется, да.

Тряпку девчонка все же спросила, правда, не конкретно у Стемида, просто высунулась из шатра:

– Эй, кто там есть? Тряпицу дайте.

Тряпицу, не говоря ни слова, принес какой-то кряжистый сивобородый мужик в толстой стеганой куртке с нашитыми железными полосами и в шлеме в виде сваренных друг с другом полос.

– Спасибо, – поблагодарила Летякина.

Мужик на то никак не отреагировал, ушел на нос, пробираясь между гребцов. Блестели на солнце кольчуги и шлемы, наконечники копий, умбоны щитов. Копья у всей этой братии были довольно короткие, с листовидными наконечниками, так что, при нужде, можно было не только колоть, но и рубить. Кроме копий, рядом с гребцами лежали мечи, палицы, луки со стрелами и изящно выгнутые боевые топоры – секиры, похожие на узорчатые полумесяцы. Все это было довольно интересно... но Женька вовсе не оружие древнее увидеть надеялась. Все же... а вдруг? Хоть одна б современная вещь! Ну, хоть трактор бы проехал по берегу, моторка бы проплыла, самолет в небе пролетел бы. Или хотя бы провода – столбы – провода, провода – столбы – чего уж проще-то? Так и того не было! Ни-че-го! А ведь уже часа три-четыре плыли, как минимум. Правда, пару раз останавливались – приносили жертвы какому-то Яше-Ящеру! Довмысл лично отрубил головы белому петуху и утке – смотреть на это было противно, Женька отворачивалась – тоже еще, язычники хреновы!

Принеся жертвы, снова поплыли, пока впереди не послышался какой-то шум – ревела вода, пробираясь между камнями? Ну да, Стемид ведь говорил про пороги. Интересно, как они их будут проходить? Просто обнесут ладьи берегом? Или все же решатся – хоть это и непросто, тем более против течения. Правда, если есть у берега какой-нибудь омут, заводь, так можно и попытаться – вода сейчас высокая. С носа что-то прокричали. Воины затарабанили веслами по левому борту, ладья повернула.

Женька выглянула из шатра – нет, шалишь, не пройдешь, везде камни...

– Все перекаты да перекаты, – потянувшись, девчонка вспомнила Городницкого. – Послать бы их по адресу... На это место уж нету карты, идем-бредом по абрису.

Суда быстро причалили к берегу. Невдалеке, у дубравы, виднелось окруженное мощным

частоколом селение, а примерно в километре выше по течению – еще парочка, одно за другим, правда, эти были неогороженные.

Из распахнувшихся ворот крепости выбежали воины в кольчугах и с копьями, поклонились Довмыслу, что-то сказали. Воевода обернулся, поведя бровью, и дожидавшиеся в ладьях воины принялись споро выгружать из своих судов вещи – какие-то сундуки, мешки, корзины.

– Волок, – проходя мимо Женьки, пояснил Стемид. – Ты, дева, ближе к реке держися – вдруг да из лесу нападут?

– Нападут?!

Варяг неожиданно улыбнулся, поправив на голове круглый, с очками-забралом, шлем, красивый и видно, что недешевый. Интересно, сам выделывал или по Интернету купил? Наверное, по Интернету.

– Такое тут не раз бывало, выскочат из лесу и... Одно слово, волок! Самое опасное место.

Девушка пожала плечами: понятно, что опасное – кто бы спорил?

– Одначе, ныне, так мыслю, не нападут. Воинов у нас больно уж много, поди, кому надо, заметили. Другую добычу подождут, послабее. Ладно, пойду. – Стемид погладил рукоять висевшего на узкой перевязи меча. – Ты все же держись у реки, за ладьями – мало ли.

– Спасибо за заботу, – хмыкнула ему в спину Летякина, глядя, как вышедшие из-за частокола дюжие мужики тащат короткие бревна, подкладывают под ладьи, перекатывают... Да почти все воины кораблики свои толкали, кроме тех, кто в полном вооружении – щиты, мечи, луки-стрелы, – не отрываясь, следили за угрюмо молчавшим лесом.

– А ну, навались, братцы! – зычно командовал Довмысл.

Стемид – вот ведь шланг! – был с теми, кто у леса. Дозорил! Лишь бы не работать, ага.

Воины надрывались: на берег ладьи лезли тяжело, со скрипом, правда, потом дело пошло лучше – покатили вдоль берега по наезженной, можно сказать, дорожке, только успевай бревна подкладывать, что, однако же, тоже работа не из легких.

Да уж, не из легких... Женька вспомнила, как в таких же вот точно случаях приходилось делать обносы, вытаскивать из байдарки вещи, тащить, затем переносить саму лодку – с мокрой-то байдой намаешься, хоть не так и тяжело, как муторно, нудно. Выгружай, перетаскивай, загружай. Обнос есть обнос – не пошлангуешь... как некоторые.

И все ж дело спорилось – вот головная ладья, миновав пороги, покачиваясь, опустилась в воду. Ее тут же загрузили, расселись по местам гребцы, Довмысл, оглядевшись вокруг, кивнул Женьке – полезай, мол.

Ага, легко сказать – полезай, в этаком-то антикварном платье! Сходни-то никто не спускал, пришлось по камешкам прыгать, а потом – и в воду почти по пояс, да к ладье, а уж там протянули руки, вытащили, посмеялись, хорошо, курицей мокрой не обозвали.

Фыркнув, княжья невеста уселась у шатра, без всякого стеснения выжимая подол под одобрителный смех воинов.

Почти выжала уже, да вдруг послышался легкий свист, и перед девушкой, перед самым ее носом, в палубу впиалась стрела!

– Эй, блин! – Тяка возмущенно выругалась. – Так ведь и убить можно!

А дальше все быстро было... Стрелы вдруг хлынули дождем, пронзая шатер, впиваясь в щиты и палубу! Лучники били с берега, с косогора! Им в ответ швыряли стрелы и копья ратники Довмысла, и сам воевода, покрыв голову шлемом, держал в руке копье. Красивое зрелище, как в кино. Только...

Только рядом с Женькой со стоном повалился навзничь пораженный стрелой в шею воин. Упал, дернулся... и застыл. Быстро блекнувшие глаза его недвижно уставились на девчонку, из раны тонкою струйкой вытекала глянцеви́то-красная кровь.

– А-а-а! – отпрянув, закричала Тяка. – Мама!

Подбежавший кормщик стукнул ее по шее и швырнул к борту ладьи:

– Тут, за щитами, прячься! И не высовывайся, смотри.

Сразу три стрелы впились в червлёное поле висевшего перед девчонкой щита. Летякина поспешно пригнулась.

Довмысл между тем взмахнул рукою. Запел рог, и воины, подняв над головой копья и палицы, мечи и секиры, с громкими криками побежали к лесу. Им навстречу выбежали точно такие же вопящие неандертальцы, только экипированные куда хуже – редко у кого сверкала кольчуга, да и мечей имелось куда меньше, в основном – тяжелые топоры на длинных ручках, дубины.

Две рати столкнулись, началась схватка, впрочем, перевес сил был явно на стороне Довмысловых воинов, вражины же, как видно, вовсе не собирались нападать на все войско, а попытались лишь увести головную ладью – захватить, отплыть подальше да быстро разграбить. Потому и сразу не напали, выжидали, когда загрузят.

Сеча на берегу разгоралась, там уже были и Стемид, и Довмысл, и почти все воины – в ладье осталась лишь дюжина гребцов... и три неподвижно лежавших тела, пронзенные черными стрелами.

Женька покосилась на них и закусила губу – ну, вот... Чего ж еще больше надо? Еще раз вспомнить... Какой там у них князь – Святослав? Тот, которого печенеги... Значит, век точно – десятый.

Во главе нападавших был здоровущий рыжебородый мужчина в круглом «варяжском» шлеме и без щита. Сверкающая кольчуга, пояс с кинжалом и мечом, а в руках – огромная двуручная секира, играющая в могучих дланях здоровяка, словно детский топорик. Страшное свое оружие главарь опускал на головы дружинников с таким сладострастным хэканьем, что Тяку едва не вырвало. Словно бы мясо рубил... но делал это с любовью.

Удар! Еще удар! И вот уже один из воинов Довмысла – совсем молодой мальчик – свалился, разрубленный до пояса надвое. Прямо от плеча! Не помог и кожаный, с металлическими полосками, панцирь, видать, худоват, либо силища у рыжебородого оказалась немеряной!

Х-хэк!!! И противный треск костей... и красные брызги... и кипящая от крови река!

Вот еще двое домысловых парней ринулись на здоровяка... Один на бегу неловко подвернул ногу, упал... Другой же попытался достать врага коротким копьем... наверное, и достал бы, коли б рыжебородый не был столь ловок. Увернулся, чуть присел, пружиня ногами... Блеснула секира... Подпрыгивая, покатила по берегу срубленная с плеч голова. А вот тело несчастного не сразу поняло, что его уже обезглавили, убили – и еще какое-то время жило. Пробежало шагов пять, фонтанируя кровью, и, нелепо взмахнув руками, повалилось в траву.

Женьку вырвало...

– Хо-го-гой!!! – размахивая окровавленным топором, громко заорал вражина. – Аой!

И снова перед ним вырос воин, поставив под удар круглый червлёный щит с блестящим умбоном. Стемид!

А он вовсе не трус, оказывается, и не только с девчонками умеет воевать...

Молодой варяг принял удар на щит, верхней, окованной железной полоскою кромкой. О, Стемид прекрасно знал, что делал – страшное оружие рыжебородого, дойдя до умбона, застряло в щите... И острие меча викинга пронзило здоровяку горло!

Враг захрипел, вращая глазами с каким-то детским немым изумлением, как видно, никак не мог поверить в то, что и его могут убить. Мало того – уже убили! Вот так!

И снова запел рог, и лишённые своего главаря нападавшие озадаченно попятились. Было такое впечатление, будто у них только что отняли знамя. Воодушевленная гибелью предводителя врагов дружина Домысла ринулась в наступление. Звенели мечи, пели стрелы, падали в реку окровавленные тела.

Схватка закончилась так же быстро, как и началась. Побежденные разбойники, оставив в траве убитых, поспешно скрылись в лесу. Вытирая об траву окровавленные мечи, вернулись на ладьи воины, правда, значительная часть их во главе со Стемидом все же осталась на берегу, охранять дюжих парней, что тащили остальные ладьи, обходя ревущие страшным ревом пороги.

Да уж хороши! – Летякина, как бывалый турист, заценила окутанные пенным туманом камни. А на байдарках пройти в принципе можно – тут вон, в стремнину нырнуть, а потом резко влево. Воды много, течение сильное – вытянет.

Господи... о чем она думает-то? Ведь тут... Тут – убийство, и не одно, да еще – с особой жестокостью – дубинами, стрелами, мечами...

Девушку замутило и снова вырвало горько зеленой желчью.

– Ничо, ничо, дочерь, – погладил ее по спине седобородый кормщик. – Тако и с воинами младыми бывает. Эй, Корятко! – Он обернулся и махнул рукою гребцам. – А ну, принеси квасу.

Расторопный малый, белобрысый, в кожаном, с нашитыми бляшками панцире, притащил княжьей невесте кувшин, подал с поклоном.

Женька напилась, поблагодарила... Потом, вдруг вспомнив что-то важное, негромко спросила:

- А тут знакомые мои парни были - Путятко с Тимотою. Что-то ныне не вижу.

- Плохо с твоими знакомцами дело, - ловко перекладывая широкое рулевое весло, грустно отозвался кормщик. - Славные были парни, да вот, видать, оставили их своими заботами боги. Затеялась на вымоле драка, там и сгибли оба. Ткнули ножами, теперь уж и не разберешь, кто. Одначе на ладожан - вира. Они и тризну справят, и страву поклялись устроить, и на тот свет погибшим молодых рабынь дати. Так что все как надо будет, помянут робят добром - слово Хакона-ярла крепкое, то все знают.

- Убили? - Женька закусила губу.

Так вот, значит, как, значит, зря посылала Гречку. Эх, надо было самой идти, ей-то поверили бы... Впрочем, а может - и нет. Кому веры больше - родным отцам-командирам-начальникам или какой-то приبلудной девке, про которую они точно знают, что никакая не княжна, приبلуда.

Потрясенная, Женька замкнулась, забилась в шатер и остальную часть пути - вечер, ночь и еще день - провела в ладье молча. Снова были пороги, правда, не такие грозные, как тот, первый, и ладьи уже не тащили волоком - проводили на веревках, пользуясь высокой водой.

А на второй день пути на реке показался город. Он был огромный... ну, пусть не огромный, но очень большой, примерно как два Крутогорских микрорайона, и раскинулся на обоих берегах, кстати, довольно болотистых. Ограждавшие город высокие земляные валы увенчивали грозные, сложенные из толстых бревен стены с башнями, у пристани покачивалась, пожалуй, добрая сотня (!) судов, и не просто ладей, а настоящих кораблей, крутобоких пузатых красавцев с помостами и высоко задранными носами. И как только их умудрились протащить волоком? Впрочем, не такие уж они и большие. Совсем не большие, разве что по сравнению с ладейками или рыбацкими челнами, во множестве снующими по реке.

На берегу толпился народ, стояли какие-то прилавки с товарами, а воины на крайнем причале, узнав ладьи, приветственно махали руками. Довмысл тоже помахал в ответ. Что-то крикнул... Запел рог, и три ладейки проворно повернули к берегу, оставшаяся же, четвертая, пошла следом за головным судном.

- Новагород! - прищелкнул языком кормщик.

- А нам что же, не туда?

- Нам в Хольмгард, чуть дальше.

Хольмгард - город на холме... Еще один Новгород?

Женька щурилась, закрываясь рукою от солнца, и недоуменно качала головою - чего-то явно не хватало в сей идиллической картине богатого и многолюдного средневекового города... девушка быстро поняла - чего! Церквей! Белокаменных храмов с пылающими сусальным золотом куполами, изысканных деревянных шатров, увенчанных крестами, высоких, рвущихся к небу колоколен... Ничего этого не было. Не благовестили к обедне, не собирався на многочисленных папертях чинный люд, и малиновый колокольный звон не плыл, разливаясь, над широкой рекою.

Ну, конечно, не плыл! Русь-то еще, похоже, не христианская! Святослав, он ведь до Владимира Святого был... или - после? Нет, до. Точно - до! Кажется... Раз уж здесь церквей нету.

Две Довмысловы ладьи рассекали носами воду, вскоре, километра через два, по левому борту, на круче, показалось селение, обнесенное мощными дубовыми стенами, выглядевшими ничуть не менее грозно, чем в Новгороде, а пожалуй, что и более. Над высокой башней хором колыхался на ветру синий стяг с черным изображением ворона, чуть подальше висел второй – алый с золотой двухзубою вилкой.

Подойдя к берегу, суда нырнули в неширокий залив. Зажатый между плоским мысом и холмом с крепостью заливчик являл собой удобную гавань – у пристани покачивались с десятков ладей, на мысу, у каких-то приземистых сараев, деловито конопатили большую, перевернутую днищем вверх лодку, рядом живописно висели развешенные то ли для починки, то ли для просушки рыбацьи сети, а чуть поодаль на покрытом молодой зеленой травкой лугу паслось стадо разномастных буренушек – пятнистых черно-белых и буровато-рыжих. Белоголовые пастушки, усевшись у самой реки под ивами, жалостливо дудели в свирельки – словно бы перекликивались – ту-ту – ту-ту – ту-у... Пастораль!

На другой стороне залива, у подножья холма, располагалась группа каких-то невысоких глиняных сооружений, от которых тянуло вкуснейшим запахом только что испеченного хлеба. Настолько сильно тянуло, что у Женьки потекли слюни. Впрочем, не только у нее одной.

– Пекут! – сглотнув набежавшую слюну, повел длинным носом Стемид.

– Пекут, – согласился кормщик. – Ужо, поедим свеженького!

По широкой деревянной лестнице, по мосткам, гости поднялись к радушно распахнутым воротам, у которых, сидя на белом коне, их поджидал местный воевода или сам князь, бог уж ведает, кем был этот осанистый широкоплечий мужчина с сивой, заплетенной в две косички бородой. Узкий темно-синий кафтан с драгоценными пуговицами, длинная, с вышивкою, рубаха, меч, темно-голубой, с желтоватым подбоем, плащ, заколотый на левом плече золотой, с цветными эмальями, фибулой в виде головы какого-то дивного зверя. Князь! Как есть князь! Настоящий викинг! Позади, с любопытством поглядывая на Женьку, толпились воины, сверкая кольчугами, словно рыбы чешуей.

– Приветствую тебя, славный Хирульф, сын Эйнара Могучие Руки, – подойдя, поклонился Довмысл. – Пусть будут благословенны к тебе боги.

– И я рад, что боги милостивы к тебе, славный Довмысл-хевдинг. Вижу, вы привезете конунгу красивую и достойную невесту!

Спешившись, Хирульф обнялся с Довмыслом и вежливо поклонился деде.

Та тоже отвесила поклон – раз уж тут так было принято.

– Прошу отобедать, а завтра устроим ристалища в честь благосклонных богов!

– Боюсь, что не устроим, славный Хирульф-ярл. – Воевода картинно развел руками. – Неотложные дела велят мне как можно скорее плыть к своему князю.

Викинг громко расхохотался:

– Да-а, с такой-то красавицей поспешать надо! Смотри, как бы не проведал о ней злоковарный Локи, не позавидовал бы!

- Не проведает, - нахмурился Довмысл. - О том молим богов денно и ночью.

Лично ведомые Хирульфом, высокие гости вошли на просторный двор и поднялись по крыльцу в хоромы - точно такие же, связанные друг с другом срубы, какие Женька наблюдала и в Ладогe. Как и в Ладогe, княжьей невесте предоставили отдельную горницу с чисто выскобленным полом, большим светлым окном из вставленной в свинцовый переплетец слюды и овальным серебряным зеркалом.

- Отдыхай, краса дева. Коли помыться с дороги желаешь - воду нагреем, девку-рабыню пришлем.

Помыться было бы и неплохо, тем более месячные уже прошли, и Летякина с радостью закивала:

- Да-да, пришлите, помоюсь.

- А потом милости прошу на пир!

Рабыни - три молчаливые девушки, босые, в длинных вышитых платьях, наверное, Женькины ровесницы или чуть младше - поставили посередине горницы большую кадку да деревянными ведрами натаскали теплой водицы, по всей видимости, оставшейся после вчерашней бани... или по новой уже затопить успели, гостя не спрашивала, спросила другое, про ярла Хирульфа - кто, мол, такой?

- То наместник Хольмгарда и всех новгородских земель, - охотно откликнулась одна из девушек, светловолосая и светлоглазая, побойчее и поязыкастей других. - Волей Святослава-князя, тако! Ты, госпожа, подними-ка руки...

- Да зачем? - застеснялась Летякина. - Я и сама могу.

Рабыня глянула с неожиданной строгостью:

- Разве можно госпоже - и самой? А что тогда слугам делать? Зачем их кормить?

- Ну, нельзя так нельзя. - Пораженная убойной логикой, гостя согласно подняла руки.

Невольницы сняли с Женьки пояс и башмаки, проворно стащили платье и рубашку.

- Садись, госпожа, в кадку... о-от! Не горячо ли? Или, может, холодновато? Так мы горяченькую принесем.

- Нет, нет, не надо. Ни горячо, ни холодно. - Невестушка улыбнулась. - Бабушка моя такую водичку «летненькой» называла. Помню, в детстве в баню меня водила... Да! Забыла Хирульфа спросить, раз уж он тут главный. Рубахи-то другой нету? Эту б я постирала, давно уж ношу.

Девчушки прыснули.

- Да как, высокородная, нету-то? - ответила за всех светлоглазая. - Хирульф-ярл - властелин не жадный, многим от щедрости своей чего дал. Ты-от в сундук-то заглядывала?

- Нет еще.

- Так мы откроем, покажем?

Светленькая невольница шустро распахнула сундук и, по очереди вытаскивая каждую вещь, нахваливала, словно считая себя полномочной представительницей своего хозяина-ярла. Верно, так оно и было.

- От тебе и рубаха, высокородная! Глянь! Льяная, на солнце выбеленная, с оберегами вышитыми, а? Какова?

- Красиво, - плеснув водой, улыбнулась в кадке Женька.

Остальные рабыни тут же схватили корцы и начали поливать голову гостьи. Той было приятно, чего уж...

- А вот и платье! - продолжала светлоглазая. - Чистая шерсть, тонкая, крапивою выкрашена.

Новое платье Тяке тоже понравилось - не бог весть что, но... как говорится, простенько, но со вкусом.

- А вот гребень золотой из фризской земли, со смарагдами, а вот браслеты с камнями - то нашенские, Крады-коваля работы...

- Глаз не оторвать!

- А вот бусы из камня солнечного!

- Янтарь! Господи, красота-то какая!

Пока «невестушка» принимала ванну, пока примеряла обновки да драгоценности, а потом и пир - время до ночи пролетело быстро. И только ночью наконец-то настало время подумать обо всем, тем более юная гостья нынче ни вина, ни браги особенно много не пила, да и вообще, сославшись на усталость, покинула гостеприимную трапезную Хирульфа-ярла пораньше. Как раз в этот момент начали плясать какие-то смуглые полуголые девицы, трясая ягодницами и вызывая бурные восторги присутствующих.

Вернувшись в горницу, Женька отправила прочь помогавших снять платье невольниц, растянулась на сундуке, застеленном мягкой медвежьей шкурой, и, заложив руки за голову, недвижно уставилась непонятно куда.

Как ни странно, а думалось хорошо, отстраненно - видать, сказала усталость, да и первый шок уже прошел. Итак... Ладога, Новгород... Все эти корабли, люди... кровавые схватки! Трупы, можно сказать, валялись под ноги - и это никого не смущало. Совершенно нормальное поведение для десятого века! Раннее Средневековье, блин. Вот ведь угораздило! Хорошо хоть, за княжну выдавали, иначе б давно обслуживала всех подряд - не забалуешь, не выпендришься. А пропасть можно и сейчас... и там, в Киеве. Как к ней еще князь отнесется... брр! Это ж с дикарем придется спать! Лучше уж сбежать по пути - раз заговор «на открытие врат» в сторону десятого века сработал, так, может, сработает и в другую - в двадцать первый обратно? Может, так, а может, и нет, но проверить нужно. Однако как теперь до той кручи добраться? До Выдь-реки. Опять через Новгород к Ладоге, там по Сяси-реке и дальше... куда? А до Ладоги как, на чем, чего по пути кушать? Ну... можно гребень продать. Однако ж ее же ловить будут, всенепременно будут - и поймают, и найдут - слишком уж она от здешних людей отличается, любой скажет - чужая. И это еще не говоря о том, что ее стерегут вообще-то! И

довольно строго – ну, как же, она ж, Женька-Малинда, единственная надежда этих уродов, Довмысла и Стемида! Те и присматривают. И если что – убьют или... или даже чего похуже сделают – не сразу убьют, замучают, с этих придурков станется, как два пальца... Нет, сейчас, по пути, не убежишь – слишком уж стерегут зорко, присматривают – Женька все ж не глупой девчонкой была, понимала это прекрасно. Но с другой стороны – сейчас не убежишь, а потом, из Киева-то, гораздо труднее будет! Да и кто сказал, что и там стеречь не будут, она же – княжна. Хотя у княжны-то, верно, вольностей-то побольше... Блин, Святослав еще этот... жених! Господи-и-и, чего же делать-то? Что – безвыходное положение, что ли? Тупик? Ну нет! Еще поборемся! Еще поглядим, устоим все, выберемся, в конце-то концов, она, Женька Летякина, умная, образованная – ну, почти образованная, – а эти, местные, лишь толпа поклоняющихся идолам дикарей! Посмотрим, кто кого. Посмотрим...

Глава 4. Лето. Киев. Невеста

Теплый солнечный лучик, проникая в горницу сквозь вставленную в оконный переплет слюду, падал на Женькин лоб разноцветной радугой, веселыми искорками заглядывал в глаза, щекотал.

Девушка приподняла веки, улыбнулась. Ей было сейчас хорошо и спокойно, то ли от того, что не нужно больше никуда ехать – плыть на надоевшей до чертиков ладье, а скорее, от вдруг нахлынувшего ощущения детства; вот так же лежала когда-то у бабушки в деревне, щурилась, медленно просыпаясь от рвущегося в комнату солнца, краем уха слушая доносящийся с кухни шум – звук льющейся из рукомойника воды, звон посуды, приглушенные голоса.

Как давно это все было, господи-и-и! Даже не верится. Ага... Женька хмыкнула себе под нос – а в сегодняшнее-то верится? Горница эта, устланное мягкой периною ложе, широкие лавки, сундуки, резное деревянное кресло. Киев, блин... Десятый век! А душно-то как! Ну, правильно, солнце-то поднялось, жарит.

Соскочив с ложа, девушка подбежала к окну, прикидывая, как бы его открыть, распахнуть напроць? Никакой фурнитуры что-то не наблюдалось... Но ведь должно же оно открываться, иначе с ума можно сойти от жары. Нет... ну, как же? Ага, вот какие-то выступы... потянуть... ухх!!!

Тяка чуть было не завалилась на пол вместе с неожиданно легко подавшейся рамой... Выругалась:

– Вот ведь черт!

Девушка поставила на лавку тяжелый свинцовый переплет и, выглянув в окно, восхищенно вскрикнула – от открывшейся перспективы просто захватило дух! Горница располагалась на верху высоченной бревенчатой башни, что стояла, примыкая к хоромам, в окруженной мощной деревянной стеной крепости на высоком холме, крутые склоны которого резко обрывались вниз, к широкой, сияющей синевою реке, к пристани с многочисленными покачивающимися у мостков ладьями. Меж пристанью и «замком» – так Женька именovala свое обиталище – виднелись какие-то квадратные, с двускатными крышами избы, плетни, белые, крытые соломой мазанки, сады-огороды, а ближе к реке – бани, амбары, кузницы...

Чего только не было! И все такое... древнее. Как в музее.

Высунув в окно голову, Женька улыбнулась – ветерок! А если еще и дверь распахнуть, так и вообще... Вспомнилось вдруг, как когда-то крутилась она у себя в коммуналке перед зеркалом, почти голая, и тоже вот так – тук-тук...

Заглянул сосед-алкоголик, окутанный едкой аурой вчерашней пьянки, озадаченно выпучил глаза:

– Ты что это, Евгенья, голая-то?

– Ой!

Сказать по правде, Женька тогда ничуть не смутилась, но дверь все ж чуток прикрыла, так, оставила щелочку. Небольшую, для разговора... но перегар проникал хорошо, знойно!

– Ты, Евгенья, чего плохого-то не подумай...

Ага!

Подумала бы – сразу б табуреткой припечатала!

– Я ведь просто это... У тебя полтинника не будет? Мне тут немножко того, этого – не хватает, короче...

– Короче, дядя Федя, держи.

Пошарив по карманам висевшей тут же, на вешалке, куртки, Женька насобирала мелочь, протянула на ладони в щель, предупредила грозно:

– Только – полтинник! Больше не проси, не дам – сам знаешь, нету.

– Да знаю! – ухватив денежки, обрадованно просиял сосед. – Спасибо, Евгенья, хороший ты человек, добрый.

Добрая, да... Пожалуй, даже слишком.

А нынче вот открывать не пришлось, дверь распахнулась сама, с тихим стуком. Точнее, не сама, конечно же – толкнули.

– Проснулась, ненаглядная краса наша? – с поклоном заглянула в покои добродушного вида женщина с широким лицом, в белой, с вышивкой, рубахе и длинной синей юбке до пола.

Хорошая тетка, добрая. Вчера принимала, кадку с теплой водой принесла, квас... Как же ее звать-то? Девушка наморщила лоб: то ли Звана, то ли Ждана...

– Утро доброе... Извините, забыла, как вас зовут?

– Здрава я. – Женщина снова поклонилась. – Разбудити не своей волей зашла, Волока-тиун пославши – княгиня-матушка на тя, краса, поглядети хочет, так что ты уж поторопись. Я помогу одеться, вона, платье-то варяжское в сундуке – то тебе подарок. Его и надень, княгинюшке, чай, приятно будет – сама из варязей. А эту-то рубаху ты сыми...

– Не-не-не! – замахав руками, отстранилась Летякина. – Не надо мне помогать, я сама. Где, говоришь, платье новое? В сундуке?

– Тамо! Тамо и гребень, и кольца с подвесками, и браслеты, и...

– Вот с украшениями потом поможешь! – Вспомнив, кто она, Женька высокомерно вздернула

нос. – А пока – ступай!

Молча поклонясь, Здрава исчезла за дверью.

– Ага! – всплеснула руками девчонка. – Значит, говоришь, в сундуке платье-то? Поглядим!

Откинув тяжелую крышку, Летякина восхищенно ахнула: длинное плиссированное платье из полупрозрачной темно-голубой ткани ей сразу же очень понравилось. Этакое эротичное, с короткими рукавами... жаль, без разреза от бедра. А ну-ка...

Сбросив рубаху, Женька живенько натянула платье, покрутилась перед стоявшей на лавке пластиной из полированного серебра – зеркалом. Да-а-а, вот клево-то! И никакого разреза не надо – точно по фигурке... и почти ничего не скрывает. Что же... вот так вот и на люди, на прием к княгине, идти? А не слишком ли вызывающе? Или тут так и принято? Нет! Наверное, поверх что-то еще одевается... ну да – вот.

Склонившись над сундуком, девушка вытащила изящную, на узких лямках, тунику или, скорей, сарафан из тонкой, приятного красновато-коричневого цвета шерсти с золотистым орнаментом в виде каких-то не то букв, не то рисунков, но все равно – красиво очень, хоть сейчас на подиум! И эротично – куда более, чем просто в одном платье!

Лямки на тунике застегивались большими овальными бляшками, то ли золотыми, то ли бронзовыми, с рисунками в виде каких-то фантастических зверей. К наряду прилагалось и ожерелье, целая серебряная пектораль, никоим образом, по мнению Летякиной, к образу не подходившая. Иное дело – янтарные бусы, ладожский подарок, вот они-то тут вполне к месту прились.

Женька снова повернулась к зеркалу, посмотрелась... Красота – не оторвать глаз! Умели же люди одеваться в давние времена!

Нашлись в сундуке и туфли, жаль, без каблуков, но вполне стильные, этакие мокасины из красно-коричневой – в тон тунике – расшитой стразами... нет! Какими там стразами – настоящим жемчугом! – замши, стягивающиеся на щиколотке тоненьким ремешком.

Вот теперь – хоть куда. Крутнувшись на пятке, девчонка довольно хмыкнула. Красиво, удобно – словно по ней и сшито.

– Ой, госпожа моя! – всплеснула руками возникшая на пороге Здрава. – Ты прям как ромейская царица! Посейчас на голове что-то сладим... на кресельце от присядь.

– Да, на голове-то бы надо. – Женька послушно уселась. – А то черт знает что...

Следом за Здравой в горницу с низкими поклонами вошли еще двое парней, мальчишек, тащивших жаровню с углями и какие-то щипцы.

– Там вон, в угол, поставьте. И воды принесите кадку – не полыхнуло бы тут все.

– Принесем, тетушка, это мы живо.

Снова поклонившись, парни ушли – слышно было, как легкие шаги их застучали по ступенькам.

– Ну, вот, – накалив на углях щипцы, Здрава повернула Женьку лицом к зеркалу, сама же

подошла сзади. – Сейчас на варяжский лад и сделаем. Только сиди, краса моя, тихо, не дергайся.

Пока тетушка возилась с прической – надо сказать, весьма умело, – Летякина вспоминала все, что знала о княгине Ольге – ибо какая еще княгиня тут могла быть? Уж конечно, матушка Святослава захотела познакомиться с невесткою первой... сынок уж потом, успеет. Ольга – женщина властная, жесткая, врагов себе нажила много. Правда, ее потом на костре сожгли... сожгут. Хотя... Нет! Это Жанну д'Арк сожгли, а не Ольгу, Ольга сама сожгла этих, как их... древлянцев, вот! За то, что они мужу ее, Игорю, за половцев отомстили. Еще дочка у Ольги должна быть, Ярославна... Ярославна на забороле плачет... или – плачет Ярославна на забороле – так ведь в «Слове о полку Игореве». А у Ярославны брат был – Ярослав, князь киевский – Ярослав Мудрый. Стоп! Так ведь Святослав князь-то! А Ярослав где, убили, что ли? Не вспомнить уже, хоть ЕГЭ по истории сдала и неплохо. Только это когда было-то? Три года назад. Теперь уж и забылось все, перепуталось, не то что неправильные формы английских глаголов – это уж не забудешь никак, вбито намертво.

– Ах, коротковаты у ты волоса, дева. Вот уж не знала, что весяницы девок своих стригут. Ничо! Посейчас тут подзавьем, там ленточкой перевяжем...

Новая – парадная! – прическа понравилась Женьке ничуть не меньше, чем платье. Пышные темно-русые пряди ее были собраны в небольшой пучок, откуда уже ниспадали такими томно-завитыми локонами, а-ля «Наташа Ростова на первом балу». Только вместо князя Болконского другой князь – Святослав. Интересно, он хоть танцевать умеет? И бывают ли здесь балы? Наверное, бывают, как же без танцев-то?

– А вот румяна ромейские! Белила персиянские, болгарская басма!

– Э, нет, нет, нет! – Женька быстро забрала у тетушки Здравы резную шкатулку. – За прическу – мерси, а с косметикой я уж как-нибудь и сама справлюсь. Что тут? Ага! Помада, румяна, тени для век... все вижу, все сама сделаю.

– Как скажешь, краса наша.

Вернувшиеся со двора отроки с шумом притащили кадку с водою.

– Куды ставить, тетушка?

– До утра б еще ходили, орясины, – покосившись на увлеченную косметикой деву, Здрава заругалась, махнув на парней рукой. – Что Свенельдовы отроки – не вернулись еще от древлян?

– Только что явились, тетушка. С дарами! Токмо не к древлянам они нынче хаживали – к радимичам.

– Эвон, куда! С дарами, грите... Так матушка-то княгиня ныне в радости.

– Не особо в радости. Свенельдовы сказывали – дары-то не ахти.

Накрашиваясь – уж как получалось, – Тяка краем уха прислушивалась к разговору. Ее вообще-то начинало уже колотить, все на нервной почве – еще бы! Как-то еще отнесется к ней Ольга, будущая, так сказать, свекровь? А Святослав? Вдруг обнаружит, что не девственна? Как ладожская ведьма Урмана обнаружила, хорошо хоть, тем чертям, Стемиду с Довмыслом, ничего про то не сказала – то ли пожалела девку, то ли, наоборот, хотела этих двоих

подставить. С кого ведь князь за чистоту невесты своей спросит? С них! Куда, скажет, смотрели, гниды пучеглазые? А может, того... сами?! Тогда, как в старом фильме – первое дело – на кол, а уж опосля... Ох, успокоиться бы... Сигаретку бы выкурить...

– Тетушка Здрава, у вас тут... нужник где?

– Так во дворе... Да зачем тебе, краса-госпожа, нужник-то? Вон, кадка в углу.

– Кадка кадкой, а мне бы в нужник! – Встав с кресла, Женька упрямо сдвинула брови. – Веди, живо!

Умела уже говорить по-княжески, приказывать. Да всегда умела – Вовчика, не к ночи будь помянут, бывало, та-ак строила, что тот потом мамашке своей плакался. Сыночек, деточка... тьфу!

В нужнике – просторной, для княжеского рода! – уборной Летякина расположилась с удобством – у маленького волокового оконца, рядом с которым на полочке курилась благовонная свечка. Закурила и Женька – щелкнула зажигалочкой, затаилась, глаза блаженно закрыла...

Все об Ольге думала, меньше – о Святославе. О княгине-матери все здесь – слуги и та же тетушка Здрава – говорили с почтением и страхом, Святослава же поминали этак, поскольку постольку, Женька даже опасалась, неужели и этот – маменькин сынок? Жаль, историю-то уже подзабыла... так а кто не подзабыл, тем более – такую древнюю... Так а кто ее и помнил-то, кому она, кроме реконов, нужна?

Докурив, Женька выбросила окурочек и улыбнулась – а хорошо вот так потянуть иногда дымка, успокоить нервишки. Успокоилась ведь! Теперь можно и к Ольге.

Княжеский двор, сверху выглядевший маленьким и убогим, вблизи показался госте довольно просторным. Высокие хоромы, массивные угловые башни, какие-то невзрачные домишки (для слуг?), амбары, конюшни, птичники. И люди. Много людей: все те же слуги, воины в сверкающих на солнце кольчугах, какие-то осанистые господа в расшитых серебром и золотом плащах и кафтанах, в пижонских цветных сапогах, в отороченных дорогим мехом (несмотря на жару) шапках. Женщины, правда, в шапках не попадались, видать, не носили – все больше платки и какие-то замысловатые сооружения (убрусы?), а те, кто помоложе, – вообще с непокрытыми головами, волосы лишь лентой широкой перевязав, убрав в косы.

Вот проскакал на коне усатый воевода в развевающемся за спиной плаще. Спешился у конюшни – подбежавшие слуги поклонились, приняли под уздцы лошадь. Вот смеющиеся девушки погнали за ворота гусей, рядом с ними какой-то тип в узком синем кафтане и круглой, похожей на узбекскую тюбетейку, шапочке, поставив на колени какого-то белобрысого паренька, деловито лупил его по спине палкой, еще и считал, гад:

– Восемь... десять... Дюжина! Ступай, холопья морда, да смотри, впредь не прекословь – шкуру спущу!

Да-а... порядочки!

А вот в сторону уборной в сопровождении кучи людей, в основном женщин и девушек, проследовала какая-то дородная особа в накинута на покатые плечи шикарной, щедро расшитой золотом шали. Едва зайдя в нужник, особа громко закашлялась и завопила, в ярости

распахнув дверь:

– Эт-то што тут, а? Это что за благовония, я вас спрашиваю, сучьи дети? Так в аду пахнет, и дым... дым! Дым поганый, зловоние – ни вздохнути, ни пернуть!

Вся свита разом бросилась на колени:

– Не вели казнити, княгиня-матушка! То Ергоген-грек свечки благовонные третьего дня приподнеси.

– В задницу ему свечи эти! – потрясая посохом, ярилась княгиня.

– Не можно посеишас в задницу, матушка. Вчераси Ергоген-грек себе в Царьград уплыл. Ужо, как в обрат явится, так мы... Новые-то свечки Рогвольд Ладожанин в подарок обещался занести – уже те-то не худые!

Так это, верно, Ольга и есть, – поднимаясь на крыльцо, отстраненно подумала Женька. Ишь, разоралась, Кабаниха! А все ей кланяются, боятся. Ладно, поглядим.

Вблизи будущая свекровь показалась Летякиной еще более противной и злобной, нежели издали. Облаченная в сверкающие парчовые одежды, дородная, еще не утратившая силу, старуха с морщинистым властным лицом и убранными под затейливый убрус волосами встретила невесту, сидя на высоком золоченом кресле-троне, поставленном посреди просторной горницы с узорчатыми деревянными колоннами и окнами, забранными все той же слюдою. В горнице жарко горели свечи, и в желтом свете их поджавшая тонкие губы Ольга выглядела совершеннейшей самодуркой... или самодурой.

– Кланяйся, кланяйся, дщерь! – громко зашептала оставшаяся у порога Здрава. – Кланяйся.

Что ж, надо, так надо. Раз уж тут так принято. Спина-то не переломится.

Запоздало поклонившись, Женька смущенно улыбнулась и поздоровалась:

– Здравствуйте, ваше... э... величество.

– Здрава и ты будь, – хмыкнув, великая княгиня буравила девчонку огненными, глубоко посаженными глазами, словно задумала просверлить насквозь. – Как отец твой, как родичи? Все ли по добру, по здорову?

– Все по добру, по здорову, спасибо, – покивала головою Женька. – А как у вас?

– Хм... – Княгиня пожевала губами и махнула стоявшим поодаль людям в богатых одеждах. – Коли Рогвольд Ладожанин пожаловал, так пусть сюда идет. Когда он в Альдейгу-то?

– Сегодня с полудня собрался, матушка.

– Почто поздно так?

– К радимичам хочет по пути завернуть, торговлишку повести.

– Торговлишку?! У радимичей? – Ольга покривилась и неожиданно захохотала, громко и гулко, а потом, отсмеявшись, хмыкнула. – Это он напрасно надеется. Вряд ли у радимичей что-то осталось после Свенельдовых отроцев. Где сам-то Свенельд?

- Гридей на позадворье учит из луков бить, матушка.

- Будто больше учить некому... Ладно. Ты! - резко повернувшись, великая княгини ткнула в Женькину сторону корявым старческим пальцем, искривленным жестоким артритом. - Красива девка, что и сказать, хоть и тощевата. Сынку моему понрависься... А вот мне пока - не очень! Вижу, нет в тебе ни почтения, ни благонравья, ни страха. Одна, прости господи, гордыня да еще дурость детищая. Пошла куда прочь... На свадьбу добро даю, что уж, весян обижать не будем. Но ты, девка, смотри! - Ольга погрозила кулаком. - Гордыню свою не уймешь, огребешь по полной, усекла?

Ну, не так, конечно, княгиня киевская сказала, не «огребешь по полной», как-то позакovskyристей, по-старинному выразилась, но смысл был именно такой, это Тяка «усекла» точно.

Обиду стерпев (выпендриваться-то зря не дура же!), девчонка поклонилась молча, ушла, столкнувшись на крыльце с красивым, лет тридцати, мужчиной - чернобородым, светлоглазым, в узком, поверх длинной рубахи, кафтане с блестящими круглыми пуговицами, при мече в ножнах на кожаной перевязи и с пирсингом - в левом ухе красовались аж пять золотых серег!

Женька хмыкнула - с пирсингом у нее были отношения сложные. Тяка знала - читала да и люди рассказывали, - что в серьезные-то организации не особо с пирсингами да татушками берут. Раздеваться, конечно, не заставляют, да потом вдруг какой-нибудь там пикничок, купание, медосмотр... Могут «за несерьезность дресс-кода» и выгнать, бывали случаи, говорят. А ведь хорошая работа - это почти что единственный шанс в городе зацепиться, выжить. Потому и училась Женька старательно... вот только, дура, когда впроголодь жить надоело, взяла да бросила, о чем потом жалела. Оттого и денег хотела срубить - восстановиться, доучиться бы! Срубила, блин... Теперь вот здесь, в десятом веке, сиди, да попробуй, выберись!

- Ах, прошу простить, - незнакомец поспешно посторонился. - Ты очень красивая, госпожа - вот и засмотрелся. В гостях здесь, с родичами?

- В гостях, - зачем-то соврала Женька. - А вы...

Не успела спросить - из дверей уже нетерпеливо махали, давай-ко, мол, поскорей. Следом за чернобородым красавцем четверо парней, приседая, тащили огромный сундук. Интересно, что в нем такое? Подарки? А-а-а, верно, это свечи, а мужик - ладожанин Рогвольд, его там Кабаниха-то и дожидается, подарков богатых алчет.

Вернувшись к себе в горницу, Женька отпустила - а скорей, прогнала! - слуг и, усевшись на лавке у окна, принялась смотреть вниз, во двор. Так, от нечего делать.

- Может, тебе, госпожа моя, орешков каленых принести? - заглянула в покои Здрава.

Невестушка махнула рукой:

- А и принеси, тетушка.

Каленые-то орешки, да в безделье - самое то! Как семечки пощелкать.

- Вот, госпожа!

Почти тотчас же прибежала с поклоном малолетняя девочка, притаранив две плетеных из

лыка корзиночки, маленькие, в каких обычно продают белые грибы у метро разного рода выжиги.

- Тут от, в скорлупе орешки, а здесь - колотые. Какие, госпожа, похощешь?

- Обои давай. Откуда орехи-то, чай, не осень?

- Так грецкие же! С Царьграда, с землицы ромейской.

Усевшись у окошка с орехами, Летякина смотрела на двор, на реку, за ворота.

- Любуешься? - усмехнулся внизу тот самый чернобородый купец, что едва не сбил с ног княжью невесту. Рогвольд Ладожанин.

Девушка улыбнулась:

- Да уж, красиво. А вы уже от княгини?

- От нее, да. Жду, когда слуги пустой сундук принесут - заносил в подарок воску, да меду липового, да свечек. Я - Рогвольд из славного Альдейгьюборга. А тебя как зовут, краса?

- Женька... Евгения.

- Латинское имя! Ты что - латинянка? В распятого Бога веришь?

- А ты не веришь?

- Я верю в своих.

- Вот и я в своих. Слушай! - девушка и сама не заметила, как перешла на «ты», да Рогвольд и не возражал, видно было - девчонка ему нравилась, да Тяка это и сама чувствовала... и нельзя сказать, что чувство сие было так уж и неприятно. Тем более...

Тем более купец-то явно не знал, кто она и зачем здесь! И собирался домой, в Ладогу! Через этих, как их... ну, футболист-то такой был... муж Татьяны Булановой. Радимов, вот. Так, может...

Женька выкинула орехи:

- Ты ведь домой, в Ладогу, а?

- Да, - с улыбкой отозвался купец. - Через радимичей. Там кое-что сторгую.

- А ты не мог бы меня с собой взять? Мне тоже до зарезу в Ладогу надо, - умоляюще промолвила девчонка. - Я заплачу, ты не бойся. Сбежать от своих хочу... к дальним родичам.

- А кто у тебя в Ладоге? - переспросил Рогвольд. - Может, я знаю?

- Может, и знаешь. - Тяка повела плечом. - Урмана, колдунья - тетка моя троюродная.

- Урмана!!! - Торговец едва ль не подпрыгнул. - Ты - из ее рода?!

- Это она - из моего! - веско поправила девушка. - Так довезешь?

- Конечно. - Рогвольд, похоже, был явно обрадован. - И платить ничего не надо. Потом в

Ладоге родственницу твою, Урману, кое о чем попрошу, можно?

- Конечно, можно! - Женька радостно улыбнулась. - Я же племянница ее любимая. Меня, если хочешь знать, тетка Урмана во всем слушает.

- Ну, так пошли, - махнул рукой купец. - Посейчас и отчалим. Вон и сундук несут, да.

И в самом деле, парни тащили с княжеского крыльца сундук, тот самый, большой. Правда, на этот раз шли легко, с улыбками.

- Вот сундук пустой, - прокомментировала княжья невеста. - Он предмет простой, он нику-да не денется.

- Да, сундук добрый, в такой много всякого добра влезет. - Рогвольд согласно кивнул и ухмыльнулся. - Так поторопись же, дева, спускайся, чего ждешь-то!

- Да тут родичи мои шлятся, - тут же соврала Женька. - От которых я в Ладогу свалить собиралась незаметно.

- Хм, - купец хмыкнул. - И как это ты незаметно выбраться отсюда хочешь? Народу-то - эвон!

- Да я... - Женька задумалась. - Ты б посмотрел, на крыльце-то есть кто? Мне ведь отсюда не видно. Ну, загляни за угол.

- Стражники там стоят, чего заглядывать-то? - удивился Рогвольд. - Я их, когда ко княгине великой шел, видал.

- Это плохо. Родичам моим доложить могут.

Девушка задумчиво посмотрела вниз, на глазок прикидывая высоту - метров семь-восемь будет, а то и побольше. При неудачном прыжке - ноги переломать запросто.

- Послушай-ка, - вдруг спохватился торговец. - Ты, случайно, весянскую княжну не видала? Святослава-конунга невесту. Любопытно было бы посмотреть, говорят - зла, тоща и надменна!

- Сам ты надменный! Ой... Княжну-то? Видала, видала, - разозлившаяся было Женька тут же опомнилась. - Так, мельком, не подруги мы. Тошная, как палка, идет - на ветру шатается. И страшная - ужас! Глаза черные, нос крючком, ногти такие - Фредди Крюгер отдыхает! А ты что про нее спросил-то?

- Да так, - ладожанин развел руками. - Любопытно.

- Любопытной Варваре на базаре нос оторвали!

- Что-что?

- Да ничего, это я так, о своем, о девичьем.

Женька кусала губы, лихорадочно соображая, как выбраться со двора незаметно. Сундук - это понятно, да... Вот еще бы - из хоромины этой гребаной выбраться!

- Рогвольд, а у тебя веревки, случайно, не отыщется? Или у слуг твоих?

- Вережки? Ну, ежели нужна - пошлю слугу, сбегает. Длинную нести?

- Да такую, чтоб из горницы выбраться, слезть.

Купец недоверчиво прищурился:

- Ты?! По веревке? А сможешь?

- Ты принеси сперва.

- Курко! - обернулся к слуге Рогвольд. - Все слышал? Метнись, да поживее.

Пока один из парней - Курко - бегал за веревкой, ладожский купец и княжеская невеста коротали время в неспешной светской беседе, обсуждая виды на урожай и полный беспредел каких-то упертых вятичей. Говорил в основном торговец, Женька лишь только поддакивала, хорошо такую породу людей зная - балаболить могут долго и нудно, большей частью о том, что собеседнику напрочь неинтересно, а если кого и слушают, так одного себя любимого. Вот и Рогвольд этот, похоже, был из таких - так и славно!

- Вот! - запыхавшийся слуга притащил две веревки, показал девчонке. - Какая нужна-то?

Летякина махнула рукой:

- Давай обе. Только вот как их забросить-то?

- А вот об этом не беспокойся! - хвастливо приосанился ладожанин. - От оконца отойди, ага.

Забросил ведь! Со второй попытки, но забросил, обе свернутые веревки разом.

Тяка обрадовалась:

- Ну, теперь ждите.

Хорошие оказались веревки, пеньковые. Разрезав тоненькую пополам нашедшимся в сундуке ножиком - кстати, очень острым, хотя, похоже, обеденным, для мяса, - Женька быстро связала туристское «стремя», прикрепив получившиеся куски к главной веревке, той, что потолще. Привязала основную веревку к лавке, а затем уже и делать нечего было - поставила ногу, сделала себе ступеньку - стремя, - подтянула - да как по лестнице - вниз. К чему руки жечь да одежду портить?

Спрыгнув, девчонка не удержалась, показала торговцу язык:

- Ну что? Спустилась?

- Ловко! - разглядывая узлы, искренне оценил тот. - Это так и забираться можно?

- Да легко! Вот тут вот подтягиваешь, ногу переносишь - просто все!

- И впрямь - нетрудно. Ладно, полезай в сундук.

Увы, по глупой случайности столь славная задуманная Женькой затея не принесла плодов. Сундук оказался внутри настолько пахучим, что беглянка не выдержала, расчихалась, да так, что услышали проходившие мимо воины. Остановили купчину, попросили вежливо сундучок открыть:

- Что там у тебя, брат, раб, что ли? Ого!!! Рабыня!!!

- Сам ты рабыня, рыжий! - выбравшись из сундука, заругалась Женька.

Злилась не столько на этого золотушно-рыжего парня в кольчуге, но с непокрытой головой, сколько на себя, невезучую. И решительную - слишком. Опять кинулась в омут с головой... как всегда, блин.

- Зря ты кричишь, невольница!

- Бабушка твоя невольница! Глаза-то протри, чучело огородное, да на платье мое взгляни!

- Платье богатое, да. А может, ты его украла?

- Я что, на воровку похожа?

Сделав удивленные глаза, ладожанин развел руками - мол, я не я и лошадь не моя, кто знает, как эта девчонка в сундуке оказалась?

- Стоял себе спокойно в сенях. Потом парни мои сундук взяли да понесли.

- Ой, Рогвольд... Она сама-то что говорить будет?

Рядом с рыжим стояли еще трое молодых воинов, тоже в кольчугах, один - со светлой бородкою, а двое других вообще еще - безусых. У каждого имелся лук и колчан со стрелами - круглый такой, как тубус.

- Ой, какой колчанчик, - Женька протянула к тубусу руку, потрогала оперенье стрел.

Рыжий попятился:

- Не трогай тут!

- Вот-вот, - неожиданно рассмеялся бородатый - повыше других и в плечах пошире. - Ты, Рулаф, смотри, кабы она стрелы твои не украла, как платье сие. Ты что в сундуке-то делала, дева?

- Молилась, блин! - съязвила Тяка.

- А-а-а, - бородач на полном серьезе покивал. - Творила моление на блины. Вот, парни! Сколько раз я вам говорил, что древляне-то до сих пор по-звериному не токмо живут, но и богам своим молятся!

- В сунду-к-а-ах?! - ахнули двое безусых подростков.

- Так они ж древляне! - Рыжий обидно расхохотался. - Живут себе в деревьях, человеческих обычаев не признают и не знают.

- А-а-а! Так она древлянка, ага!

- Сами вы деревянные!

- Ну, так я пойду... Отчаливать пора, - негромко промолвил Рогвольд, похоже, знавший этих парней довольно неплохо.

- Когда обратно, брат?
- Верно, к осени. Привезу вам хорошего меда.
- Да уж, привези, да хранят тебя Один и Фригг!
- Уж в этот раз не забуду, привезу, клянусь молотом Тора!

А ведь они сейчас говорили вовсе не на языке славян, а по-варяжски! – неожиданно осознала Летякина. И еще осознала, что все поняла... ну, не каждое слово, однако общий смысл был ей ясен. Бабусины заклинания действовали, ага! Надо будет еще раз прочесть, особенно «дабы не понести»! Мало ли...

- Ты что такая довольная-то? – проводив Рогвольда со слугами, язвительно осведомился у Женьки рыжий Рулаф. – Может, скажешь, кто такая и откуда здесь взялась?
- Может, и скажу, – девчонка задрала нос. – А вы не из луков стрелять идете?
- Из луков.
- Ага! Так это вас старый Свенельд учит, как будто больше некому!
- Ого! – Парни удивленно переглянулись. – Ты и Свенельда знаешь?!
- А то! Кто ж не знает старика Крупского? – Женька заглянула в колчан бородатого. – Тебя как зовут? И почему у вас на стрелах цветные колечки?
- Я – Эйнар, сын Рагнара Сивые Усы, – горделиво приосанился парень. – А на стрелах не колечки, а метки. Потому что стрелы – разные. Одни – для брони, потяжелее, поувесистее, другие – для бездоспешных, третьи вообще на зверя или птицу.
- А-а-а, понятно. А можно мне с вами? Посмотреть, как вы стреляете. А то скучно – жуть!

Хитрая девушка специально заговорила парней, чтоб больше не спрашивали про сундук, не интересовались.

Эйнар почесал за ухом:

- Посмотреть? Ну, это ежели Свенельд-ярл разрешит.
- Разрешит, разрешит – уговорю, вы меня только возьмите.

Свенельд разрешил. Правда, сначала пристально оглядел Женьку с головы до ног, хмыкнул, погладил седые усы. Он явно не был славянином, как и большинство здесь – варяг, старый, но еще вполне крепкий, осанистый, словно росший с незапамятных времен дуб.

Ухмыльнулся, махнул рукой:

- Смотри, коли хочешь.

А потом, когда молодые воины отошли, резко понизил голос:

- Ты ведь Малинда – невеста нашего конунга Святослава?

Женька покусала губу:

- Откуда вы знаете?

- Я здесь все знаю, - тихо промолвил Свенельд. - Давно живу и конунга еще совсем малым дитем помню. А ты, дева, коли невеста, так должна бы в горнице сидеть!

- Я и сидела, - склонив голову набок, девчонка лукаво улыбнулась. - Только там скучно.

- Хэк! Скучно ей! - старый варяг презрительно скривился. - Так пряла б, вышивала. Мало занятий у дев?

- Так я ж говорю - скучно. Лучше тут, с вами.

- Лучше ей, ишь! - Поворчав, Свенельд вдруг спохватился, сверкнул светлыми, из-под кустистых бровей, глазами. - А ты как выбралась-то? Что-то мне стражи не доложили.

- Так я через окно, - честно призналась Тяка. - По веревке.

- А веревку откуда взяла?

- Была. Так посмотреть-то можно?

Старик наконец махнул рукой:

- Да смотри, сказал уж. Только с женихом своим, князем, потом сама разбирайся - не думаю, чтоб ему по нраву пришлось, когда невеста его где-то сама по себе рыщет. Не дело это для девы!

- А я сама знаю - до чего мне дело, а до чего не дело! - нагло заявила Женька.

Свенельд снова скривился, но скорей добродушно, нежели с гневом. Бородищу пригладил, спросил:

- А ты точно из весян, не из наших?

- А что?

- Вот уж не думал, что обычаи веси такие же, как у нас. Что девы их свободны да горды, никому не дают спуска.

- Вот и я не дам! - рассмеялась Женька. - Никому! И мужу - тоже.

- Ого! - старый варяг одобрительно покивал. - Клянусь Одином, славно сказано! Словно б варяжской девой. Гляжу, повезло нашему конунгу с женой.

Тяка зарделась:

- Спасибо.

- Во-он тут, на бревно, присядь, коли стоять умаялась, - кивком указал Свенельд.

- Да не умаялась. Стоя-то лучше видно.

Молодые воины – Свенельдовы гриди – числом около двух дюжин, в полном боевом вооружении – кольчугах и шлемах, выстроились шеренгой у задней стены княжеских хором, сжимая в руках луки, довольно высокие и по виду – тугие. Впереди, метрах в двадцати пяти, виднелись вкопанные в землю столбы – мишени, а дальше, у крепостной стены, еще одни, точно такие же, но до них от лучников уже было около полусотни метров.

– Коли ближняя цель, – поглядывая на строго сдвинувшего брови Свенельда, бойко говорил Эйнар. – Тогда целить надо ниже. Коли цель средняя, шагов на полсотни – прямо смотреть, а когда длинная, на сотню и более – верхом бити. Ясно все?

– Ясно, хевдинг! – хором откликнулись парни.

– Ну, а коли ясно... Первые – в ближнюю мишень, вторые – в дальнюю. Стреляйте!

Эйнар махнул рукой, полетели стрелы...

Старый варяг пристально вглядывался в стрелков, затем, не поленясь, вместе с Эйнаром и поспешавшей за ними Женькой прогулялся до мишеней. Вернувшись, остановился напротив мазил, посмотрел строго:

– Ты, Фарлаф, куда целил?

Совсем юный паренек – из тех, что были с Эйнаром и рыжим Рулафом, – смущенно потупился.

– Очи-то подними, инако плетей получишь! – взъярился Свенельд. – Твоя мишень – крайняя, так?

– Так, мой ярл!

– И куда же ты целил, чудо?

– Чуть выше.

На отрока было жалко смотреть, казалось – вот-вот расплачется.

– Чуть? – Воевода почмокал губами. – А надо не «чуть», тебе надо на крыши башни целить.

– Так я же и...

– А ну, цель!

Фарлаф проворно вытащил из колчана стрелу, натянул тетиву... руки его заметно дрожали, на тонкой шее забилась синяя жилка.

– Опусть лук, – тихо приказал Свенельд. – Эйнар!

– Да, воевода?

– Тебе плетей, не ему. Почему заранее не проверил? Слабоват еще Фарлаф для такого лука!

– Так сейчас другой лук спробуем, – заволновался Эйнар. – Послабже. Может, не только в луке дело-то? Может, у Фарлафа еще и руки кривые и глаз косой?

– Великий воин Фарлаф Кривая Рука! – засмеялись воины. – Фарлаф Косой Глаз!

Парнишка обиженно набычился и, выхватив из ножен меч, набросился на Эйнара. Тот, впрочем, не стал дожидаться удара и, ловко отскочив в сторону, вытащил свой клинок. Мечи скрестились со звоном.

Одобрительно качнув головой, старый воевода хлопнул в ладоши:

– Молодцы оба! Тор был бы доволен вами. Тобой, Фарлаф, – за то, что не стерпел обиды, словно какой-нибудь нидинг, а тобой, Эйнар, за то, что вовремя дал отпор. Теперь вложите мечи в ножны... Обнимитесь. А вы, мои славные воины... – Свенельд повернулся к остальным. – У кого лук послабже?

– У меня!

– И у меня.

Из строя вышли двое.

– Возьми, Фарлаф, – кивнул старый варяг. – В том нет урона твоей чести, ты еще молод и в полную силу воина не вошел.

Поклонившись, парнишка взял поданный лук, наложил стрелу, прицелился...

Женька едва сдерживала смех – уж больно похож был этот юный викинг на провинившегося двоечника, оставленного после уроков переписывать диктант. Так же хмурил брови, усердно высовывал язык...

– Стреляй!!!

Звеня, пропела стрела, полетела пологой дугой, угодив точно в середину дальнего столба.

– Молодец! – захлопала княжья невеста. – Славно!

– Славно, славно, – довольно поддержал воевода.

– Дядюшка Свенельд, а можно мне попробовать, а? – сладким голосом попросила Летякина. – Ну, пожалуйста, ну, хоть один разочек!

– Тебе? – Старый воин не очень-то и удивился, лишь хмыкнул. – А похоже, твоя матушка была из наших. Как ее звали?

– Ммм... Астрид Линдгрэн! – хитрая девушка живенько вспомнила первое попавшееся скандинавское имя – про Карлсона в детстве читала, смотрела и старые мультики.

– Астрид?! Я так и думал! – под одобрительный гомон присутствующих заявил Свенельд. – То-то я и смотрю – неплохо ты говоришь по-нашему. Не особенно чисто и, по правде сказать смешно, но понять можно. Святослав-конунг – тоже варяг, как и мы... и ты – пусть даже только по матушке. Знай, дева, мы тебя в обиду не дадим, клянусь Тором и Фрейей! Рулаф! Принеси деве лук... в сарае, знаешь где, возьми детский.

– Детский? – Женька обиженно хмыкнула.

– А обычный ты и не натянешь, не думай. Хотя попробуй... Фарлаф!

Только что реабилитировавшийся «двоечник» с поклоном протянул лук – длинный, тяжелый...

Натянуть его Тяка не смогла, как ни пыталась. Хорошо хоть никто не смеялся, да и рыжий Рулаф явился быстро.

Детский лук – значительно меньший по размеру – тоже оказался тугим, но его-то девчонка натянула, правда, по мишени позорно промазала:

– Не умею пока. Дядюшка Свенельд, а можно, я иногда сюда приходить буду – учиться?

– Всегда приходи! – кивнул воевода. – Как только захочешь. Или уж теперь – когда муж отпустит.

Муж...

Какого примерно возраста был Святослав, Женька пока как-то не думала, представляя его этаким заматерелым мужиком типа водителя лесовоза или трелевочника. Ну а как иначе – он же киевский князь. Князь! А значит, и облик должен иметь соответствующий.

Между тем все захохотали, но вовсе не обидно, а весело. Посмеялась и Женька да махнула рукой:

– Ладно, пойду я. Мало ли кто в горницу заглянет, зайдет?

Простившись с варяжской дружиной, девушка неспешно направилась к хоромам, однако, свернув за угол, озадаченно остановилась. С высоты хором свисала забытая веревка, вокруг которой толпились люди во главе с каким-то парнем в красном пижонском плаще и длинной, затканной золотом рубахе. Слева, у пояса, висел в красных сафьяновых ножнах меч, пальцы были унизаны сверкающими на солнце перстнями. На ногах – обычные, без всяких украшений, башмаки-поршни, на голове – круглая кожаная шапочка, из-под которой, прикрывая большую золотую серьгу в ухе, падал на плечо длинный чуб.

– Вон она... вроде! – вскрикнув, кто-то показал на Женьку рукой.

Парень резко обернулся: голубоглазый, статный, он живо напомнил девчонке Кольку Смирнова, оставшегося где-то далеко-далеко... дома. Смотрел парень строго, правда, выглядел едва ль старше Женьки, оттого, верно, и отпустил усы – совершенно-таки дурацкие, вислые, как у моржа!

А деваться-то было некуда – убежать-прятаться поздно. Оставался один выход – напор и нахальство.

– Привет! – подойдя, обворожительно улыбнулась Летякина. – Меня, что ли, ждете? А я на лучников ходила смотреть – скукота ж!

Парень неожиданно улыбнулся:

– Так вот ты какая... Малинда, весьянская княжна! Красива-а-а... не обманывали.

– Я-то Малинда, а вот ты кто?

– Я-то? – Парень неожиданно расхохотался и тут же цыкнул на обступивших его людей: – Пошли прочь все!

Людишки немедленно бросились врассыпную, вислоусый же вьюнош, посмотрев на Летякину с хитрым прищуром, спросил:

- Значит, ты по веревке из горницы выбралась. Ловка! Стражи-то б тебя на крыльце не выпустили, им велено охранять. Ты что смеешься-то?!

- Больно уж у тебя видуха стремная, – призналась девчонка. – Бритые виски, ирокез, серьга в ухе. Ты что – панк? «Король и Шут» слушаешь?

Вкусами своими музыкальными Женька всех подружек шокировала – попсу не слушала вовсе, ни отечественного бодяженья, ни какой-нибудь там корейский поп, а любила все то, что поют по вечерам у костра туристы – бардов, Гребенщикова, «Чайф» и прочее. И к тому имелись причины – сама ж эти песни у костра и пела, вернее – под расстроенную гитару орала. Так вот и тут про «Король и Шут» спросила. Чисто машинально.

Парень недоуменно качнул головой:

- Не понимаю, о чем ты и говоришь. Слушай, а зачем у тебя к большой веревке маленькие привязаны?

- Так это ж «стремя»! – покровительственно хмыкнула Женька. – Узел такой... Узлы. Чтоб можно было не только вниз, но и наверх забраться легко.

- Неужто ты и наверх можешь? – Юноша недоверчиво хмыкнул. – Покажи!

- Говорю же – легко!

Еще б не легко! Как-никак – первый юношеский разряд по туризму, еще в школе – в турсекции – трудом, слезами злыми да потом заработанный. Здорово! Сколько окрестных рек на байдарках пройдено – почитай, все. Воспоминаний сколько, фоток, друзей. А сколько по соревнованиям отъездила? Опять же – грамоты: по туристскому многоборью, по технике, по ориентированию тоже. В институте тоже занималась – там за нее держались и – когда ушла – звали обратно, в любой момент.

Сколько раз на ночном ориентировании побеждала! «Гатей» сколько прошла, один раз едва не утонула в болоте. Хорошо, сообразила – легла на живот, ряску да тину под себя подгрести, да так вот, ползком, и выбралась. Всякое бывало. А тут какое-то «стремя»!

Пожав плечами, девчонка подоткнула подол, подтянула «стремя», ухватила руками за основную веревку, поставила ногу... узел переместила, затем – другой... так и забралась обратно в горницу – вмиг! Вислоусый даже и моргнуть не успел.

Забралась, спрыгнула в горницу да, выглянув в окошко, показала язык:

- Ну, что, съел? Теперь твоя очередь. Давай, давай!

- Я и без твоего «стремени» могу!

Поплевав на руки, парень ухватился за веревку, уперся ногами в стену, полез... Забрался быстро – ловок оказался, силен.

- Молодец, – похвалила Женька. – На вот тебе орешек. Вином бы угостила – да нету.

Усевшись на лавку, вислоусый вытянул ноги:

- Вино после попьем. Ты какое любишь – ромейское аль из латынских земель?

- Все равно. Мартини бы лучше.

- Мартин... Был у нас в Киеве такой волхв латынский, как они называют – монах. Ученый, грамотный, умный. Много чего интересного знал, рассказывал. Про древнего кесаря ромейского Юлия, про короля франкского Карла, про Александра Македонского, воителя знатного, что персов разбил.

- Про Александра и я кино смотрела! – оживилась Женька. – Недавно совсем. Хотя вообще-то не люблю исторические. Мне драмы больше нравятся или там фантастика, типа «Звездных войн». А ты что любишь?

- Да много чего. – Юноша улыбнулся. – На коне люблю скакать во весь опор, на ладье плыть, с врагами сражаться. А вот дома сидеть не люблю – скучно.

- И мне скучно, – грустно вздохнула Летякина, вспомнив родимый дом, город, нынче такой нереально далекий, потерянный... дай боже, не навсегда.

- Ладно. – Гость быстро поднялся с лавки. – Нынче некогда мне. Наговоримся еще с тобой, будет время.

- Пока, – попрощалась Женька. – Ты, вообще, заходи.

- Клянусь Перуном, увидимся!

Ушел...

Девушка задумчиво потянулась. Забавный парень и, кажется, не зануда, не жлоб... как Очкарик. Хотя, и в Очкарике что-то положительное есть – например, усидчивость. И Гриппозница-Агриппина тоже усидчивая. А еще – упорная.

Лешка Очкарик, Ира Оторва, Гриппозница. Были у Женьки когда-то друзья-одноклассники. Гриппозница, кстати, писательница. Почти. Гриппозница – так ее все звали от имени – Агриппина. Как и Евгения, Агриппина тоже в классе считалась умной и даже ходила на литературный кружок, правда, с ЕГЭ вышли проблемы, потому и в Москву, в академию государственной службы, Гриппозница не поехала, а каким-то хитрым макарончиком околачивалась в приемной администрации, секретарем, ну и училась где-то на заочном и вот уже третий год писала книгу про всяких там прекрасных вампирчиков да эльфов. Все это – от недостатка секса, все же не повезло Гриппе с фигурой, прямо сказать – толстая. Еще и сама виновата – все сласти да сдобные булочки жует, а любимое место – «Макдоналдс». О спорте вообще речи не шло, ни о каком, всю жизнь от физкультуры с липовой справкой косила – и потом пожинала плоды!

Другое дело – Ирка Оторва! Вот уже где сексуальность неопишущая! И ум... такой... своеобразный. На что-то абстрактное, конечно, рассуждения нет, но вот насчет парней да секса – тут Ирка первая, Женька иногда завидовала даже, как у Оторвы все хорошо да ловко выходит – сегодня с одним, завтра с другим, послезавтра с третьим. Не парилась девка, жила, как живется, раздумьями пустыми особенно-то не утруждаясь. Да и что ей париться-то? На окончание школы родоки подогнали «Шкоду», правда, политику повели правильную – живенько послали дочь вкалывать коммивояжером в одну сочно-фруктовую – или фруктово-сочную – шарагу. Вот и моталась Ирка по району, по всем сельским продмагам, товар впаривала, первые года полтора и на бензин не имела, а потом вроде ничего, выправилась.

Хм... Женька качнула головой и слабо улыбнулась. С чего бы ей друзья-подружки вспомнились? Ну, Оторва – понятно, ее умение жить легко, пожалуй, надо было сейчас перенять, по крайней мере, до побега... Чтоб с ума не сойти от всего случившегося!

А от Агриппины-Гриппозницы что перенять? Упорство. Книгу свою (про эльфов) три года писала, по издательствам рассылала, бегала. И добила-таки своего – издали!!! Только гонорар заплатили такой, что... сумму лучше не называть...

Тяка даже вспомнила, как Агриппина плакала, жаловалась, мол, три года писала... а они – тридцать тысяч всего!

Еще от Гриппозницы Тяка новое слово узнала – криптоистория. Вот только что это такое, писательница пояснить не могла. Говорила, мол, как бы то... как бы это... как бы старинное все. Ну, вот есть криптозоология – про древних животных, или криптоботаника – про растения... вот и криптоистория – про древние государства.

Так история и вообще-то – про древние государства, без всякого «крипто», – резонно подумала Женька. У нее тут нынче такая криптоистория заворачивалась – с ума сойти! Князь Святослав, Свенельд, Ольга...

Вскочив на ноги, девушка прошла по горнице, словно пантера в клетке. Ничего! Прорвемся! Сейчас самое главное – здесь немножко обжиться, подготовиться, выбрать удобный момент и... И с купцами – в Ладогу. Запросто! Купцов в Киеве много. Путь из варяг в греки, ага! В Ладогу – не проблема, а уж там, дальше, на Выдь-реку, можно и лодку с гребцами нанять, заплатить щедро... Интересно, какие у них тут деньги ходят? Хм... известно какие – золотые и серебряные! Подкопить, да. А еще на ней самой-то сколько золота! Все эти браслетики, серьги, подвески, кольца – цены немалой. Если что – ими расплатиться можно. Только спланировать все как следует, рассчитать. Святослав все в походах пропадает – это и хорошо, а вот что касается Кабанихи этой, княгини Ольги, то тут думать надо, как из-под надзора ее ускользнуть.

– Госпожа-дева-лебедушка... Можно войти?

Вздрогнув, Евгения повернула голову, увидев застывшую на пороге фигуру в белом, щедро украшенном красной вышивкой платье и длинном, ниспадающем до подола платке, повязанном на голове какими-то хитрыми складками. Сколько лет было обладательнице всего этого? Женька терялась – судя по узкому, без морщин, но явно уже не молодому лицу – беззвучно явившейся незнакомке могло быть и тридцать, и все сорок пять. Впрочем, что зря гадать-то?

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась девушка. – Вы кто?

– Ратмира я, чаровница. – Женщина поклонилась в пояс. – Прислана тебе, моя госпожа, о всех наших обычаях поведать, о том, как и когда вести себя принято.

– Понятно – морали читать будете. – Женька поскущнела лицом, но тут же встрепенулась. – А можно, я сама вас вначале кое о чем спрошу?

– Это и славно будет! – покивала Ратмира. – Ты, госпожа моя, спрашиваешь – я отвечаю. Позволишь на лавку присесть?

– Да-да, садитесь, пожалуйста, – запоздало пригласила Летякина. – Орешек хотите? Или

кваску?

– Кваску, пожалуй что, изопью – жарко, – голос Ратмиры звучал приятно и даже несколько убаюкивающе. – А ты, госпожа моя, вовсе и не горда. Ни злобы, ни непочтения я в тебе не вижу.

– А должны были? А-а-а! Вам, наверное, Ольга, княгиня, напела! – догадалась Женька. – Не очень-то я ей понравилась.

Ратмира скромно опустила очи:

– О властителях наших помолчу – не мое то дело. А квасок вкусен, благодарствую. Ну? Так начнем. Ты про богов словенских ведаешь ли?

– Немножко. – Женька покривилась. – Перуна знаю, еще какой-то Дождевой бог.

– Дажь-бог, – строго поправила чаровница. – И не дождевой он, а солнечный. Сущие же бо всяко боги – Сварог небесный да супруга его, Мокошь, – мать сыра-земля, есть еще Стрибог, всех богов прародитель, и Велес – скотий бог, и Перун бо громовержец, что молнии мечет, яко Тор варяжский. Еще мнози богов, помельче...

– Хватит, хватит! – Девушка поспешно замахала руками. – Не надо мелких, и этих вполне достаточно, упомянуть бы их всех. О племенах лучше мне расскажи – кто где живет?

– О ком, о ком?

– Ну, о родах, о народах... Поляне там, славяне.

– Словене ильменские по озеру Ильмень живаху, оттого их так и прозвали. По Волхову-реке селятся. Поляне же яко в полях бываху, и град их стольный Киев, и иные грады ести, и главные поляне се есть! Невдалеке, в лесах, древляне живут, яко звери, невест умыкают, псы...

– О, об этих я уже слышала, – невинно опустив глаза, заметила Летякина. – Живут в лесу, молятся колесу, зубы не чистят. Ла-адно, всех не упомнишь, не перечисляй зря, лучше скажи про деньги.

– Про... что?

– Ну, монеты, золотые такие кружочки... и серебряные.

– А-а-а! – Ратмира понятливо улыбнулась. – Вон ты про что. Золотые – это солиды ромейские из Царьграда. Еще серебряные есть – куны, а те, что потяжелее, поновее – ногаты. Две дюжины и одна куна по весу равны гривне серебряной. Тако же два десятка ногат гривне равны или столько же денарьев ромейских.

– А много ль на куну можно купить?

– Одна куна – беличья шкурка. Или бусина.

– Маловато!

– Или с полсорока праздничных – на Ярилину день – мясных пирогов!

Женька пригладила локон ладонью:

- Ладно, хватит пока, все равно не запомню. Ежели что – спрошу. Ты мне лучше про здешних людей расскажи. Ну, про Ольгу я поняла, про Святослава... а вот Свенельд – он кто?

- Свенельд-то? – недоуменно переспросила чаровница. – Варяг, воевода, он при Ингваре еще был, старом князе...

- Понятно, понятно, значит – в авторитете. Святослав ведь тоже варяг?

- По рождению, по крови только. Святослав наших богов чтит, хоть иногда и вспоминает варяжских, за что иные его не очень-то жалуют. Да слова молвить боятся – он же князь!

- А Здрава – кто?

- Здрава? А, челядинка-то! Знаю. Женщина добрая.

- А... а Эйнар, Рулаф?

- Те варязи, гриди Свенельдовы.

Женька подивилась:

- Блин, одни варяги кругом. А поляне где же?

- У Святослава-князя в дружине. Много!

- А про Довмысла, Стемида что скажешь?

- Этих плоховато знаю. Так, краем уха слыхала, они в походах всегда... как и князь наш.

- А что скажешь о Кривере... так ее зовут, кажется? Есть тут у вас такая ведьма?

- Криневера?!

Ратмиру словно вдруг ударило током, узкое лицо скривилось и побелело, словно пронзенное внезапно зубной болью, руки задрожали мелкой дрожью, та же дрожь послышалась и в голосе:

- Криневера? А что ты о ней слыхала?

- Да ничего. Одно только имя – мол, есть здесь такая.

В общем-то, Женька и не солгала, когда ответила именно так – ничего ведь и в самом деле не знала, кроме того, что эту самую Криневеру собирались использовать против нее пресловутые Довмысл со Стемидом.

- Злобна Криневера, коварна, – шепотом промолвила чаровница. – Пса! Пса! Нет ее на дворе княжьем, на посаде живет, колдует. Лучше с ней не встречаться да зря имя не поминати!

После упоминания всуе имени злоковарной ведьмы Криневеры у Ратмиры как-то поиссяк поток слов, чаровница попила еще кваску да вскоре откланялась, обещавшись зайти завтра – вместе со Здравою и другими слугами непосредственно готовить девчонку к свадебному обряду.

А вот по этому поводу Женька-то вечером и всплакнула. Точнее сказать, ночь уже была, темная, с обкусанным остатком луны и бархатным звездным небом. В раскрытое окно слышно было, как где-то далеко на посаде лаяли псы, а здесь, в крепости – или как ее называли –

детинце, – перекрикивалась бдительная стража.

Да уж, что и сказать, вовсе не такой виделась Летякиной собственная свадьба. Выйти замуж неизвестно за кого, неизвестно где... Хотя нет – как раз известно! И в этом-то все и дело.

Глава 5. Лето. Киев. Княжна

Все произошло как-то буднично и даже можно сказать – блекло. Честно говоря, от собственной-то свадьбы Женька ожидала большего: если и не свадебного путешествия, то хотя бы веселья – а его-то, увы, и не случилось.

С утра явились какие-то нудные бабки во главе с чаровницей Ратмирой, повели молодую в баню, попарили «по-черному», омыли в нескольких водах, все что-то бормотали, пели, что именно – невеста не вслушивалась.

После бани переодели в длинное белое платье, соорудили прическу – дело небыстрое, и снова все под причитания и вой.

Как позже пояснила Ратмира: поскольку сам процесс сватовства считался уже улаженным, так семь дней подряд не гуляли, приступили непосредственно к свадьбе. В окружении целой толпы народа юную невесту осторожно посадили в седло да повели лошадь под уздцы... нет, не к церкви, а в какое-то гнусное, наполненное застарелым запахом крови место, окруженное частоколом с висящими на кольях человеческими и коровьими черепами, выбеленными чуть ли не до блеска дождями и солнцем. Как тут же догадалась Летякина, это поганое капище заменяло язычникам церковь: внутри, за частоколом, располагались круглый жертвенник из неотесанных камней и деревянные идолы самого дурацкого вида – какие-то кособокие, недорукие, с едва намеченными ленивым взмахом топора половыми органами.

Вокруг идолов уже бесновались седобородые волхвы – прыгали, завывали, били в бубны, призывали Стрибога, Перуна и Мокошь, судя по всему, принимая в свои языческие ряды новообращенную гостью. Приняли, похоже, успешно – зарезали на жертвеннике белого петуха да с неумейной энергией снова запрыгали вокруг невесты, обрызгивая белое платье красной жертвенной кровью.

Женька поежилась – хорошо, человека не убили, с этих-то полудурков станется! – обернулась к Ратмире:

– Долго они еще тут скакать будут? Или – «кто не скаче, тот москаль», так, что ли?

– Да недолго. Посейчас и выйдем уже.

Вышли. Снова усадили невесту на лошадь. Закружили вокруг какие-то парни в масках и с дудками – скоморохи, что ли? Дудки верещали на редкость противно, куда там вуузелям, да и вообще все вокруг было как-то грязно и шумно; какие-то непонятные люди – мужчины и женщины – что-то невпопад пели, бросали зерна, призывали милость богов.

Вся эта разношерстная компания, обойдя вокруг капища раз семь или восемь, под звуки дудок потащилась к главному крыльцу, на ступеньках которого в окружении окольчуженных гридей дожидался посаженный отец – воевода Свенельд, приглашенный на сию «должность» по настоянию Женьки: у нее все равно больше никаких авторитетных знакомых не было. Судя по довольному виду, старому варягу назначенная роль нравилась, как и какой-то дородной боярыне – верно, посаженной матушке.

Не дойдя до крыльца с десятков шагов, процессия остановилась, молодую осторожно сняли с седла, повели под руки. Рядом запели, заголосили девы:

Громы-то прогрянули,
Часты дождички пробрызнули,
Благословляется чадо милое
У своо родимого батюшки,
У своей родимой матушки...

Ну и так далее, в том же уныло-постном духе.

Слава богу, ныли недолго: обняв Женьку, Свенельд трижды поцеловал ее в щеки да весело подмигнул, кивая на подъехавшую к крыльцу свиту во главе... с тем самым вислоусым парнем, панком.

Летякина, кстати, еще вчера вечером догадалась, кто это такой, и даже немножко обрадовалась – ну, хоть не противно. Жених ничего себе – красив, статен, правда, прическа дурацкая, ну, уж какая есть, сейчас уж не исправить.

Тут же, рядом с сыном своим, показалась и Ольга – в парчовых одеждах, с поджатыми губами, вся какая-то суровая, нерадостная. Интересно, она всегда такая или так, на людях прикидывается?

Позади Ольги на белом коне ехал еще один богато одетый парень, очень похожий на Святослава, только моложе, совсем еще сопленосый, наверное, младший брат или племянник.

Снова затянули песни. Заиграли дудки, запрыгали, завыли волхвы. И вся процессия во главе с женихом и невестою снова потянулась к капищу, куда княгиня-мать, кстати, так и не вошла, терпеливо дожидаясь новобрачных снаружи.

Опять отрубили голову белому петуху – дались им эти петухи! – потом к жертвеннику повели теленка, милого такого, беленького. Женька закрыла глаза – жалко было животное. Волхвы ухмыльнулись, достали ножи. Забили. Обрызгали всех кровью. Попрыгали, повопили, поколотили в бубны.

Ой, когда ж это все кончится-то? Костры кругом, дым, дудки гнусавят немзыкально, рожи раскрашенные прыгают... индейцы, блин.

Кончилось, слава богу! Однако далеко не сразу.

После капища проехались, протацились по всем пригородам-посадам, вопли ликующего народа послушали, а уж потом вернулись в хоромы да сели, наконец, пировать.

Хваленое ромейское вино Женьке не понравилось – кислое, а вот медовуха по вкусу пришлась. Правда, хитрая невестушка себя тормозила, все больше – лично! – суженому подливала, улыбалась – пей, мол, пей! Конечно же, и сама опьянела, но так, слегка. Уже и тосты произносить стала, выкрикивала, стараясь из роли не выходить. Не всегда получалось, конечно, – хмель свое дело делал.

– А давайте за родителей моих выпьем! А теперь – за матушку древнюю Русь! За свекровь... За тебя, Свенельд, дядюшка! Эй, кто там? Н-наливайте же уже! Коль пошла такая пьянка – режь последний огурец. Ну, за мир во всем мире! Чтоб у нас все было, а нам за это ничего не было.

Ухх... хорошо! А теперь песня! Изгиб гитары желтой ты обнимешь нежно... Эй, Славик! Ты же как не родной? Подпевай давай... А вы – наливайте! Эхх... Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Хитрая невестушка продолжила пьянство и на брачном ложе, опростала на пару с молодым супругом полторы братины бражки, после чего Святослав откинулся на медвежью шкуру и залиvisto захрапел.

Женька скосила глаза и усмехнулась:

– Умаялся, сердечный. Да все мужики такие – слабоватый народ. Выпить, мечом помахать – какой там, на фиг, секс?!

Покачав головой, юная невеста прыгнула с ложа и, оглянувшись на храпящего мужа, в одной рубашке, босая, проскользнула в дверь.

– Ой, госпожа-а-а! – в сенях бросились на колени служанки.

– Цыц! – нахмурила брови Тяка... впрочем, какая, блин, Тяка? Княжна!!! Не кто-нибудь, не на улице найдена, а законная правительница Киевской Руси! И вести теперь себя должна соответствующе.

– А ну-ко свечку мне принесли живо! Кухня у вас тут где? Поймайте там, в птичнике, кого-нибудь, курицу или гуся... Мало ли, что яства есть! Нам вот с князем свеженького шашлычка захотелось. Метнулись, живо! Лично проверю. Разленились тут без меня!

Под спровоцированную самой же суету хитрая девушка прибрала к рукам отрубленную куриную голову, унесла в опочивальню, щедро измазав постель. Ну вот! Теперь и поспать можно, расслабиться.

Прильнув к могучей груди мужа, Женька смачно зевнула и через пару секунд уже сопела носом, видя сладкие сны. Какие именно – потом, конечно, не вспомнила, да и не до того было – проснулся молодой супруг. Улыбнулся смущенно, погладил женушку по плечу:

– Как там вчера было-то?

Хитрая девчонка в грязь лицом не ударила, глазки синие закатив, простонала:

– О, ты был хорош! И так... и этак... Рокко Сильфреды завидовал бы!

Святослав посмотрел на кровь:

– Тебе хоть не больно было?

– Да не парься, нормально все. До ночи заживет, а уж потом... – Женька мечтательно закрыла глаза и загадочно улыбнулась. – А уж потом мы с тобой зажжем!

– Что зажжем? Зачем?

– Говорю же, не парься! Сама все сделаю... Ух, башка-то... Сейчас бы холодненького кваску.

Князь хлопнул в ладоши. Тотчас явившиеся на зов слуги притащили и квас, и брагу, и вино, не забыли и яства, хоть в последних покуда надобности не имелось.

- Опа! - Сев на ложе, Женька потерла руки. - Вот это я понимаю - кастрюля! Неужто из золота? А что там в ней? Фи... Овсянка, сэр!

Отпившись холодным кваском, молодые супруги еще повалялись, после чего крикнули слуг - одеваться - и спустились в трапезную продолжать пир. Честно сказать, Летяжиной уже никакого продолжения не требовалось, как и большинству из обожравшихся вчера гостей, однако, раз князь сказал «надо», значит - «надо», и нечего тут выпендриваться и что-то из себя воображать. Будьте проще - и люди к вам потянутся.

Все время, правда, молодые за столом не сидели - несколько раз выходили, гуляли по двору и хоромам - князь показывал женушке Кремль.

- Вот в этих хоромах твои покои, злата моя. А там вот, рядом - мои.

- Мы что же с тобой, не вместе?

- Ты - княжна! У тебя - своя опочивальня и челядь своя. Мы же не древляне - в зверинстве непотребном жити. Ха! - Святослав вдруг совсем по-мальчишески шмыгнул носом. - Вот вспомнилось тут. Идут два древлянина, один - без всякой поклажи, другой несет на шее овцу. Тот, что пустой, и спрашивает - а ты что, мол, овцу-то несешь, нешто сама идти не может? А тот ему - сама-то идя, похудеет, мяса, чай, меньше станет, ага! Смешно?

- Да так.

- Ничо! Есть у Свенельда гридень один, Рулаф, так он много про древлян знает. Обхохочешься, едва ль не упасть!

- Рулаф - это рыжий такой?

- Он. А ты откуда знаешь?

- От Свенельда же.

- Ты смотри, милая. - Взяв юную женушку под руку, князь резко понизил голос. - Свенельд - всегда себе на уме. Он варяг, и я - варяг, только я богов Руси признаю и все обычаи, паче - князь русский, Свенельд же и дружина его - нет.

- А как так, что у Свенельда своя дружина? Ты же здесь главный!

- Так. Но Свенельд - воевода и верный друг. Сыстари еще. Ладно... - Святослав вдруг улыбнулся, и обаятельная эта, полудетская еще, улыбка очень ему шла. - Как ты говоришь - не парься! Лучше еще послушай про древлян. Как-то раз задумали древляне украсть козу...

Женька слушала вполуха и улыбалась - забавные анекдоты из древлянской жизни были в Киеве в ходу, наверное, со времен князя Игоря, древлянами же и казненного за беспредел. Еще неплохо шли рассказы про радимичей, про далеких, но хорошо знакомых византийцев-ромеев, про хазар и булгар, про печенегов-кочевников - о, этим-то чего только не приписывали, не хуже древлян!

- Про хазар я что-то слышала, - с удовольствием прохаживаясь по липовой аллейке, поддержала беседу княжна. - Правда, так, смутно. Вопрос на пробном ЕГЭ попался.

- Гады они ползучие, эти хазары, - посмурнел Святослав. - Надо на них на «вы» идти, походом

воинским! Разору, огню предати и вежи, и дворцы, и храмы Иеговы-бога! Чтоб не совались на земли российские боле никогда.

- И часто суются?

- Да сейчас-то не так... А раньше бывало! Но гостей наших заморских примучивают, и богатства у них полно.

Женька лукаво прищурилась:

- Так хазары - гады, потому что гостей примучивают или потому что богатств у них полно?

- Что? - Князь посмотрел супруге в глаза неожиданно гневным взглядом. Покусал ус: - Умна ты не в меру, Малинда.

- А ума много не бывает!

Исправляя ситуацию, хитрая женушка немедленно обняла мужа за плечи и, притянув к себе, поцеловала в губы. Целовала долго и жарко, чувствуя, с какой жадностью шарят по всему телу крепкие мужские руки, гладят плечи и спину, забираются под лямки туники, сквозь тонкое платье лаская тугую грудь. Женька уже и сама не выдерживала - живая все ж!

На миг отпрянув, покусала губы, шепнула:

- Давай! Я хочу тебя... Прямо здесь!

- Могут увидеть.

- Увидят, так пусть завидуют - ты князь или кто?

Томно прикрыв веки, Женька нагнулась, потянула подол, открывая коленки, бедра...

Зарывав, словно раненый зверь, юный князь подхватил ее на руки и, словно древлянин, потащил в кусты, уронил, уложил на мягкую травку, набросился...

- Тише, тише... нежней!

Княжна сама стащила с мужа рубаху, запустила руку в порты...

Святослав дернулся:

- Ах... Сладко как, сладко!

- Еще не так будет, - томно закатывая глаза, пообещала дева. - Ах...

Оба унеслись неизвестно куда - то ли проваливаясь в волшебную страну сладкой неги и страсти, то ли, наоборот, возносясь к небесам. Вокруг пахло клевером, неподалеку, в кустах бредины, заливался-пел соловей, и прозрачные зонтики одуванчиков, гонимые теплым ветерком, падали на сплетенные, охваченные негой тела.

- Охх!!! - выдохнув, упал на Женьку супруг. - Вот уж не знал, что ты так можешь.

Княжна не отвечала, расслабленно разглядывая облака.

- Ты очень красива, мила. И много чего умеешь... не ожидал. Как ромейка!

- Я? Как ромейка? - обиженно фыркнула дева. - Да я намного лучше и, кстати, умней! Правда, тебе мой ум не нравится почему-то... Разве у великого князя должна быть глупая жена?

- Ты у меня самая лучшая! И всегда ею будешь. Клянусь Перуном, я сделаю тебя старшей женой.

- Что-о? А, вы ж язычники, совсем забыла. Слушай, Славик, бывает у вас так, чтоб наоборот, жена одна, а мужей у нее - несколько?

- Корвой такая жонка зовется, ага! - Князь нахмурился, но тут же расхохотался. - Хотя у древлян, верно, бывает и так, запросто! Ой... как ты меня назвала?

- Славик. - Женька хлопнула глазами. - А что? Святослав - как-то слишком уж официально, длинно. Святик - совсем уж по-детски, а вот Слава - как раз то, что доктор прописал.

- Слава... - погладив женушку по груди, негромко повторил молодой человек. - Слава - это добро, славно!

- Слава - славная, - передразнила Летякина. - Масло масляное, а древность - древняя. Тавтология это называется, ага.

- Еще вятичей бы примучить. - Сунув в уголок рта сорванный стебель, Святослав принялся рассуждать вслух. - Вдруг, покуда на хазар ходить буду, нападут?

Натянув до колен платье, Женька лениво перевернулась на живот:

- А что, могут?

- Вятичи-то? Да кто их знает. Они ведь еще хуже древлян, далеко живаху, совсем уж в непроходимых чащах, мало кто про них добре ведает.

- Ну, надо же! - всплеснула руками княжна. - Хоть кто-то древлян хуже. Далеко, говоришь, эти самые вятичи живут?

- Далеко, за северянами. Чрез их земли можно к вашим весьям выйти. Долго идти, трудно, но можно. Реки, озера и там есть, волоки - путь торговый из хазар в варязи.

А вот это было уже интересно! Вот это Женька запомнила. Так, на ближайшее будущее... которого могло и не быть, если помнить Довмысла со Стемидом и злоковарную ведьму Криневеру.

Правда, прямо сейчас эту тему хитрая девчонка не поднимала, оставила на потом, до вечера. А уж вечером...

По углам просторной опочивальни горели позолоченные ромейские светильники, их дрожащий зеленоватый свет отражался в слюдяных переплетах окон, бликами играл на золотых и серебряных шашках, расставленных на плоской, в черно-белую клетку доске. Женька все время проигрывала и оттого злилась, смешно морща нос, Святослав же, подергивая усы, смеялся:

- Ну, ну, не дуйся! Сама ж сказала - по-честному будем играти. В кости умеешь?

- Во все умею, но так... плоховато.

- Тогда и не играй - проиграешься! Свенельд рассказывал, мол, третьего дня гридень его сам в кости самого себя проиграл ромейским торговцам. Пришлось отбивать да потом прилюдно казнить, дабы другим неповадно было.

- Казнить... тьфу! Зачем отбивали тогда?

- Не умеешь - не садись! Так-то.

Женька обиженно отвернулась, сидела в одной рубаше, дожидаясь, когда супруг погладит ее по плечу иль поцелует в шею. Ждала недолго! Поцеловал, погладил, запустил сильную руку за ворот, нащупал грудь. Опустив дрожащие веки, княжна тяжело задышала, улеглась... полетела на пол рубашка...

- Ах, краса моя!

И снова тела супругов сплелись вместе, как и души их тоже сплелись. Женька извивалась, постанывала, томно закатывала глаза, а вот, примостившись, загарцевала, словно на лошади, откинулась назад, чувствуя на талии горячие руки, и немного погодя подалась вперед, прильнула, жарко целуя, царапая твердыми сосками широкую мужскую грудь. Глаза молодого князя светились неземной страстью, и юная супруга его казалась неутомимой, да что там казалось - была! Сама-то плыла в экстазе, чего уж там... Чуть отдышавшись, командовала, ничуть не стесняясь:

- Ляг-ка, милый, на спину... расслабься... ага...

- Эй, эй... ты что делаешь, мила моя?

- Тебе не нравится? Не любо?

- Любо! Любо! Лю... бо...

Снова лежали, попили кваску...

- Я вот к окошечку встану, погляжу... а ты меня по спинке погладь...

- Ах ты ж моя выдумщица! Вот так весяне!

- Спасибо, древлянкой меня не назвал. Ну, что лежишь-то? Чай, утомился, а?

- Кто утомился? Я?!

Сказать по правде, Женьке уже давно не было так хорошо. Даже с Колькой Смирновым, на которого князь, кстати, был чем-то похож.

- Ну, ты прямо тигр! Барс! Или как тут у вас говорят - пардус! - Хитрая супружница сейчас вовсе не нагоняла страсти - восхищалась вполне даже искренне, от души. - Нет, правда, здорово!

- И мне...

- А тебя я не спрашиваю - вижу. Ты что такое стриптиз, знаешь?

- Не знаю.

- Вот деревня-то, господи! И эти люди еще анекдоты о древлянах рассказывают. На себя б посмотрели, ага. В общем, так...

Женька спрыгнула с ложа, подбирая разбросанные по полу предметы одежды.

- Ты тут пока полежи, а я в сенях... быстро...

- Что там делать-то будешь?

- Тебе понравится, зуб даю!

- Да не нужен мне твой зуб... хм, другое нужно.

Княжна не слушала, выскочила в сени – или на галерею, вот уж не знаешь, как лучше сказать.

- Что прикажешь, госпожа? – кинулись под ноги юные служанки.

Женька их поначалу хотела прогнать, да потом улыбнулась, рукой махнула – пущай себе смотрят, может, и пригодится когда – мужей ублажить.

Та-ак... чего б одеть-то? Ну, для начала на бедра – платок привязать этак игриво, а вот потом можно и платье прозрачное, варяжское, а сверху... Нет, лучше без платья. В платье князь ее уже видел, лучше сверху – плащик. Вот этот вот, красненький, что в углу висит.

- А подайте-ка!

- Ой, госпожа... Это ж княжье корзно!

- Плевать! А ну, кто тут смеет великой княжне прекословить?

- Не вели казнить, матушка!

Махнув рукой, Летякина накинула на голые плечи плащ, служанки застегнули, как положено, на правом плече изящной золотой застежкой. Вот теперь неплохо, теперь можно... еще б музыку бы, этакую, эротичную.

- Девчонки, вы песни какие-нибудь знаете?

- Знаем, госпожа. Тебе какие надоть?

- Ну-у, что-нибудь типа «Энигмы», что ли... Ла-лай лай-лай-лай... – Женька немного напела и развела руками. – Как-то так. Громко только не орите и в ладоши этак прихлопывайте – хлоп-хлоп, хлоп-хлоп.

«Энигмы», увы, из юных служанок не вышло... получилось гораздо лучше!

Девки, бабы —
На купальню,
Ладу-Ладу,
На купальню,

- прихлопывая, приглушенно затянули девы.

А тот будет
Бел-береза!
Ладу-Ладу,
Бел-береза!

Под эту ритмичную песенку, покачивая бедрами, и вышла – нет, выплыла! – из сеней юная княжна. Пританцовывая, подошла к муженьку боком, тем самым, что закрыт был плащом, потом повернулась – показала оголенную грудь, бедро... гордо вскинув голову, снова прикрылась плащиком.

Ладу-Ладу,
Бел-береза!

А вот, застыв на миг, прильнула к ложу, распахнув плащ... и тут же отпрянула, запахнулась...

Ладу-Ладу,
Пень-колода!

Сделав несколько кругов возле ложа, Женька встала к мужу спиной, оглянулась с лукавым прищуром, медленно стаскивая плащ – сначала левое плечико обнажила, потом правое, потом и всю спинку... да, сбросив на пол плащ, осталась в одной повязке на бедрах, принялась танцевать, покачиваясь, то поднимая руки вверх, то поглаживая себя по груди, по бедрам, по животу... облизала языком горячие губы...

Ладу-Ладу,
Пень-колода! Оп!

Святослав держался недолго: с горящими вожделеньем глазами подскочил к девушке, схватил, бросил на ложе, упал с рычанием сверху...

Женька томно вздохнула:

- Нежней, дурачок мой... нежней...

И так было каждую ночь и каждый вечер, а частенько – и утром, и днем. Летякина уже и считать устала, сколько раз прочитала бабулину «дабы не понести». Много! И так было девушке хорошо с молодым князем – что ничего уже больше не хотелось... нет, домой все же тянуло, но уже не так сильно, как раньше.

А на выходку свекрови княжна мужу своему так и не пожаловалась, не то чтобы забыла, просто посчитала, что как-то нехорошо ябедничать-то, тем более знала уже, что отношения Святослава с матушкой были весьма натянутые – и из-за властного характера великой княгини, и из-за ее христианской веры тоже. Ну, не желала Ольга видеть сына язычником, а сделать ничего не могла, вот и бесилась, время от времени нагружая своевольного князя некими неприятными, точнее – скучными обязанностями типа почетного председательства на судебном процессе, который как раз и предстоял в ближайшие дни. В высшую инстанцию – княжий суд – каждый свободный человек – «муж» – мог пожаловаться, и обычно Ольга, на правах княгини-матери, сама разбирала тяжбы, а тут вот больной прикинулась, службу прислала – мол, давай-ко, сынок, поработай.

Святославу то – как по стеклу железом или серпом по известному месту, сразу скривился, заплелся:

- И на что мне такое счастье? Эх, надо было пораньше в поход уйти.

Женька обняла мужа за шею:

- Что, все так плохо?

- Хуже некуда, - невесело рассмеялся князь. - Сиди целый день, как дурак, во дворе, жалобы боярские разбирай, сплетни, доносы. Не по нраву мне такое дело, мила. Я ж не ромей какой-нибудь, а русский князь!

- Но и суд-то у тебя - княжий.

Светлые глаза Святослава вмиг вспыхнули гневом, губы перекошились, вислые усы зло задрожали:

- С чьего голоса поешь, а?!

- А ты на меня не рычи! - ничуть не испугалась Женька. - Я, может, тебе помочь хочу, понял? А ты тут вместо благодарности дешевые понты кидаешь!

Покусав губу, князь повел плечом:

- Помочь, говоришь, хочешь? Как?

- А с тобой пойду, - нагло заявила княжна. - Вместе посидим, посмеемся, кваску попьем. Можно ведь мне, как твоей законной супруге, при этом деле присутствовать?

- С мово разрешенья... Хо! - Святослав вдруг прищурился и недоверчиво хмыкнул. - И вправду пойдешь?

- Ну, раз сказала. Только мне это... надо как-нибудь посолидней одеться, что ли. Мантию там, корону брильянтовую - как-то так.

- Добро, - хитро скривившись, покивал молодой властелин. - Будет тебе мантия, с утра же велю принести. А пока же...

Пылко схватив Женьку за руку, князь привлек ее к себе, обнял, с жаром целуя в губы. Жадные руки его задрали подол, полезли под платье...

С мягким шуршанием, словно гонимые ветром осенние листья, упала на пол одежда, чувствуя на себе алчный взгляд мужа, Женька скосила глаза на серебряное ромейское зеркало, приосанилась - голой-то смотрелась совсем ничего! Очень даже ничего... очень...

Этой ночью молодые супруги предавались любовным игрищам почти до рассвета, юная княжна постоянно выдумывала какие-то новые позы, шутила, смеялась - в общем, была в ударе, а уж князь... о нем и говорить нечего!

Женька проснулась лишь ближе к полудню - мужа рядом не было, видать, убежал уже к дружине, не стал молодую супругу будить. Ну и правильно - хоть днем полежать, расслабиться. Если дадут... ага, дадут, как же!

- Проснулась, госпожа? - видать, услышав какой-то шорох, с поклоном заглянула в покои Здрава. - Князь велел тебе мантию принести, так я спроворила... Одеваемся?

– Одеваемся. – Княжна потянулась, щурясь от яркого солнышка, ничуть не стесняясь – так ведь, голой-то, и спала, – выскользнула из постели, подбежала к окну...

– Вот ведь, накинь, милая, – протянула рубаху служанка. – А вот те платье ромейское – как раз для важных дел.

Ромейское платье оказалось тяжелым, темным, с синими и палевыми узорами в обрамлении золотого шитья. Парчовое, оно вовсе не облегло фигуру, а падало строгими складками, казавшимися вылитыми из металла. Смотрелось вполне солидно и красиво, тем более к платью прилагались замшевые туфли и – сама ведь выпросила! – мантия из расшитого серебром лилового бархата, а к ней – на голову – прозрачная сиреневая паволока с золотой искрой, а уж поверх нее...

– Ой! – Женька совсем по-детски всплеснула руками. – Корона!

– Венец княжий, – с поклоном пояснила служанка. – На-ко, госпожа, надень...

Златой венец пришелся вполне впору, как влитой, на плечи же легло широкое драгоценное ожерелье – пектораль, и это даже для закаленной туристки Летякиной показалось слишком – весило все одеяние килограмм десять точно, а то и все пятнадцать!

– Господи, – запоздало пожалела Женька. – И вот в этом всем на жаре полдня просидеть?! Ла-адно, коль уж назвался груздем...

Уселись в высоких креслицах на крыльце, в тенечке: чуть ближе ко двору, к людям – князь, чуть позади – его светлейшая супруга во всем византийском великолепии – строгая, с бледным лицом и нарочито серьезным видом – словно дама тревф из шулерской колоды.

Святослав был одет, как всегда – в длинную рубаху и узкий кафтан, поверх которого красовался княжеский плащ – корзно.

Рядом с царственной парой стояли судьи-огнищане и темноволосый, лет шестнадцати-восемнадцати, парень, хромой на левую ногу, как предположила Женька – секретарь суда. Парня звали как-то смешно – то ли Волосый, то ли Безголосый... как-то так... Но! Едва только он подошел ближе, поклонился низенько, глянул...

Женька ахнула! Перед ней стоял рокер Одноногий Майкл! Ну, прямо вылитый! Так похож, что... И даже так же – хромой!!! Вот ведь... ну, бывает же!

Невольно нахлынули воспоминания...

* * *

Тот ларек в Крутогорске, где подрабатывала Летякина, располагался на окраине городка, в бывшем леспромхозовском поселке, прямо у автобусной остановки, между деревянной барачной двухэтажкой и заброшенным клубом, где собиралась по вечерам всякая урла. Вон, и сейчас уже начали тусоваться – сидели на крыльце, покуривали. Небольшая такая кодлочка, четверо малолеток. Двое – лет по шестнадцать, остальные совсем сопляки.

Сопляки-то сопляки, а дымили, как паровозы! Женьке из ларька их хорошо видеть было. Посидели, покурили... отправили самого мелкого в ларек – сигареты кончились.

- Детям не продаем! – девчонка сказала, как отрезала. Продаст, и что? А стуканет кто? На штраф нарываться кому охота-то? – Постарше кто пусть заглянет – не переломится.

Вздохнув, пацаненок тряхнул длинной челкой да побежал обратно. Сидевшие на крыльце парни дружно – и явно недобро – посмотрели на ларек. Что-то сказали – верно, выругались, – сплюнули... Потом один из тех, кто постарше, дал своему незадачливому сотоварищу смачного леща и ленивой походкой направился за сигаретами.

- Слышь, че малому-то не продала, а?

- Не положено!

- На «не положено» знаешь, что положено?

Хамил парниша! И лицо у него было какое-то неприятное, круглое, серое, с перебитым носом. На редкость омерзительное лицо. По крайней мере, так почему-то показалось Женьке.

- Ладно, дай пачку «Примы»...

- Пожалуйста! Эй, эй! А деньги?

Вот ведь дура-то – сглупила! Надо было, как хозяйка учила, сначала деньги взять, а уж потом товар протягивать. Нет, ну, а эти-то хороши, нахалюги!

Плюнув, юная продавщица решительно выскочила из ларька и, нагнав кругломордого у остановки, схватила за руку:

- Заплатить-то забыл!

На остановке дожидались автобуса человек десять, воззрившихся на нахала с явным неодобрением. Тот обернулся, с ухмылкой наскреб по карманам мелочи – протянул:

- Да подавись ты!

- Коз-зел... – Девушка выругалась уже в ларьке, не сдержалась. – Вот ведь бывают же гнусы!

Часы в мобильнике показывали полвосьмого вечера. Еще полчаса и – шабаш. Приедет хозяйка, часть товара заберет, кассу снимет. Женька улыбнулась – скорей бы! Опостылело уже тут сидеть. Хорошо б тетка Лена, как в прошлый раз, загодя приехала – можно было бы на последний автобус успеть, не пешком топать. Прийти домой, а там...

Сидевшие на крыльце малолетки все тарачились на ларек, видать, обсуждали, какая продавщица – стерва.

- А вот так вам! – скосив глаза на парней, ухмыльнулась девушка. – И нечего тут выпендриваться!

Однако же по пути домой – окликнули. Те самые малолетки, с крыльца. Двое мосластые, и двое – мелочь. Эти, правда, встали поодаль, на стреме. Старшие подошли.

Кругломордый, тот, что покупал сигареты, хмыкнул и противно осклабился:

- Ты кого козлом обозвала, курва?

- Пстой, Хныш! - неожиданно заступился второй. - Ты чего, вообще, к девчонке? К такой красоточке, а?

Женька обдала его презрительным взглядом. Узкое губастое лицо, молодежная стрижка. Наглый, уверенный в себе взгляд. И, кажется, знакомый...

Ну, конечно, девчонка его знала! Бегали когда-то по этому парку. Вместе. Только - в разных командах. Но на одних и тех же соревнованиях. Бегали... или... Или просто похож? Года три назад это было, если не больше... теперь уж и не узнать.

- Она же хорошая девочка, Хныш, - между тем продолжал губастый. - Она сейчас пойдет с нами и сделает все... что мы от нее захотим. А захотим мы немного... А, Хныш?

Нет! Не спортсмен. Незнакомый... Значит, показалось просто.

- Да, да. - Кругломордый противно улыбнулся и схватил Женьку за руки, губастый же вытащил из кармана куртки складной нож. - Не вздумай кричать, телочка.

- И не собираюсь, - неожиданно улыбнулась Женька. - А ты ничего, симпатичный. Я б вначале с тобой пошла... а потом бы уж и с этим.

- О! - Парни обрадованно переглянулись. - Вот и договорились.

Смазливчик спрятал нож:

- Я же говорил - никакая девчонка мне еще не отказывала. Ну, пошли, красавица... Во-он на старую пилораму пошли.

- Там же холодно и грязно. - Женька тряхнула головой. - Давай лучше у тебя дома...

- Не, дома не выйдет.

- Ну, тогда тут, на скамеечке, в парке.

На парк губастый согласился. Только дружков тоже позвал. Ну, пусть...

- Вот и скамейка... садись... - парень усадил, скорее даже бросил девчонку на скамью, сам плюхнулся рядом и, помяв рукой Женькину грудь, оглянулся. - Пойдите пока...

- Валик, - несмело спросил кто-то из подбежавших сопливцев. - А нам тоже можно будет... ну, после тебя и Хныша?

- Отвяньте! Ах ты ж, сука...

Женька ударила его больно и хлестко - локтем в промежность. Ударила и, вскочив на ноги, бросилась в парк... А вот теперь побегаем! Подите, догоните! Первый юношеский не только по туризму, но и по легкой атлетике. Правда, давно все это было - в школе еще. И жаль, листочки сейчас первые, майские... только пошли. Ничего, прорвемся!

Беглянка оббежала большую лужу, вляпалась в жирную грязь и, резко свернув влево, на старую аллею, заросшую чертополохом и папоротниками, остановилась, прислушалась. Топот погони и возмущенные выкрики слышались совсем рядом. Только вот аллею им ни за что не найти! Ну, бегите, бегите...

- Здесь она! – подал голос кто-то из мелких. – Вон след.

Черт! Глазастый попался. Женька не стала дожидаться преследователей, побежала. Есть еще здесь укромный уголок, у реки, под старой ивой. Берег хоть и казался крутым, но спуститься можно было. И никто об этом не знал. Разве что ориентировщики-туристы.

И вот этот вот, губастый. Как его – Валик... Значит, не показалось. Он.

- Ну, выходи, выходи. – Гопник неприятно осклабилсЯ и, передав фонарик Хнышу, протянул руку, поманил, издеваясь. – Ути, ути...

Не долго думая, девчонка схватила его за руку и сильно дернула на себя... тут же отскочила, и губастый кубарем полетел в реку! Грязно ругаясь, быстро вскочил на ноги – все ж таки мель... Да Женька его не дожидалась – скинула куртку и с разбега бросилась в реку. А тут теперь путь один был.

- Вот дура-то!

- Лови ее, парни, лови!

Ага, поймаете, как же!

От студеной-то водички сразу захватило дух! Хоть и в одежке, а холодно. Уж пришлось поработать руками – зато минуты через две беглянка уже выбралась на противоположный берег, на плесо. А тут уж рукой подать до проспекта Тореза, там автомобили ездят, там люди... Там уж с ней ничего не случится, ага.

Обернувшись, Женька сделала рукой неприличный жест...

- Еще встретимся, сука!

И, не оглядываясь, подалась прямо через кусты к проспекту. Да так и пошла – в мокром свитере, юбке. И босиком – один кед в речке утоп, второй пришлось выкинуть. Шла и шла себе по тротуару, куда деваться-то? Махнуть рукой машинам было как-то стыдно. Да и вряд ли подвезут, тем более деньги-то в куртке остались. Немного, правда, всего-то рублей пятьсот. Ч-черт... Там же ключи! Ладно, обратно уж не побежишь. Тем более сосед должен бы быть дома, откроет. А не откроет – так в форточку.

Рев мотоцикла неожиданно раздался совсем рядом. И столь же неожиданно затих.

- Случилось что? Подвезти?

Мотоциклист – в черной косухе с заклепками, в кожаных джинсах, – подъехав и заглушив двигатель, зачем-то снял шлем. Женька прищурилась, окидывая парня взглядом. Темные локоны, разгоряченное загорелое лицо, карие глаза...

- Так подвезти? Или... Тебя ведь Женей звать? – не отставал рокер.

- Ну, Женей... – удивленно протянула девушка.

- Так садись же! Смотрю, уже замерзла вся.

Утробно зарокотал двигатель. Обняв мотоциклиста за талию, Женька прижалась к нему всем телом – так было теплей.

Мотоциклист обернулся:

– Куда едем-то?

Женька назвала адрес. Парень кивнул. Поехали. Помчались в сиреновом воздухе наступающей ночи! Наверное, этот вечер был теплым. Только Женьке сейчас так не казалось. Ей хотелось одного – добраться до дому, вскипятить в чайнике водички, наскоро помыться в тазу, нырнуть под одеяло – и спать!

Доехали, кстати, быстро, минут за семь, беглянка и замерзнуть не успела. Так только, знобило чуть-чуть.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Значит, ты, Женя, меня совсем не помнишь... Я ж Михаил, Миша...

Вот тут до девчонки наконец дошло! Ну, конечно!

– Вспомнила! Тебя Одноногим Майклом все кличут, так?

Парень неожиданно обозлился, видать, обиделся:

– Да еще пока на двух хожу. Правда, хромаю – инвалид... Ладно, пора мне...

Парень дал газу и вскоре исчез из виду за поворотом. Не слышал, как Женька что-то крикнула вслед. Хотела в гости позвать...

Вот, как говорится, и познакомились, пообщались. Жаль, что так. Жаль... Вообще-то Одноногий Майкл – Михаил Веретенников по паспорту – когда-то учился на два класса постарше Женьки, и ей, что греха таить, нравился. Да многие девчонки тогда по Мишке сохли – красавец и умница, техникой увлекался и еще, говорят, писал стихи. А потом – армия, какая-то горячая точка, инвалидность... Хорошо хоть, врачам удалось ногу спасти. Вернулся, устроился куда-то, купил «Урал», переделал, как нужно, ездил... и хромал. На левую ногу хромал – за что и получил в рокерских кругах свое прозвище – Одноногий Майкл. Хорошо хоть, не Рупь-Двадцать, как в старом советском фильме!

Ах, Мишка, Мишка... Майкл... И что с того, что хромает? Вовсе не так уж и сильно. Зато руки откуда надо растут, и человек неплохой... и... красив, как какой-то известный актер. Какой вот только?

Одноногий Майкл... Как вот этот... вылитый! Но значительно моложе, да. Как Майкл классе в десятом... или даже в восьмом. Ну, одно лицо же!

Перед крыльцом, на княжьем дворе, почтительно толпись люди – истцы и ответчики, – ближе всех держался какой-то пузан в широких штанах и лисьем – несмотря на жару – полушубке, распахнутом как раз на пузе и одетом, как и Женькино ромейское платье, для пущей солидности, чтоб видели все – не голь-шмоль какая-нибудь, а боярин! Или богатый купец... или дружинник княжий – из старшей дружины «муж»... впрочем, это и есть боярин.

Да, так оно и было – Святослав его сразу узнал, кивнул милостиво:

– Что у тебя, Раскоряк? Зачем пожаловал?

- Девоч у меня увели, княже, - пригладив вислые, как и у самого князя, усы, с поклоном прогундосил толстяк. - Полдюжины красивых молодых рабынь. Полдюжины!!!

«Портсигар отечественный... три!» - про себя ухмыльнулась Летякина.

- За каждую, княже, по десять златых монет ромейких отдал. - Скривившись, толстяк продолжил жаловаться, вытирая широким рукавом выступивший на большом, с залысинами, лбу пот. Шапку боярин, как и все в княжеском присутствии, держал в правой руке и поминутно кланялся. - У купца ладожского всех купил, господине, у Рогвольда.

- У Рогвольда? - подавшись вперед, хмыкнул князь. - Ведаю такого. Купец знатный, худой товар не продаст.

- Так вот и я о том же толкую! - Жалобщик приободрился, словно только что похвалили вовсе не ладожского торговца, а его самого. - Добрый товар, на шесть десятков золотых солидов убытку!

- Шесть десятков солидов, - с поклоном подойдя к Святославу, тихо прокомментировал один из огнищан. - Десять таких за пять гривен идут, а шесть десятков - тридцать.

- Но, но, ты меня счету-то еще поучи! - обиженно нахмурился князь. - Знаю, что тридцать. Так ты, Раскоряче, на кого думаешь? Кто девочек-то твоих свел?

- А ни на кого не думаю, княже! - Еще раз поклонившись, боярин развел руками. - Не ведаю, на кого и думать. У тя помочи прошу, у суда твоего, господине!

- Ах, вон оно что... - Князь обернулся на огнищан. - Ужо завтра выслушаете все да разберетесь. Потом мне доложите.

Огнищане молча поклонились, то же самое сделал и хромоногий служка, после чего живенько спустился с крыльца да, подойдя к боярину, принялся что-то шептать, наверное, разъяснял, куда именно для дачи показаний явиться.

Остальные дела пошли куда проще - не надо было никого искать, все уже были на месте - и истцы, и ответчик, и свидетели, и тут уж Святослав судил сам, не прибегая ни к чьей помощи, а лишь выслушивая «видоков» да «послухов», а в случае сомнений, когда уж совсем было не разобраться, кто прав, кто виноват, прибегал к «суду богов». Одну пару - дружинников - заставил биться промеж собой на мечях - кто победил, тот и выиграл дело. С простолюдинами же князь поступал еще проще - одного обвиненного в краже коня смерда велел бросить с кручи в Днепр - выплывет или не выплывет (выплыл, о чем потом доложил огнищанин, стало быть, невиновен), другого же - обвиненного в злом колдовстве - заставил сунуть руку в котелок с кипящей водой - рука покраснела, на глазах пошла волдырями... значит, не колдун, понятно.

Просидев часа два, Святослав прочую мелочь оставил на огнищан и хромого служку - передал, так сказать, по подследственности - да, поднявшись с кресла, махнул рукой жене - пошли, мол, хватит тут рассиживать.

- Ну... - Скинув в горнице корону и мантию, княжна потянулась. - В принципе не так уж и скучно. Забавно даже. Только этого, с обожженной рукой, жалко.

- Жалко было б, коли его смерти предали облыжно, - усаживаясь на лавку, резонно заметил князь. - Рука-то заживет, а вот глава срубленная не прирастет обратно.

Женька хмыкнула:

- Да уж, да уж - ты прям у нас философ.

- Любомудрие ромейское ведаю, - кивнул Святослав к большому удивлению супруги. - Аристотель, Сократ, Пифагор, Фалес из Милета. Вижу, и тебе сие не чуждо. Неужто мудрость греческая уже и до ваших лесов докатилась?

- А что же мы, хуже других? - вспыхнула юная красавица. - Теорему Пифагора я и сейчас помню. А вот насчет Фалеса... Фалеса - забыла.

- Ох, любя моя. - Князь обнял жену за талию. - Каждый раз все больше и больше в тебе открываю! Правы философы ромейские: человек - то мир целый!

- Знал бы ты... - с грустным вздохом прошептала про себя княжна.

На следующий день, прямо с утра, Святослав со своей дружиной после торжественного молебна Перуну и прочим богам отправился в далекий поход - в земли вятичей. Лесной народец этот следовало поскорее «примучить», а потом вплотную заняться хазарами, имевшими наглость владеть богатыми городами, тучными стадами и развитой торговлей.

Прощаясь с мужем, Женька испытывала самые противоречивые чувства: с одной стороны, уж теперь-то можно было вплотную заняться подготовкой побега, а с другой - в отсутствие князя девушка становилась полностью беззащитной перед невзлюбившей ее свекровью. Да и, честно говоря, привыкла уже Летякина-Малинда к своему супругу, любовь, правда, еще, верно, не вспыхнула... хотя - кто его знает? Все ж таки грустно было при расставании, юная княжна всплакнула даже, причем вполне искренне.

А ведь и то хорошо, что в походе далеко супруг будет: с глаз долой - из сердца вон, так в народе говорили.

Тем не менее в расстроенных чувствах своих Женька копать не хотела, пыталась отвлечься, в чем ей невольно помогла ненавистная княгиня-мать. Едва только кольчужная рать Святослава скрылась из виду, Ольга вызвала невестку к себе «на беседу». Глянула, словно солдат на вошь, ухмыльнулась:

- Ты, говорят, вчера на суде князем сидела?

- Сидела.

Поклонясь, княжна хотела ответить сдержанно, со всем необходимым почтеньем - да вот не вышло, не сдержалась, очи синие вскинула дерзко:

- А что?

- А то, что там сидети и будешь! - сказала, как припечатала, Ольга. - Князя вместо суды творити. И завтра, и послезавтра, и все дни - месяц ровно. А там поглядим, чего натворишь.

Вот ведь удумала, сука старая! Подставляет, тварь.

Подумав так, Летякина опустила очи долу:

- Как скажете. Исполню все.

- Вот-вот. Поглядим, как исполнишь. Каждый день проверять буду!

Женька покинула аудиенцию весьма озадаченной. Вот ведь, блин, нашлось занятие! Ежели княгинюшка «каждый день» проверять обещала, так как убежишь-то? Да и суд этот... хотя бы законы местные узнать – для начала.

А вот это уже оказалось не таким уж и хитрым делом. В тонкости судебного разбирательства юную княжну посвятил Всерад-огнищанин – судебный старец, да еще после него Женька долго расспрашивала того самого хромоногого отрока – почти Майкла!!! – звали его, кстати, Велесием, в честь бога Велеса, верно.

- Всерад сказал – обиженным либо кровную месть творить, либо штраф – вира. Так?

- Все так, – опустив карие очи, Велесий низко поклонился, длинные волосы его опустились до самого полу.

- Пыль-то не подметай, хиппи волосатый, – усмехнулась Летякина.

Юноша тут же выпрямился, встрепенулся:

- Что ты, великая княжна, молвила?

- Низко так не кланяйся, говорю. Лучше скажи, что о делах судебных думаешь? Всерад говорил, там какие-то заговоры-наговоры будут?

- С заговорами теми, госпожа моя, разобраться несложно, – снова – но уже не так низко – поклонился Велесий. – Там видоков полно, послухов, целых две улицы. Иное дело – девы пропавшие. Раскоряк-боярин – не простой человеце, матери-княгине великой близок. Говорят, Раскоряк-боярин в ромейского Христа-бога верует, как и княгиня наша. Даже имя у него другое есть, какое, не ведаю. Одначе на подоле храм стоит ромейский – там и Ольга, и Раскоряк частенько бывают. Так что дело о девок покраже для нас, госпожа моя, нынче главное.

- А почему обязательно «о покраже»? – Княжна задумчиво посмотрела в окно – на могучие башни детинца, на расстилавшиеся за ними поля и синий широкий Днепр, на темную ленту лесов у самого горизонта. – Что, они просто сбежать не могли?

- Не могли, госпожа. Некуда им бежать-то.

- Да из неволи-то всегда есть куда! – дернулась было Женька, да, глянув на недоуменно вытянувшееся лицо собеседника, махнула рукой. – Ты поясни, почему так сказал-то?

- Поясню, великая госпожа, – снова поклонился отрок. – Дев тех Раскоряк-боярин у смоленских купцов купил, а те – у кривичей да у полочан брали. Путь в те края далек, девам самим добраться неможно – в пути всяк изобидит-примучит. Сгинут, пропадут, а они, верно, не дуры – не может же быть, чтоб все шестеро дурами были – это все ведают, понимают прекрасно. Добро бы из соседей, из древлянских земель были иль из своих, из полян. Тогда б соблазн был бежати, да и то – к кому? Коли уж продали их – так в род обратной дороги нету.

- А самим по себе, без всякого рода, жить?

Велесий замолк, очами сверкнул удивленно:

- Да разве ж одним-то можно прожить? Сеять-пахать, дом ставить, охотиться, лес под пашню подсекать? Не-е... тут и мужикам-то не сладить, тем паче – девам. Да и примучит их любой, в полон возьмет да продаст ромеям, печенегам, хазарам... Не, не побегут они никуда – свели со двора дев, украли.

- Украли – и продали? – покусав губу, уточнила Женька.

- Оно, госпожа, так.

- Значит, мы их и не найдем, верно, увезли уже девчонок проклятые работорговцы!

- Нет, госпожа, – неожиданно возразил юноша. – Тако мыслю – не увезли. Ни один караван торговый из Киева с тех пор, как дев свели, не выходил. На той неделе праздник большой – Перунов день, народу много в Киев-град съедется – гулянье, ярмарка-торговля. Зачем купцам уезжать-то?

- Понятно, – княжна кивнула, искоса глянув в зеркало.

Все ж красива, не отнимешь! И платье это варяжское, с туникой, ей очень даже к лицу. Жаль только, нижнего белья нету... а месячные придут? Тряпицу хоть какую-нибудь привязать, что ли? Ладно, об этом у Здровы спросить, не у парня же этого. А он ничего, симпатичный – с глазками карими, а лицо тонкое, худое, изящное, как на иконах. Да, красивый парень... жаль только, что хромой.

- У тебя что с ногой-то?

Велесий неожиданно скривился, словно от удара:

- Да так, госпожа. Случай.

- Ну, случай так случай. – Женька махнула рукой, коря себя – и чего, спрашивается, с праздным любопытством полезла?

Не хочет говорить парень – не надо. Видать, трагедия личная.

- А скажи-ка, друг Майкл... тьфу – Велесий, чего свидетели говорят? Ну, эти самые, видоки-послухи. Да и есть ли они вообще?

- Есть, госпожа, и много! – радостно доложил юноша. – Боярина дворовые люди – челядь да закупы – слышали кой-что. Да! Совсем ведь забыл сказать, как девы пропали-то.

- О! – Женька подняла вверх указательный палец. – И впрямь. Интересно будет послушать.

- Боярин их на луга послал, на сенокос, с мужиками, своими холопами, а старшим – закуп один. Оттуда-то их и свели, прям из шалашей выкрали, сонных – так что никто и не проснулся даже.

- Не проснулся? – засомневалась княжна. – Как-то в это не верится. Это что же за ниндзя такие – воры-то? Скорее всего, сговорили они дев. Ну, пообещали что-нибудь... Что девчонкам-невольницам пообещать можно такого, а?

Велесий смущенно взъерошил затылок:

- О том не думал еще, моя госпожа.

- А ты подумай! Да, извини, перебила... Так кто там слышал чего?

А слышали, оказывается, почти все. Только не в эту ночь, в предыдущую, а днем видали рядом каких-то людей, купцов иль рыбаков – луга-то заливные, река рядом. Числом около дюжины, приветливы – руками издалека махали, здоровались, а близко не подходили, вот и не запомнили их косари, не разглядели. Только голоса слышали, и днем – как промеж собой купцы те переговаривались, и ночью чьи-то голоса в отдалении слышали, да во внимание не приняли – мало ли какие рыбаки на берегу у костра сидят, пекут на углях рыбку? О чем неизвестные людишки говорили, увы, никто толком не разобрал, а уж дальше и вовсе шли какие-то сплошные загадки. Кому-то из косарей показалось, будто чужаки по-варяжски болтали, иные же словенскую речь услышали, но не так, как у нас говорят, а как у словен ильменских, третьи же говорят – ромей.

- Та-ак, – озадаченно прищурилась Женька. – Варяги, ильменские славяне, ромей – греки. Что в них общего? Да то, что все издалека явились, так?

- Так, госпожа, да.

- А те, кого косари незадолго до кражи видели, они на кого больше походили? Ну, как одеты были? Как варяги, славяне, греки?

- Хм... – Велесий с уваженьем глянул на княжну и задумался.

- Что, об этом и спросить не догадались? – возмутилась Летякина. – Ну, работнички, блин – точь-в-точь, как наши менты.

- Да спрашивали, госпожа, – оправдываясь, отрок вновь поклонился. – Я же и спрашивал.

- И что?.. Слушай, – вдруг спохватилась девушка. – А ты что стоишь-то? Садись.

- Не можно, госпожа! Кто ты, а кто...

- А я говорю – можно! И ты мне эти свои средневековые штучки брось. Садись, вон, на лавку, сказала! Вот так... Продолжаем разговор. Так что?

- Славяне ильменские и варяги похоже одеваются, да и гостей ромейских в походе дальнем от них не особенно отличишь, тем более – издали. Рубахи, кафтаны, плащи, порты узкие...

- Вот-вот! – Женька повела плечом. – Варяги-то широкие носят, я видела!

- Ну, госпожа моя. Далеко не все.

- Что ж... значит, мы их никак не опознаем... да и нужно ли? – Шмыгнув носом, княжна поглядела в окно и спросила: – Девушкам-то пропавшим по сколько лет?

- Да по пятнадцать, так где-то. Взрослые девки уже, приметы есть. Высокие, грудастые, крепкие – иных и не купили бы. Две светленькие, остальные темноволосые, но не такие темные, как ромей, а вот как, госпожа моя, ты.

- Здоровые молодые девки, – тихо протянула Летякина. – Что-то не верится мне, что их можно вот так вот запросто, словно овец, увести! Без их-то согласия – да ни за что! Сговорились они с похитителями своими, вот что. Сговорились! А вот где? Без присмотра куда ходили?

- Вряд ли, моя госпожа.

- Это тебе кажется, что вряд ли. А пописать? А искупаться? Что - и за этим следили? Ну, за купающимися-то девчонками многие б подглядеть не отказались, но за писающими - это извращенцы только могли.

Княжна хмыкнула, потянулась к стоявшему на столе кувшину, налила по кружкам:

- Видать, не усмотрел бригадир-то!

- Кто не усмотрел... г-госпожа?

- Ну, старшой тамошний.

- Плетягою его кличут.

- А почему так?

- Говорят, с плетью управляется ловко. У боярина своего он вместо палача-ката бывает, потому-то боярин не шибко-то его и наказал за недогляд. Так, малость постегали. А про реку... про то ты, госпожа, верно сказала. Купались ведь девы-то - жара стоит, а потные все - не могли не купаться. И не с мужиками вместе - мыслю, за тем уж Плетяга по боярскому слову следил. Господину-то зачем рабыни беременные? Работать когда еще смогут? А дети их - рабы - пока вырастут, пока хоть в какую-то силу да разум войдут... Морока. А дело это, с пропавшими девами, важное. Самое важное, и я, госпожа, во всем тебе помогу, не хуже, чем Всерад-огнищанин. Он, конечно, поопытней, но не особо умен.

Женька не слушала. Думала. Понимала, что подстава - и это-то ее и раззадоривало. А ну-ка, удастся девок сыскать, живых или... Нет, уж лучше, конечно, живых. А этот Велесий... На Майкла похож, да. Очень! Одно лицо. Только этот помладше. И приятненький, симпатичный - в глазки карие взглянешь - про хромоту забудешь враз.

Ольга вызвала невестку почти сразу с утра, княжна едва встала, умывалась над кадкой, приводя в недоумение всю свою челядь. Женька давно заметила, что о гигиене здесь не заботились вовсе - не умывались, руки после туалета не мыли, хорошо хоть еще парились раз в месяц в банях - и то хлеб.

В сумрачной душной горнице, освещенной дрожащим светом золоченых ромейских светильников, сидевшая в высоком резном кресле великая княгиня, желчно поджав тонкие губы, слушала, хмурила брови, время от времени властно прерывая Женькины слова взмахом руки.

- Ты все ли слыхала, дочь, что я тебе говорила?

- Голова болит. - Княжна прикрыла озорные глаза пушистыми загнутыми ресницами.

- То не мудрено, дочь!

- Целую ночь с Перуновой горы каким-то смрадом тянуло - верно, жгли что-то в храме, приносили жертвы. Правда, может, и показалось.

- А может, и не показалось, - усмехнулась Ольга. - В капище-то языческом все что хочешь станется. Ладно, иди. К Раскоряку-боярину, прошу, относись с уважением, муж он в Киеве не последний!

Ага, вот откуда ветер дует! Кто-то уже про боярина-то наплел. Челядь? Или – чего далеко ходить – сам Велесий? А что? Тут каждый друг на друга стучит – не княгине, так Святославу, не Святославу, так Свенельду. Жаль, варяжский дядюшка вместе с князем ушел к вятичам, не у кого защиты просить, приходится самой крутиться. Значит, Раскоряку не трогать... интересно, как тогда дознание по пропавшим девам вести? Может, и в самом деле, довел он их до ручки. Или – не довел, сами свалили – опять же, надо во всем разбираться.

– Матушка княгиня, могу я по Киеву походить-поездить? – уловив едва заметную благостность, вдруг проскользнувшую на хмуром лице Ольги, словно лучик солнца в смурной пасмурный день, Женька осмелела. – Не токмо здесь, в детинце, но и на посаде. Красив град-то, а я так и не видала его толком.

Ольга махнула рукой:

– Поглядишь. Свиту я дам.

Поклонившись, юная княжна с удовольствием покинула душныя покои старой княгини. А ведь нашла слабое место, кажется. И закон Ольгин нашла – христианство. Вообще-то, могла б и раньше додуматься... коли б не столь необузданный секс, такой, что и дух перевести некогда. Ах, Святослав, блин...

Некогда было и переговорить с Велесием, княгиня-мать обещанья свои в долгий ящик не откладывала, свиту прислала сразу, так что ничего не поделаешь, пришлось уж одеваться, как пристало приличной замужней даме, княжне – поверх платья ромейскую столу, да на нее – плащ, да волосы скрыть под паволоками. Жарко, блин, душно, неудобно – а приходилось терпеть.

Выехали на Подол с помпой – впереди да позади гриди и прочая свита, в середине – сама княжна верхом на смирной белой кобыле – научил Святослав держаться в седле, хотя бы пока так, самую малость. Ничего особенно интересного на посаде не было, большей частью одни убогие домишки – хижины, средь которых, впрочем, попадались и вполне себе приличные усадьбы, а ближе к реке во множестве дымились кузницы. Кроме всего этого – плетни, плетни, плетни, а за ними – деревья, сады-огороды-пашни, а дальше – заливные луга, стерни да пастбища.

– Тут гончары живут, – показывал хитромудрый Волока-тиун. – Тут – кузнецы, а эвон там – кожемяки.

Попадались и языческие капища, грозные, за частоколами, с прикрепленными над воротами коровьими, выбеленными дождями и ветром черепами.

Тиун благоговейно махал рукою:

– Дажь-бога храм... а тот – Стрибога, а дальше, на горе – Сварожьи чертоги. Ну а Перун, как ты сама, госпожа, видала – в детинце.

– А христианские храмы где?

– Так на детинце же! Святого Николы храм. Да у самых ворот, мы ж мимо только что проезжали.

– Н-да? Что-то не заметила.

И впрямь, мудро было заметить, слишком уж странной оказалась церковь Святого Николая, деревянная, вся какая-то приземистая, без всяких маковок, она больше напоминала какой-нибудь римский Пантеон, правда, крест все же имелся – золоченый. И как молодая княжна раньше-то его не заметила? Верно, не туда смотрела.

Запомнила Женька церковь и дорогу к ней запомнила. В детинце все рядом – тем лучше. Сразу после обеда вместо сна туда и пошла – а чего время-то зря терять? Со двора, не особо таясь, вышла, голову платком расписным прикрыла. Не оглядываясь, знала – следят за ней накрепко и Ольге уж обо всем доложат. И пусть!

Да и не только ради Ольги все – и самой помолиться хотелось. По-настоящему, в церкви, а не просто так. В хоромы-то и икон не имелось! Ну, еще бы, муж-то родной – язычник, прости, Господи.

С ранних лет, с детства, Евгения, как и большинство русских людей, ничтоже сумняшеся полагала себя православной. Крещена была – да крестик, правда, в Выди-реке утоп во время приснопамятных печальных событий. Окромя же крестика ничем особенно Женькино православие не проявлялось. Ну, на Пасху яйца красила – как все, по большим праздникам, – коль было на то настроение – заглядывала и в церковь, молилась, свечки ставила... опять же, как все. Как и все, молитв толком не знала, даже и «Символ веры» не смогла б наизусть прочесть, разве что самое начало, и это не говоря уже о соблюдении постов, об исповеди. Тем не менее, кто спроси – так Женька твердо считала себя православной... как все.

Ну, это там, дома, было – «как все», а тут вдруг застеснялась девчонка. Как-то погано на душе сделалось, когда вдруг подумала – что же она, Господа Бога для целей своих использует, а о том, чтоб с молитвой ко Христу прийти, помощи попросить – не догадалась? Ой, нехорошо это, нехорошо. Чем она, Женька Летякина, от здешних язычников отличается? Тем, что те жертвы своим богам приносят, а она – яйца крашеные? Как все.

Войдя в полутемный храм, юная княжна перекрестилась на большую, написанную темными красками – или, скорей, потемневшую от времени – икону, потом повернулась к распятию, снова перекрестилась.

– Помоги, Господи Иисусе...

Потом вдруг подумала – а в тот ли храм зашла? Может, он католический, а и вовсе не православный, вон и распятие... однако – и иконы тоже.

– Вижу сомнение в очах твоих, дева, – выскользнул неизвестно откуда бородач в длинной черной рясе и с большим золотым крестом на груди.

Священник...

Женька поклонилась:

– Благословите, батюшка.

– Благословляю... Что ищешь здесь, в Храме Божьем?

– Помощи у Господа в деле своем попросить пришла, – тихо прошептала дева. – И грехи замолить – крестик-то потеряла крестильный. Не по своей вине – просто случилось так...

Батюшка, а крестики-то у вас тут есть?

- Найдем для тебя, - с доброй улыбкою святой отец осенил княжну крестным знаменем. - Я подойду скоро, а ты пока же - молись.

- Молюсь, батюшка. А как зовут-то вас?

- Отец Феодосий.

Отец Феодосий...

Долго молилась Женька, наверное, часа полтора. Сначала покаялась, потом помощи попросила, защиты.

- На тебя одного, Господи, уповаю, во всем мире ты один только способен меня понять. И простить, быть может...

Так и не дождавшись священника, княжна вышла из храма, однако отец Феодосий нагнал ее в дверях:

- Вот тебе крестик. Пускай пока что медный, но от души.

- Спасибо, святой отец! Дай вам Бог здоровья.

- Не меня благодари - Господа. Звать-то тебя как?

- Женя... Евгения.

- Красивое имя. По-гречески значит благородная, полная возвышенных чувств. Ну, ступай с миром, дева. Не забывай, приходи.

- Приду, - с улыбкой пообещала Женька. - Теперь уж знаю, куда идти-то.

Ольге всенепременно должны были доложить, хоть кто-нибудь. И доложили, а уж реакции великой княгини долго жать не пришлось - вызвала к себе уже под вечер. На этот раз приняла по-простому, в трапезной, и одета была не в греческую парадную столу, а в обычную тунику варяжскую, как и явившаяся на зов невестка. И сидела Ольга не в кресле, надменно выпятив подбородок, а на лавке, за накрытым столом.

Гостье махнула рукой милостиво:

- Садись. Вина выпьем.

Сказала и тут же грозно прищурилась, словно огнем прожгла:

- Говорят, ты в Христа-бога веруешь?

- Верую, - перекрестившись, твердо кивнула княжна. - В Бога единосущного верую и во святую Троицу - Бог-отец, Бог-сын и Бог - Дух Святой.

- Хрестьянка, ты погляди! - Ольга ласково улыбнулась и вдруг снова нахмурила брови. - А ведешь себя иногда - бесовски!

- В том покаялась, - закивала Женька. - От скуки все.

Княгиня-мать неожиданно рассмеялась:

- Ничего, скучно тебе теперь не будет - суд-то до конца доведи.

- Доведу, матушка.

- И помни - боярина зло не трогай! Наш человек, единовец, таких поддерживать нужно во всем.

Глава 6. Лето 964 г. Киев. След гнати

«Свод» - показания свидетелей или сам процесс поиска прАпажи, следствие... Нет! Вот дура-то! Не прАпажи, а прОпажи. Совсем тут скоро писать разучишься.

Покачивая головой, Женька погрызла стилос и снова склонилась над залитой воском дощечкой - церой. Записывала для себя, чтоб не забыть, все, что вчера от судебных старцев узнала да что разъяснил Велесий.

«Свидетели», - четко вывела дева. Подумав, поставила двоеточие да продолжала дальше под буквами:

А) видоки - очевидцы, те, кто сам что-то знает или видел

Б) послухи - кто слышал о случившемся от кого-либо

Так, что еще? О чем Велесий-то говорил? О следствии, да... прямо так и сказал, почти что современными Женьке словами - «след гнати». Это значит, идти по следу вора, пока тот где-нибудь не обнаружится, скажем, в каком-нибудь селе или на торговом стане, тогда все тамошние люди, ежели от себя «следа» не отведут, то должны вместе с князем сами вести дознание, а еще - платить: и за украденное, и еще отдельный штраф - князю. А ежели «след» прервется на большой дороге или вообще потеряется, тогда не с кого будет и взыскивать.

Вот как сейчас... Хотя и видоки есть, и послухи, но толком непонятно, что они там видали, кого? Искать, искать надо - Ольга, княгиня, хоть и несколько помягчала после того, как узнала, что невестка ее оказалась вдруг одной с ней веры, однако спуску не даст, и тут главное сейчас - не облажаться. Блин... еще и боярина Раскоряка приказано «не трогать», единовец, ага.

Ладно, что-нибудь сделаем, хотя, вообще-то, не про «свод» надобно думать, а готовить побег. К купцам ладожским присмотреться, договориться под видом обычной девушки, собравшейся в Ладогу, в гости.

Ага, в гости! На дворе-то, между прочим, девятьсот шестьдесят четвертый год от Рождества Христова - это Женьке еще третьего дня отец Феодосий сказал, когда княжна вновь в николаевскую церковь ходила - молиться об удаче в делах. Девятьсот шестьдесят четвертый! Не тысяча девятьсот... Боже, боже, куда ж ее черти-то занесли. Впрочем, горевать некогда - думать надо и под видом высокого княжьего суда следствия собственное дело решить. Тем более все равно купцов на пристани опросить надо... и лучше самой, без всяких там ябедников, мечников и прочих.

Покрывив губы, девушка вновь потянулась к цере, выдавила по воску:

«ЯбеДник»... засмеялась, переправила «Д» на «Т» – «ябеТник», именно так здесь конвой именовался. И не только собственно конвой, но и любой дружинник, с судебным процессом связанный, окромя местных судебных приставов – сборщиков штрафов, в отличие от конвойных, именовавшихся куда солиднее и красивее – «мечники».

Женька снова улыбнулась, подумав вдруг – а кто же такой Велесий? Как его должность – секретарь суда, если по-современному – официально именуется. Не мечник, не ябетник, тем более – не судебный старец. Ладно, явится, так и спросить.

Велесий явился к обеду, запыхавшийся, потный. Поклонился с порога да сразу с докладом:

– Косима Ржавов, Плетягой прозванный, закуп – про него я и говорил уже, – да Рвака Пугаев, рядович, да Ослабя Карась с Кучамой Линевым, закупы же, да еще отроци – Реденя, Корчма да Беззубый – но те холопи обельные, слова их весу не имеют. Косима Ржавов, закуп, тако сказывал: дескать, в тот день, когда пропали девы, видел чужих людей – проплывали на лодке, говорили промеж собой по-варяжски, что же касася облика их, то того Косима на разглядел, да и не присматривался особо. А всего варягов тех, говорит, четверо было. – Юноша шмыгнул носом и продолжал: – Тако же и Рвака Пугаев, рядович, показывает, только вместо варяжской речи словенскую услышал. А Карась с Линевым – греческую. А так все говорят одинаково – мол, видали где-то уже под вечер лодку да в ней людей.

– Хм... – Женька вновь покусала стилос. – Варяги, ладожане, греки... Следы-то на торг ведут, на пристань! Надо б туда послать ябетников... хотя сначала сама поеду, гляну, что там да как! Обычной девчонкой прикинусь, боярышней – ходят ваши девчонки на торг?

– А чего же нет-то, моя госпожа? – негромко рассмеялся Велесий. – На торгу-то и кольца, и паволоки, и ткани ромейские, ожерелья всякие – в миг един девичью сердцу пропасть! Кто покупает, кто просто смотрит, кругом народу много, торг идет – весело!

– Значит, ходят туда девушки...

– Не одни, знамо – со слугами.

– Вот с тобой сейчас и пойдем. Выйди пока – переоденусь во что-нибудь попроще.

Низко поклонившись, юноша вышел из горницы, Женька же бросилась к сундукам. Распахнула, откинула крышки, глянула... н-да-а-а! Найдешь тут «чего попроще», как же! Разве что эту вот рубашонку-тунику да варяжский тонкий сарафан, синий, с узорами. Да, его и одеть, пожалуй, тут ничего скромнее и нету. Просто поменьше украшений, ага. Не тяжелое, с жемчугом, ожерелье, а вон те янтарные бусы, не золотые браслеты, а серебряные. Да-да, вот эти – скромненько и со вкусом.

– Госпожа моя... – из-за неплотно прикрытых дверей донесся вдруг голос Велесия. – Я вот подумал, надо бы все же гридей с собой взять или ябетников. Мало ли что? Вдруг да купчины тебя украсть захотят, как дев пропавших. Затянут на свою ладью – я и пикнуть не успею. Не-ет, без гридей – не можно.

– Это почему меня на ладью затянут? – Натянув рубаху, княжна повернулась к дверям. – Да не стой ты там, не кричи из-за порога, в горницу-то зайди.

- Да, моя госпожа... Потому тебя украсть могут, что ты красива, краше солнца! Кто ж перед красой такой устоит? Ой...

Войдя, отрок замер, в смущении закусив губу. Юная княжна стояла перед ним полуголой, в одной лишь рубаше из тонкой греческой ткани, мало скрывавшей и аппетитные, упруго торчащие сосочки, и темный треугольник лона. Женька прекрасно это знала, специально дразнилась - а чего ж бы и нет?

- Ты столбом-то не стой, помоги застегнуть лучше.

- Ага...

Повернувшись, Женька почувствовала, как дрожат горячие пальцы юноши, как сердце его едва ль не вырывается из груди.

Эх, если б не служанки, не Здрава! Донесут ведь, сволочи, донесут.

- Ябетники, говоришь? - С помощью Велесия княжна натянула сарафан - узкий, в талию, синий, с многочисленными серебряными пуговицами. - Ладно, возьмем ябетников.

- Я, госпожа, мигом метнусь, позову.

- Метнись, метнись. Только давай поскорее, и это - по-тихому все спроворь, зачем нам глаза лишние?

Женька проводила покрасневшего парня взглядом: ну ведь - Майкл, вылитый Майкл!.. Может, и с ним чего сладится - почему бы и нет? Дела делами, а развлекаться-то как-то надо... тем более - если хочется. Что в этом плохого-то? Велесий-то наверняка доволен будет, да и сама она... Лишь бы не подставить бы парня: времена на дворе такие, живо бедолаге головушку свернут. Свернут, свернут, в хоробах-то каждая сволочь Ольге стучит - осторожнее надо.

Дразня юношу, Женька и сама не заметила, как угодила в свои же собственные сети, распалилась так, что при одном виде Велесия внизу живота ее вспыхивал томительный жар! Хотелось, хотелось, чего уж тут. Единственное, что сдерживало княжну, - возможные нехорошие последствия для парня, отправившийся же в поход муж ничуть не смущал, и вовсе не потому, что далеко был, а потому что язычник - официальных наложниц полным-полно, да и кроме Малинды-Женьки еще пару-тройку жен брать собрался, чего ничуть не скрывал, - а что взять с язычника-то? Хотя, конечно, юная княжна вовсе не была бесчувственной чуркой и супруга своего царственного уважала... правда, вот насчет любви... гм-гм.

Но! При всем при этом - ему с наложницами кувыраться можно, как и жен многих иметь - а она-то, Женька, чем хуже? Получается какой-то гендерный расизм, неравноправие полов - так выходит.

А вот фиг вам, ханжи поганые! С кем хочу, с тем и спать буду!

У крыльца ждала смиренная белая лошадь, как ее раньше кликали, Женька не ведала, прозвала по-своему - «Виски». Ну, раз «Белая лошадь», так как же еще ее звать-то?

Приосанившись, княжна спустилась по крыльцу вниз, уселась в седло с помощью служек, оглянувшись на ябетников, да на гридей глянула - молодцы, хоть куда, любо-дорого посмотреть. Плечистые все, подтянутые, в кафтанах добротных, узких, из-под кафтанов рубахи торчат длинные, по подолу расшитые щедро, на ременной перевязи - мечи в переплетенных

ножнах, кольчуги, правда, не одели – не война, чай, не на рать собралися, шлемы тоже не взяли – шапки у кого какие – варяжские кожаные мурмолки, суконные, с меховой опушкой, шитые.

Двинулись не торопясь, солидно. Впереди два воина – за ними княжна молодая, остальные – позади. Народишко кругом кланялся, здравицы кричал – любят на Руси задницу-то власти лизати.

Когда миновали ворота, Женька придержала лошадь да велела ехать к пристани через луг, где оставить коней, а дальше уж – пехом. Как простые.

– Держаться всем скромненько, в глаза не бросаться. Пусть думают – я простая боярышня, а вы – мои слуги... или сами по себе, так, по рынку зашли прошвырнуться, джинсы дешевые прикупить.

Торжище шумело невдалеке от причалов, покачивались на днепровской волне многочисленные ладьи.

– Велик, – обернувшись, тихонько позвала дева. – Ну и где тут какие купцы?

Юноша подбежал со всею поспешностью, ревниво отодвинул ябетника плечом, показал:

– От тут вот, у самых сходней – армяне, там, с поволоками да посудой златой, – ромеи, а вон на тех рядках, с конями – гости болгарские.

– А варяги, ладожане где?

– А тем еще рано, госпожа моя. Недели через две только пожалуют, приплывут.

– Недели через две, говоришь? – Женька вскинула очи. – А тогда о каких же ладожанах-варягах видоки наши языками плели?

– Так, верно, о местных, киевских, госпожа, – посторонясь – какие-то люди вели только что купленного коня, – повел плечом व्यюнош.

Княжна недоверчиво хмыкнула:

– Варяги киевские – это я понимаю, тот же Свенельд, дружина его, а вот ладожане... славяне ильменские – и эти в Киеве живут?

– Да живут иногда, – охотно пояснил Велесий. – Зиму пережидают да ромеев с товарами ждут. Сейчас вот накупят паволок да злата-серебра – и к себе.

О гостях ильменских Велесий по просьбе княжны навел справки в тот же день. Явился к вечеру, скромненько возникнув в дверях. Женька уже отобедала и теперь, скинув туфли и блаженно вытянув босые ноги, возлежала на ложе в своем любимом варяжском наряде – тонком плиссированном платье с короткими рукавами и легкой тунике с лямками – да щелкала грецкие орехи.

– А, Велик! Хорошо, что пришел. Квасу хочешь?

– Не откажуся. Жарко, госпожа моя, упрел.

- Жарко - да. Эх... шортики бы короткие одеть, топик... Так нет, парься тут в двух платьях. Ну, садись вон, на лавку, сам себе наливай да докладывай - чего накопал?

- Нынче ильменских зимовало мало, - поставив опустевшую кружку, доложил юноша. - Да и те, что были, с Рогвольдом-варягом одним караваном ушли, еще до того, как увели девок. Не было ильменских. Кривичи были. Дев пропавших родичи, земляки. Да они, кривичи-то, еще к себе в Смоленск не уплыли, здесь торгуют.

Княжна подалась вперед:

- И-и-и?

- Соседей поспрошал с осторожкою - никаких девок не видели. Думаю, еще нужно там походить, кривичи-гости здесь, в детинце, живут, в корчме близ ворот дальних. А ильменские только через пару недель явятся, пока у них там лед на реках растаял, пока поплыли, пока в пути... Ябетников я на торгу выставил. Как девок кто будет торговать - враз узнаем.

Княжна с сомнением покачала головой:

- Не думаю, что похитители уж такие дураки, чтоб тут же, на глазах, торговать краденым. А вообще, куда они девчонок деть могут?

- Да купцам ромейским продать - куда ж еще-то? - не выдержав, расхохотался юноша.

- А купцы ромейские, значит, с охотою краденое купят?

Велесий озадаченно хлопнул ресницами и пояснил, что если за бесценок, то, конечно, купить могут, но - далеко не все. Они и так тут, на торгу, барыш неплохой имеют, зачем им краденый товар? Узнают - не оберешься хлопот. Если только осторожно все, тайно.

- А если не купцам? - подумав, спросила Женька. - Если не продавать девок, а их... ну, типа в личное пользование, наложницами там, служанками.

- В Киеве-то?! - ахнул отрок. - Не! Сразу ж откроется все, у людей, чай, глаза-то на месте.

- Ну да, ну да... - Юная княжна побарабанила по столу тонкими, в перстнях и кольцах, пальцами. - Украдешь для себя - не спрячешь. Значит, только - продать. Если сами не убежали.

- Бежати-то им, госпожа моя, некуда.

- Да помню, ты говорил уже. Продать, продать... или - еще как-то? Ну, ты же местный у нас! Думай!

- Чур меня, чур! - вскочив с лавки, юноша вдруг изменился в лице и замахал руками. - Сварог меня заberi и сварожичи! Так ведь в жертву же дев этих можно! Требы творити! Молодые красавицы девы - подношение хорошее, богов о чем угодно можно просить.

- В жертву? - моргнув, удивленно переспросила Летякина. - А вот об этом-то и не думала как-то. А ну-ка, давай-ка, Вел, поподробнее. Где тут да кто обычно жертвы приносит?

Велесий хмыкнул:

- Так в капищах! Хоть здесь же, в детинце, на Перуновой горе - далеко и ходить не надо, моя

госпожа. Там много богов. Много идолов. Еще на Подоле храм есть – Дажь-бога, Хорса... На Почайне-реке – Стрибога храм, а чуть дале, в дубраве – Мокоши молятся.

– И кто ж из всех этих богов сильнее?

– Мы, поляне, больше Перуна чтим... да еще Дажь-бога, и Сварожичей требами жалуем, и...

– Понятно все с вами, одно слово – язычники. Живете в лесу, молитесь колесу. Как-то так.

– Госпожа! Мы колесу не...

– Ой, рот свой закрой, зануда! – Женька со смехом закрыла уши руками, потом вскочила, взъерошила парню волосы. – Ты что такой грязный-то, Велик? Чтоб сегодня же в баню сходил или, на крайняк, выкупался. Голову помой, расчеши тщательно. На вот тебе гребень!

На следующий день Женька приказала вызывать к себе видоков – всех четверых, что хоть что-то могли поведать о пропавших девах, точнее говоря, об обстоятельствах их пропажи. Пусть смутно говорили, бестолково, но что-то настораживало Летякину в их показаниях, а что именно – пока было не осознать. Вот и хотелось послушать свидетелей самой, лично, а не с чьих-то слов.

Все были вызваны на разное время – Карась с Линевым – с утра, Пугаев Рвань – после обеда, а старшой, Косима Ржавов по прозвищу Плетяга, – уже ближе к вечеру. Все вроде бы говорили практически одно и то же, за исключением племенной принадлежности слышавшихся им голосов... но как-то по-своему, явно путаясь в мелочах. Даже относительно того, где они сами были в тот момент, когда увидели лодку, и что это была за лодка.

– Мы с Линем в кусточках крючки проверяли, да...

– Я да Карась, дружок мой, на уду рыбу в заводи лавливали...

Интересно получается – то крючки, то на уду. Не так-то уж и много времени прошло, чтобы в этом путаться.

– А лодка какая была?

– Обычная однодревка, долбленка...

Это – Карась с Линевым. А вот Рвань Пугаев совсем иное пел:

– Хорошая такая лодка, большая – насад!

– Точно насад? А никаких других лодок в это время на речке не было?

– Не, госпожа моя! Говорю же – одна.

– А чужаков в ней?

– Четверо. Точно – четверо. Да об этом тебе, владетельная княгиня наша, все, кто с нами был, скажут. Четверо здоровенных парняг! Одеты? Да... как-то не рассмотрел, далековато было, да и солнышко садилось – слепило глаза.

Первые двое – с утра – тоже на солнышко жаловались, дескать, не рассмотрели парней. А вот речь их слышали!

– Варяги, варяги – Перуном клянусь!

– Словене с Ильменья, заberi меня Макошь! Почти как мы говорят, только цокают – поЦэму, заЦэм.

– Ромеи! Тут и думать нечего!

Не нравились все эти показания Женьке. О том она, вечерком уже, и сказала Велесию:

– Складно врут! В главном сговорились, а в деталях, по мелочи, путаются. Одни лодку однодревкой называют, другому насад чудится, а рыжий этот вообще челнок тот не разглядел, зато точно знает, что в нем было четверо. А чего конкретного – одежда, приметы людей – якобы смутно все, да и не присматривались. Зато голоса хорошо услышали, речь разобрали! Жаль, Раскоряка-боярина нельзя трогать! Княгиня строго-настрого запретила.

– То-то и оно, госпожа...

– Ты тоже еще тут... подпевала! Вот что... – Встав с лавки, княжна подошла к парню, положила ему руки на плечи и зашептала: – Завтра с утра отправишься ко двору Раскорячъему. Тайком пойдешь, и не на двор, так походи, рядом, простолюдинов поспрошай. И не только про девок пропавших, но и про людишек боярских, видоков наших. Интересно мне, как их боярин за пропажу дев наказал? Ведь они ж виноваты – не углядели. Тем более главный их бригадир – Плетяга. Понял все? Тогда ступай.

Оставшись одна, Женька разделась, улеглась на пустое широкое ложе и снова задумалась – с чего б она вообще так заинтересовалась всем этим делом? Просто от безделья? Или – убоавшись Ольги, княгини? Да нет... скорее уж – первое. И еще – это ведь муж ей все поручил, так как же она могла не оправдать оказанное доверие? На мальчиков заглядываться – это одно, а дело порученное загубить – совсем другое. Ах, Святослав, Славик, муж законный, киевский князь с забавным чубом и вислыми усами...

Вспомнив супруга, княжна долго ворочалась, все никак было не уснуть, сон не шел, зараза, да еще, как назло, во дворе гулко лаяли псы, а на крепостных башнях перекликалась неусыпная стража. Вот и попробуй поспи тут!

Уснула лишь под утро да раскрыла глаза уже ближе к полудню, по здешним меркам – невообразимо поздно, тут ведь все поднимались в самую рань, с солнышком. Вошли служанки, причесали, одели, а за порогом терпеливо дожидался Велесий. С докладом.

Слуг своих Раскоряк-боярин, оказывается, никак не наказал. Не орал на них даже, хоть обычно гневлив бывает.

– Ага! – Княжна всплеснула руками. – Что я говорила? Значит, боярин сам при делах – никто у него девок не крал! Он просто перед людьми обставился, о краже заявил, а сам... сам куда-то их сбаврил, это ясно... Другое непонятно – к чему такие сложности-то? Девки-то и так – его. А, Велик? Как мыслишь? Ого... ты что такой довольный-то? Вижу-вижу – сияешь – как голый зад при луне – так моя бабушка, бывало, говаривала. Праздник у тебя какой? Или что-то еще надыбал? Нашел?

- Да уж нашел, - ухмыльнувшись, Велесий вытащил из-за пазухи медную, согнутую в круг, проволочину. - У храма Перунова на кустах, на веточке, болталось.

- И что за хрень-то?

- Височное кольцо, моя госпожа! У кривичей девы такие носят.

Про височные кольца Женька раньше как-то не особо слыхала, только здесь вот потом тот же Велесий и пояснил - мол, у каждого народа словенского своего вида кольца: у радимичей - с тремя лепестками, изящные, у северян - в виде загогулины, у славян ильменских пятиугольником, у вятичей - с семью лопастями, ну а самые простые, проволочным неказистым кругом - у кривичей.

По всему выходило - не ошиблась княжна насчет жертвы. Видать, Раскоряк-боярин что-то у Перуна сильно попросить хочет.

- Так и попросил бы, открыто бы дев привел! - Велесий пожал плечами. - Они ж его рабыни.

- Ха, привел! - рассмеялась княжна. - Он же - христианин! И вдруг - языческим богам жертвует. Ольга узнает - мало не покажется!

И что же такое хотел боярин от старых богов? Что-то очень важное, для чего наложниц своих - юных красивых - не пожалел... и, верно, раз уж христианином прозывается, мог и в церковь зайти, помолиться и священнику о просьбе своей рассказать.

В церковь. Кстати, вот туда и зайти бы! Узнать...

Как раз и праздник великий вскорости намечался - день летнего солнцеворота, Иван Купала, у христиан же - Рождество Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Про последнего Женька, как и почти все россияне, христианка, что уж и говорить, весьма нерадивая, толком мало чего слыхала, а вот про Ивана-то Купалу - наоборот. Знала, что в ивановскую ночь девки на суженого гадают, венки плетут да голыми в росных травах купаются. А потом прыгают с парнями через костер и ищут цветок папоротника, которому, говорят, все клады подчинены - отыщешь цветок, вот богатство-то на тебя и посыплется, не унести!

Целый день юная княжна ходила в задумчивости, а вечером велела служанкам позвать Велесия, коему приказала ждать ее вечером у дальних ворот.

Выпроводив парня, Женька набросила на плечи скромный - какой уж нашелся в сундуках - плат да отправилась в хоромы старой княгини, напроситься в церковь на вечернюю службу.

Ольга отнеслась к просьбе невестки милостиво - ну а как же? - разрешила пойти с процессией христиан, покивала:

- Вот-вот, помолись, чадо. Кротости у Господа попроси, инда гордыни в тебе много. Муж-то, сыне мой, арапником еще не учил? По очам хитрым да дерзким вижу - нет. Ничего, вернется из вятичей, ужо поучит.

Женька поспешно поклонилась, пряча ехидную ухмылку, да, опустив очи долу, спросила с кротостью:

- Княгиня-матушка, так мне когда собираться-то?

- А посейчас и прийди, - махнула рукой Ольга. - Вскорости в Николаевскую церковь и отправимся, чего тянуть-то? Отче уж заждался, поди. Ой, чадушко! Всех нынче увидишь. Да, - перекрестившись на висевшую в углу икону, княгиня вдруг вскинула глаза. - С Раскоряком-боярином как? Сыскала пропажу?

Княжна недовольно скривилась - ишь, сука старая, вспомнила ведь, не забыла, - однако сразу же натянула на лицо улыбку да, разведя руками, ответила этак неопределенно:

- Ищем. Кое-какие успехи есть.

- Смотри-и-и! - погрозила пальцем старуха. - Раскоряк-боярин уже ко мне приходил, спрашивал. Служак своих погнобь, дева. И судейских! Поторопи, инда и кнутищем ленивых сих постегати не грех. Палача я пришлю, скажи только. Эх! - Ольга в сердцах фыркнула. - Не можешь искати - чего и вызвалась?

- Так я и не...

- Молчи, дщерь! Помни - ты ж сына мово, князя киевского, именем ищешь! Так не паскудь! Делай.

- У Господа сегодня помощи попрошу, - хитро молвила Женька.

Ольга чуть подобрела:

- А вот это верно. Коли с истинной верою - так и поможет Иисус.

- Вот и я о том...

- Кротости тоже не забудь попросить, - пожевав губами, не преминула напомнить княгиня. - Кротости и смирения.

Примерно через полчаса Летякина уже была готова - выпросила у Здравы старое платье, нарочно посетовав - мол, поскромней велено княгиней одеться, подвязалась кушаком крепким да веревочками - авось, пригодятся, мало ли?

Еще через полчаса вся процессия - надо сказать, довольно скромненькая, малолюдная, никем и никак не чествуемая - во главе с Ольгой спустилась с крыльца, направляясь к церкви Святого Николая. Грянул колокол. Собравшийся на паперти люд - весьма немногочисленный, но далеко не бедный - почтительно расступился. Немецкие и греческие купцы (на католиков и православных церковь еще окончательно не разделилась), местные торговцы, некоторые дружинники и бояре - все почтительно кланялись, крестились, икоса поглядывая на молодую княжну, скромно прячущую лик под повязанной на самый лоб вишневого цвета шалью, неброской, но весьма недешевой.

Под шалью было, что и говорить, жарковато - лето все ж таки! Правда, под верхнюю одежду - серенькую, с красной вышивкой-оберегом, рубаху да длинную, до щиколоток, синюю юбку - Женька ничего больше не надела - никакой нижней рубахи, поневы... А вот белье итальянское, верно, и одела бы, да вот беда, разорвали бельишко-то еще когда чертовы дружиннички старого козлина Довмысла, ныне вместе со Святославом-князем подавшиеся в земли вятичей - поглядеть да примучить. Туда им и дорога, Довмыслу этому да помощничку его, Стемиду-варягу. Ух, вражины! Хорошо было бы, коли не они вятичей, а вятичи их «примучили». Не Святослава, нет, - Довмысла со Стемидом, поганцев. Да еще Криневера-ведьма - как бы

действовать не начала, не сгубила.

Такие вот – вовсе не благостные – мысли бродили в голове юной княжны во время вечерней молитвы, когда молодцеватый священник помахивал золотым кадилом, Ольга и ее свиста благоговейно крестились, а чуть левее, к притвору, истово бил поклоны толстопузый боярин Раскоряк. Видать, и впрямь – что-то просил у Господа! Узнать бы – что? Впрочем – а какая разница-то? И так ясно – выпрашивал, и – судя по поклонам – что-то весьма важное. Значит – и дев своих вполне мог в жертву принести.

Так, может, прямо с ним поговорить? Сказать, так мол и так – все про тебя известно, сам дев загубил, волхвам отдал, – так и молчи теперь в тряпочку, пасть захлопни!

Между тем служба шла своим чередом, и священник торжественно читал проповедь:

– Святой Иоанн Креститель родился бо на ровно шесть месяцев раньше, нежели Господь наш Иисус Христос, Рождество Христа – зимний солнцеворот, рождение Иоанна – солнцеворот летний. Под знаком Иисуса Господа солнце начинает возрастать, под знаком Иоанна же – умаляться, тако и сам Креститель сказал: «Ему должно расти, а мне – умаляться».

– Господи, помоги, – перекрестясь, прошептала Женька. – Помоги выбраться отсюда, домой попасть... домой... Эх...

Отстояв вечернюю службу, вся процессия вернулась обратно в хоромы, и юная княжна попрощалась с царственной своей свекровью на улице, у крыльца. Поклонилась низенько, ночки спокойной пожелала да сама, никем не замеченная – бочком-бочком, – выскользнула за ворота княжеского двора, благо стемнело уже, однако народу по улицам бродило с избытком – как-никак не только у христиан, но и у подавляющего большинства – язычников – праздник. И, судя по крикам и песням, куда веселей христианского!

Всех своих служанок хитрая Женька еще загодя предупредила, что нынче проведет ночь в хоромах матушки-княгини, так чтоб зря не искали, не беспокоились. Предупредила, но все же таилась – вдруг да узнает кто? Так и шла до самых стен детинца, до ворот – шаль натянула, оглядывалась.

Народ кругом веселился, ходил с факелами, а по всему Подолу горели костры, рассыпавшиеся по берегам Днепра, словно упавшие с неба звезды.

Велесия Летякина увидала еще издали – парень стоял себе скромненько в стороне от горящего у ворот костерка, переминался с ноги на ногу – ждал. Видать, заждался уже, бедолага!

Вынырнув из толпы, княжна ухватила юношу за руку, потянула к себе:

– Привет!

– Ой... – Велесий дернулся было, но тут же почтительно склонил голову. – Это, госпожа моя, ты!

– Да не называй ты меня госпожой, – покривилась Женька. – Хотя бы сейчас, ага. Побежали к реке, поглядим!

Да уж, побежали. Не шибко-то мог бежать хромоногий служка. Впрочем, старался, поспешал, да и княжна сбавила шаг, оглянулась:

- Ну, где ты там? Не отстал?

- Нет, - улыбнулся Велесий.

- За руку меня держи, - приказала княжна. - А то точно потеряемся, не найдемся. Народищу-то кругом сколько!

И в самом деле, народу хватало! Везде вдоль реки жгли костры, гуляли, хороводились, пели песни.

Матушка-репка,
Уродилась крепка,
Ни густа, ни редка —
Уродилась крепка!

- А-ам!!! - певший песню белобрысый, добродушного вида парень в подпоясанной широким кушаком рубахе неожиданно расставил руки и, сгребя Женьку в охапку, смачно поцеловал в губы:

- Ах ты ж красуля! Так бы и съел!

- Эй! Ты что творишь-то?! - пришел в себя Велесий. - А ну...

- Отпущу, отпущу, что ты! - Парень весело захохотал. - Бери свою невестушку, да будут благословенны к вам боги! Удачи!

- И тебе не хворать, - отдышавшись, улыбнулась Женька. - Вот это поцелуй... Эй! А ты что застыл как вкопанный? Идем же, идем!

Держась за руки, княжна и ее верный слуга спустились к пристани, к Днепру, к отражающимся в черной воде кострам, к хороводам, к песням, к веселящимся людям, к прыгающим через костры парням и девушкам - к празднику, уже переплескивавшемуся через край звездной и теплой ночи.

Дай нам житцу да пшеницу,
Лада наша, Леля,
Ровны гряды, ровны зряды,
Лада наша, Леля!

Со всех сторон слышались песни и смех, жарко горели костры, покачивались у пристани ладьи и лодки. Играла свирель, звенели бубны, из расставленных на берегу больших чанов и бочек наперебой черпали туесами брагу. Поднесли и Женьке с Велесием.

Эх, Ладо, Ладу-Лель!

Княжна хотела было посмаковать бражицу, как вино, да не дали:

- А ну-ка, махом, дева, единым махом! Амм!!! А теперь поцелуйтесь!

Кого-кого, а уж Женьку-то долго упрашивать было не надо. Накрыв губами теплые губы Велесия, княжна долго не отпускала парня, до тех пор, пока бедолага не задышал так тяжело, что стал задыхаться!

- Ай, молодца, дева, ай, молодца! - с добрым смехом похвалил бражник. - Вот те еще туес!

- Ой, нет, нет! Не сейчас, позже.

Наморщив нос, девушка замахала руками и, усмехнувшись, толкнула локтем в бок застывшего камнем парня:

- Ты что такой замороженный? Не понравился мой поцелуй?

- Очень понравился, госпожа! Очень. Я так ни разу... ни с кем...

Юноша опустил голову, и слегка захмелевшая Женька погладила его по волосам, спросила шепотом:

- С языком первый раз, да? Подожди еще...

А кругом все пели, плясали, гудели дудками, били в бубны:

- Эх, Ладо, Ладо-Лель!

- Аой, девки, прокачу! - наперебой зазывали лодочники. - До Почайны-реки да обратно!

- Ну, что, Велесий? Покатаемся? А ну, айда в лодку!

Ушлый лодочник - не старый, но и не молодой уже мужик лет тридцати, круглолицый, с темною бородою, - насажав целую лодку молодежи, с десятков парней да дев, отчалил, с прибаутками заработав веслами, а потом и затянул песню.

Девки, бабы —
На купальню!
Ладу-Ладу,
На купальню!

- начал лодочник.

Все сразу же подхватили, дружно и весело:

Ой, кто не выйдет
На купальню,
Ладу-Ладу,
На купальню,
А тот будет
Бел-береза!
Ладу-Ладу,
Бел-береза!

- Вон вам и купальня! - Оглянувшись, лодочник направил челн к берегу, залитому лунным светом узкому песчаному плесу, за которым угадывался заливной луг. - Не ведаю, может, тут уже и есть кто. Да все одно - помехой не будете! Погодя немного, за вами приплыву.

- А вода-то теплая! - радостно закричали в лодке.

Кто-то уже выпрыгнул на отмель, побежал к берегу, поднимая брызги.

- Эй, эй, девы! - бросил весла мужик. - А поцелуй?!

- Ой! Да мы посейчас, дядечка!

С веселым смехом девчонки - а с ними и Женька - набросились на лодочника... тот радостно распахнул объятия...

- Эй, эй, дядько! - забеспокоились парни. - Нам-то дев оставь.

С воплями скинув одежду, молодежь бросилась в воду... не все, правда, некоторые - особо стеснительные - отошли в сторонку...

- Ну, - сняв юбку, оглянулась княжна. - Давай и мы купаться.

- Да-вай... - Велесий облизал пересохшие губы.

Стащив через голову рубаху, Женька постояла недолго в серебряном лунном свете, погладила себя по бокам да, поднимая брызги, бросилась в реку... Вынырнула, поплыла саженками да, перевернувшись на спинку, помахала парню:

- Эй, эй, ты не замерз там? Смотри... сейчас к другим уплыву.

- Не надо к другим, госпожа...

Миг - и юноша оказался рядом, нырнул... вынырнул...

- А давай наперегонки! - хлопнула его по плечу Женька. - Во-он до того мыса.

- Где клен?

- Какой же это клен? Это ива.

- И впрямь...

Княжна доплыла первой - еще бы, туристка все-таки, не какая-нибудь там Гюльчатай! На отмели перевернулась на спину, глядя, как подплывший Велесий, отфыркиваясь, смотрит на ее грудь, усмехнулась... Поднялась на ноги, повернулась... сдув с плечика капли, глянула искоса...

- Устала что-то. Пошли на бережку посидим...

- Как велишь...

Они уселись рядом, в траву, ласковую и мягкую... то есть конфузливый юноша поначалу сидел чуть в стороне... пока Женька не попросила:

- Брр... замерзла что-то. За плечи-то меня обними...

Ах... наконец-то!

- Лель-ладо, ладо-лель, да Роженицы девы...

Прочитав бабулино заклинание «дабы не понести», девчонка ощутила плечами мужскую ладонь...

- А погладь мне спинку, Вел... Вот та-ак... та-ак... Теперь ниже...

И снова на губах пряный вкус поцелуя, глубокого, с языком, и биение сердец, и томный шепот, и теплая ладонь, гладящая налившуюся соком грудь...

Почувствовав, как внизу живота начинает разгораться пожар нешуточной страсти, Женька, увлекая за собой парня, повалилась в траву, на спину... чуть вскрикнула... застонала... на миг закусила губу... А потом уже и не сдерживалась вообще, отдаваясь накалу любовной страсти, ощущая жар рук, нежно ласкающих тело...

Майкл! Майкл! Майкл...

- Ой, госпожа моя... мы ж никогда не сможем быть... и вообще...

- Ох, милый Вел! Не думай об этом... просто наслаждайся, ага? Ложись-ка... ну... Поцелуй мне грудь... Вот так... так... та-ак... Теперь просто лежи...

Юноша не выдержал, застонал, почувствовав, как жаркие губы княжны скользнули по его груди вниз, и через несколько мгновений любовная страсть вспыхнула вновь с новой всепоглощающей силой. Ласковые девичьи руки гладили спину и плечи, твердеющие соски царапали грудь, горячие бедра давили...

Выдохнув, Велесий обнял княжну за талию, погладил упругую грудь, спину... прижал к себе стонущую дергающуюся деву... и сам застонал, ничуть уже не конфузясь. Да и что сказать - на всем плесе занимались сейчас тем же самым. За тем и приплыли. Дабы не оскудела плодородием матушка-земля, чтоб получила силу.

Славно было кругом. Где-то далеко, на том берегу, желтея, горели костры, темные волны реки ласково лизали плесо, а в бархатно-черном ночном небе завистливо шурились звезды.

В храме Перуна - куда и собирались по пути заглянуть - юная княжна со своим помощником-любовником оказалась лишь ближе к утру, когда в небе, за Днепром, уже сверкали зарницы, предвестники погожего летнего дня. Праздник заканчивался, народ постепенно расходился, улицы детинца уже казались пусты, хотя внизу, на Подоле, у догоравших костров еще толпился народ да причаливали к затягивавшейся легким предутренним туманом пристани лодки.

Мощные - среди частокола - ворота капища оказались запертыми, что, впрочем, ничуть не смутило Велесия, тут же принявшегося барабанить в них едва ль не ногами.

Никакого конкретного плана у Женьки не имелось - просто зайти, поговорить с кем-нибудь... додумывать приходилось на ходу.

Юноша вновь принялся колотить, правда, недолго - из-за ворот послышался чей-то заспанный голос:

- Нет никого! Чего колотишь-то?

- Как это нет? - подняла голову Женька. - Ну, ты же есть!

- Так я ж не волхв... так, помощник. Ежели надо чего - завтра приходите, к вечеру.

- Так мы...

- Тсс! - Княжна накрыла губы Велесия ладошкой. - Я говорить буду. Я знаю - как.

Ухмыльнулась и тут же повысила голос:

- Нет волхва? Жаль. А мы Перуну великому браслетик золотой принесли - пожертвовать. Хотели спросить счастья. Ну... раз говоришь, не вовремя, тогда, конечно, уйдем... Пока, не кашляй.

- Эй, эй... - Тяжелая створка ворот со скрипом отошла в сторону, явив незванным гостям заинтересованную физиономию служки... или кто он там был, младший жрец, что ли?

Лицо явно прохиндейское - круглое, щекастое, какое-то цыганистое, с бегающими темными глазками. Вдобавок ко всему - редкая бороденка, темный, падающий на лоб оселедец - почти как у князя.

- Давайте сюда ваш браслет, - ухмыльнулся парняга. - Так и быть, погляжу - достойно ли великого бо Перуна скромное подношение ваше.

- Ага, сейчас, одному такому дали, - Женька уперла в бока руки и прищурилась. - Ты наспусти, мы сначала помолим, попросим, а уж потом - браслет. Вот он!

Девушка показала запястья - жрец облизнулся, икнул:

- И все равно - не можно. Миронег-навий, волхв, строго-настрого наказывал в неурочные часы никого не пущати. Бывало, сюда и с Дажь-бога капища негодники заглядывали, и варяги пьяны пробирались - разор учиняли храму, тако!

- Разор - хо? - обидно хохотнула Летякина, уже давно отметившая про себя жадно шарящий по ее телу взгляд молодого жреца - прямо раздевал, поганец, глазами! - Чего ж Перун-то за слуг своих не вступился?

- Не гневи богов, дева! - Жрец испуганно попятился и замахал руками. - Чур меня, чур! Разве могут простые смертные знать волю великого Перуна? Прочь, прочь пошли...

- Ну и ладно. Так браслет храму не нужен, ага.

- Браслет давайте! - с неожиданной властью жрец протянул руку. - Сам за вас помолю! Мое-то моление куда как лучше вашего ушей Перуна достигнет!

- Кто бы сомневался! - Женька неожиданно улыбнулась. - Двоих не хочешь, так одну меняпусти. Или боишься, что и я одна разор устрою?

- Ты... ты - заходи, - облизнулся парняга. - Заходи, не бойся - ничего дурного тут с тобой не будет.

- Еще бы!

- Ты что, госпожа?! - В ужасе округлив глаза, Велесий, забывшись, схватил княжну за руку. - Тебя? Одну? Не пущу!

- Да брось ты, - вырвав ладонь, со смехом отмахнулась девчонка. - Что там со мной - посреди детинца - случится-то? Я сказала - пойду! - княжна резко повысила голос. - А ты здесь жди... и, коли с восходом не появлюся, беги к Свенельду за воинами.

- К Свенельду? - моргнув, переспросил юноша.

- К нему, к нему.

- Понял.

Едва только Женька вошла на просторный двор храма, жрец поспешно затворил ворота, заложив в петли тяжелый брус – засов.

- Всяких тут ходит... глаз да глаз! – счел нужным пояснить помощник волхвов. – Мы-то, поляне, Перуна чтим, а вот те же радимичи или кривичи – не особо. О древлянах уж и не говорю, про варягов тем паче. Свенельд – случайно услышал – это родич твой?

- Родич, родич.

Княжна с любопытством осматривалась – первый раз она была здесь во время собственной свадьбы, и тогда, кроме золотого, с серебряными усами идола да вечно горящего огня, ничего толком не рассмотрела: ни мощные, поддерживающие крышу столбы, наподобие колонн греческих храмов, ни окружавшие идол Перуна другие статуи – поменьше... ни темный притвор, забранный деревянной решеткой.

Внутри капища ярко горели факелы, освещая объемистый, стоявший слева от Перуна чан и идолов с густо намазанными жертвенной кровью губами.

Покосившись на притвор – если где-то и держали несчастных девчонок, так только там, – княжна подошла к чану и, справившись с тошнотой – вдруг, да там кровь жертв или кишки? – с подозреньем принялась:

- Тут у тебя брага, что ли?

- Брага и есть! – Жрец с гордостью выпятил грудь... и опасливо покусал губы. – А Свенельд, он...

- Да не бойся ты Свенельда, – поспешно успокоила Женька. – Пока не попрошу – не обидит. Тебя как звать-то?

- Роксан.

- Как-как?! – Летякину пробрал невежливый хохот.

- Роксан, – тихо повторил жрец. – Обычное имя, чего ж.

- Хорошо – не Оксан! – Княжна все же расхохоталась прямо парняге в лицо и, едва справившись с хохотом, скромно поинтересовалась, пьет ли «уважаемый волхв Роксан» брагу.

- Брагу? Конечно, пью – во славу Перуна!

- Х-ха! – девчонка хлопнула жреца по плечу. – Так что ты тогда мозги паришь? Давай, беги за стаканами!

- За ста...

- Туеса, говорю, неси! Или из чего у вас тут пьют, из рогов, что ли?

Через пару минут Женька и «кудесник младшего изводу» Роксан, уютно устроившись на

разбросанном не遠далеке от притвора сене, недавно накошенном лично кудесником для жертвенных коз, болтали «за жизнь», прихлебывая брагу из больших деревянных кружек. Несколько успокоенный жертвованием золотого браслета жрец больше Свенельда не вспоминал, но к Женьке все же относился с опаскою, даже боялся спросить лишнего... покуда немножко не захмелел – тогда, забывшись, положил руку госте на бедро, погладил...

– Но-но! – Княжна щелкнула его пальцем по носу. – Хороший ты парень, Роксан, но... начнешь приставать – ка-ак двину! Да и Свенельд с омовцами своими, варягами, прибежит, разнесут тут все. Тебе оно надо?

– Что ты, что ты! – замахал рукой волхв. – Нам такого ненадобно.

– Вот и я говорю, что ненадобно, – княжна спокойно кивнула. – Потом, может, как-нибудь с тобой встретимся. Только где-нибудь в другом месте, ага?

– Ага!!!

Обрадованно воспрянув духом, молодой волхв бросил на девушку полный самого искреннего восхищения взгляд:

– Понимаю – Свенельд следит, родичи...

– Да уж, особо не расслабишься. Ну, наливай. Чего сидишь-то? Вкусная у тебя брага, Роксан. Недаром боярин Раскоряк так хвастал... Его что, здесь тоже поят?

– То не я, – отмахнулся Роксан. – То Миронег-волхв. Они с Раскоряком – одного поля ягода.

– Так Раскоряк же – христианин!

– И что с того? – Черпнув из чана браги, жрец протянул кружку госте. – Он и Перуна не забывает, и еще многим богам молится, требы творит. Мнози то боги вернее помогут, нежели один, ага.

– И девок своих Раскоряк в жертву Перуну привел, да?

– Тсс!!! – Роксан глянул на Женьку вмиг протрезвевшим, неожиданно злым взглядом и осторожно поинтересовался:

– Тебе про дев-то боярских кто рассказал?

– Так сам же он, Раскоряк, и хвастал как-то в бильярдной...

– Э-э... где хвастал?

– Ну, в клубе... короче, мозг не выноси, а!

– Ах, это он сам сказал... проговорился, змий...

– Говорю ж – сам. Ну, наливай уж!

Роксан свалился первым. Уронил голову на солому, захрапел, блаженно пуская слюни. А Женьку вот бражица не брала – чай, не водка, не вино даже. Интересно, сколько в ней градусов? Девять? Двенадцать? Хотя если такими кружками пить, то...

- Ой!

Подойдя к воротам, Женька вдруг осознала, что отодвинуть засов она не может! Ну, вот никак! Или засов тяжел был, иль уже руки не слушались.

- А, ладно...

Сняв пояс, девушка размахнулась, пытаясь накинуть на частокол - на одно из бревен - петлю, да потом связать «стремя», забраться... Ага! Не тут-то было! Какое, к чертям собачьим, «стремя», когда веревка лихо улетела за частокол.

- Промахнулась, - оглянувшись на храпящего жреца, Женька озадаченно почесала голову. И услышала раздавшийся из-за частокола голос Велесия.

С первыми лучами солнца доставленная своим верным слугою княжна уже сидела на высоких ступеньках крыльца, напевала про себя что-то из репертуара «Троль гнет ель» и, глупо улыбаясь, пыталась сообразить - где и с чего она так напилась-то?

У Ирки Оторвы на дне рождения, что ли? Или с Колькой Смирновым - «Смирненьким» - аккуратно после секса? Или...

- Госпожа моя, надо б в хоромы, инда...

- А все уже, Вел! Поздно боржоми пить, когда почки опущены.

Увидев появившуюся во дворе княгиню Ольгу - грузную, строгую, в бесформенной ромейской хламиде и черном клобуке, - Женька попыталась подняться на ноги, да так и не встав, поспешно прогнала Велесия:

- Майкл, прочь поди!

- Но, госпожа...

- Говорю же! Мигом! За крыльцо беги... иначе потом - никакого секса!

Юноша все же внял, а скорее, просто испугался приближающейся княгини, спрятался. И вовремя! Впрочем, на него-то Ольга и не смотрела, даже бровью не повела... а вот что касается невестки...

- Видать, правду говорят девки, пьяным пьяна!

- А что, я уже и выпить не могу... в праздник, с дру... с девчонками? Ну, взяли мартини, и что? Ты, вообще, кто такая, а?!

- В поруб ее. - Махнув рукой подбежавшим слугам, княгиня-мать скорбно поджала губы. - А как проспится - ко мне. Ужо я ей посиделки устрою. Ух, корвища!

Глава 7. Лето 964 г. Киев. Интриги

- Ну? Что скажешь?

Великая княгиня смотрела на осунувшуюся с похмелья невестку с нескрываемым осуждением и неприязнью, даже с ненавистью, едва сдерживаясь, чтобы не ударить, не пнуть ногою, не

велеть взять в плети. А ведь и правда – разложить бы сейчас паскудницу эту на лавке да всыпать...

Все эти мысли Женька легко угадывала, да и сложно было б не угадать... Впрочем, кое на что она все же рассчитывала – на свои мозги в первую очередь. Чай, не только с браги маялась, еще и от того, что почти всю ночь не спала – думала.

Думала-думала – и придумала. Вспомнила, как неприметно ехала Ольга в церковь – без почестей, без особой свиты. словно мышь проскользнула – и это великая княгиня-то! Значит, не слишком-то престижно быть в языческом Киеве христианином, похоже на то, что многие вообще почитали Христа тайно. На это и нужно было давить в оправданиях.

Шмыгнув носом, Женька пригладила растрепанные волосы – так ведь с непокрытой головой и стояла – для позора! словно кающаяся грешница, которой в глазах княгини-матери и была.

Помотав головой, грешница вздохнула и, опустив глаза, дабы не глянуть ненароком с вызовом да с усмешкой, промолвила негромко, но и не слишком тихо:

– Я, как из церкви вышла, свенельдовых отроцев за собой увидала... и сразу на берег пошла, чтоб не подумали чего...

Ольга сурово поджала губы:

– Веры своей застеснялась?!

– Как и ты, матушка, как и ты, – не удержалась от дерзости юная княжна.

Усмехнулась почти в открытую, да еще и добавила:

– Если уж ты опасаясь, то мне и сам Бог велел.

– А в капище языческое зачем заходила?! – Княгиня недоверчиво прищурилась. – Мнози тебя там видали. Там, поди, и брагу пила, идолищ поганых славя?

– Говорю ж – следили за мной свенельдовы... Правда, теперь думаю – свенельдовы ли? Двоих видела, светлоглазых... Нет, узнать – не узнаю, а только кажется, я обоих у Святослава-князя в дружине младшей видала. Его, его отроки! Приглядывать за мной оставил! Вот и пришлось после церкви святой по капищам мерзким шастать. А как же? Я ж с мужем своим должна одной веры быть!

Морщинистое лицо старой княгини помягчело, сделавшись не то чтобы добрым, но все ж не таким суровым и злым, каким было еще пару минут назад.

– Так что же, Святослав-князь не ведает веры твоей? Ах, да... – Ольга махнула рукою. – Не успел проведать еще, слишком уж мало вы вместе были. А людишек его ты правильно пасешься! Токмо мне о них надо было сразу сказать.

– Не успела, матушка. – Женька скромно потупилась и, покусав губы, тихо спросила: – Мне б в церковь сходить, помолиться, очиститься, за язычество свое невольное покаяться. Да боюсь! Вдруг да заметят, потом мужу моему донесут.

– Это верно, верно, – задумчиво промолвила княгиня-мать. – Значит, сынок мой людишек за тобой поставил – это он мог, мог. И вера твоя ему не по сердцу станет – то так. Он и меня-то

корит, а уж тебя... Пастись надо, чадо! В тайности веру держать, яко во времена римские было! Ох, Господи, Господи, Иисусе Христе!

Перекрестившись, Ольга поднялась с высокого деревянного кресла, сверкавшего позолотой, словно императорский трон. Или вовсе не позолота это была, а чистое золото?

- Что смотришь? - перехватив заинтересованный Женькин взгляд, неожиданно улыбнулась княгиня. - Константина-кесаря подарок, отца моего духовного... царствие небесное ему во веки веков, аминь!

Ольга быстро перекрестилась... а следом за ней - и невестка.

- Вот что, дочь, - уходя, оглянулась княгиня-мать. - Правду молвю, ты мне не по нраву прилася - слишком уж дерзка, гордыней обуяна, ко всяким мерзким порокам лестна. Одначе - одной с тобою мы веры, веры истинной, христианской, что покуда, увы, на Руси не в чести. Потому - помогати друг другу будем. От людишек княжьих тя обороню, но и ты, якоже муж твой, а мой сын из дальнего похода вернется, будешь мне о нем все докладывать, все мысли его, все задумки, все! Выведай и мне обо всем говори - тако и мы с тобой в мире жить будем... А в церковь - сходи. Оденься токмо понеприметнее да слуг с собой не бери - не привлекай чужих взоров. Да! Раскоряку-боярину дев не ищи, заходил, сказывал - не нать боле.

Женька едва сдержалась, чтоб здесь же, сейчас, не дожидаясь ухода Ольги, закричать:

- Йес!!!

Выкрутилась! Мало того, перетянула старую княгиню на свою сторону... как-то так.

А то, что для этого за собственным мужем для свекрови шпионить согласилась - так что с того? Чай, не чужие - одна семья. Да и не все рассказывать можно... и когда еще Святослав вернется-то - у-у-у! А до этого-то момента исчезнуть бы отсюда поскорее, добраться до родных мест, до Выдь-реки... а там... Заклинание «на отвор двери» девушка не забыла, даже пыталась и здесь, в детинце, пробовать - да не выходило. Выйдет ли на Выди? Об этом Женька пока старалась не думать, хотя специально мысли те из головы не гнала. Но и не особо переживала - сначала сделать задуманное, сбежать, попробовать, а уж потом... Не получится обратно в свою эпоху вернуться - тогда и думать, как жить да где. Тогда уж лучше княжной, да... и бегство нужно похитрее обставить, чтоб ежели что - вернуться.

Пожалуй, теперь только одно дело и осталось - убраться поскорее отсюда! Тем более пропавших - принесенных в жертву Перуну - дев искать больше «не нать» - не надо. Жалко, конечно, девчонок, и с боярином Раскоряком, козлом, за них бы посчитаться нехудо, да... Тут ведь все такие! Идолищам поганым в жертву людей принести - раз плюнуть. Одно слово - язычники.

Толстопузый боярин, облизав жирные пальцы, закусил мясо хлебушком и снова потянулся к братине:

- Вкусное у тя пиво, Миронег-волхв! Ну, что, выпем!

- Во славу Перуна, Сварога и детей сварожичей, - опрокинув чашу, не преминул заметить волхв. - Почаще заходи, почтеннейший Раскоряче-друже!

Сутулый, тощий, с длинной и узкой бородой, выкрашенной рыжей персидской хною, жрец, однако, выглядел вовсе не на свои пятьдесят годков, а куда как моложе. Весь был жилистый,

сильный, горбатый, сильно выдающийся нос напоминал клюв хищной птицы, на тонких губах играла улыбка, темные, глубоко посаженные глаза цепко смотрели на гостя.

Как и всегда, волхв был одет в длинную белую – нынче измазанную свиным жиром – рубаху с вышивкой, на поясе и на шее болтались ожерелья из мертвых птичьих голов. Поговаривали, что в головах этих – источник неумейной любовной силы жреца – о ней в Киеве ходили легенды.

– Во славу Перуна!

Поставив братину, гость – известный многим в Киеве боярин Раскоряк – завистливо посмотрел на жреца, подумав, а не купить ли у него такое вот ожерелье – чтоб девки под тобой плакали, стонали, вопили! Не помешало бы, да вместо принесенных в жертву наложниц боярин уже давно прикупил новых. Тех-то, прежних, было не жаль – круглоголовые, молчаливые, как и все кривичи, девы вовсе не обладали волшебным искусством любви, лежали, как бревна, и толку от них особого не было, потому и расстался с ними Раскоряк без жалости – да ведь и было из-за чего! Давно уже молил у богов наследника, а все рождались дочери, девки... Девки – и от наложниц, и от жен, ну, кому все после смерти оставить – зятям чужеродным? А оставлять было что – окромя земли с людьми да усадеб, еще и амбары на пристани в Киеве, и ладожские склады, и восемь торговых ладеек с командами, и... Да много чего.

– Я тебя вот зачем позвал-то, друже...

Когда ели мясо, Миронег прогнал слуг и перешел к главному, ради чего и пригласил, собственно, боярина в свои хоромы, о которых мало кто в городе знал, но коими так хотелось похвастать. И нынче было – перед кем.

– Помощник мой, Роксан-кудесник, младшего изводу волхв, про тебя мне рассказывал...

– Про меня?! – выплюнув на пол кость, встревоженно напрягся боярин. – И что твой волхвенок болтал?

– Он – ничего. – Жрец пожал плечами и хитро прищурился. – А вот кое-кто другой... другая... Про девок твоих выпрашивала, тех, что ты в жертву...

– Выпрашивала, говоришь? Да кто ж такая-то?

– Самому б знать интересно...

Волхв Миронег нарочно распалял гостя, зная о том, что, кроме правильных, местных, богов, Раскоряк тайно поклонялся и странному ромейскому Христу. Зачем это было надо боярину – понятно, сына просил. Непонятным поначалу казалось другое – зачем жертвы тайно принес? Пусть бы все видели, знали – и что с того? Наоборот, одобряли бы и даже б по-хорошему завидовали – вот, мол, какой в высшей степени правильный человек боярин Раскоряк, как он чтит родных богов, ничего для них не жалеет.

Так нет! Не хотел боярин огласки. Боялся кого-то... Миронег вскоре понял – кого. Ольги-княгини, вот кого! Та ведь в тайности поклонялась Христу, как и Раскоряк тоже, и, конечно, жертв Перуну бы не одобрила. Похоже, именно через старую княгиню боярин втихаря сбывал оброки в ромейские земли, о чем, естественно, никому не рассказывал – Миронег догадался сам, случайно вызвав через верных людишек.

А нынче вот кто-то выпрашивал про принесенные боярином жертвы... кто? Кому это все надо

и, самое главное, – зачем?

То и боярин Раскоряк хотел бы знати.

– Дева, говоришь?

– Так Роксан сказывал – а он парень неглупый. И дева-то приметная: красуля, синие глаза, кожа бела, волос темный, стриженный, без кос... И горда непомерно!

– Темный волос... без кос... О боги!!! Перун бо вещей! Иисус!!!

Изменившись в лице, гость вспомнил всех богов.

– Неужто это... неужто же... Что же она – прознала?

– Вижу, друже, ты деву это нехудо ведаешь.

– Не то чтоб не худо, иначе... Вот оно как вышло-то! Так что же?! – Раскоряк вдруг сверкнул глазами. – Твой волхвенок ей все рассказал?!

– Говорит, ничего не рассказывал, сама, мол, обо всем догадалась да хвастала. Ой, не зря!

– Что не зря? – Боярин задумчиво почесал бороду.

– Хвастала не зря, говорю, – охотно пояснил волхв. – И Роксану про все рассказала... знала, что тот обо всем донесет мне.

– И... что?

Миронег ухмыльнулся:

– Дева та ушлая что-то от тебя хочет, друже боярин. Думаю – так. Иначе б к чему ей тайны твои узнавать да шнырять всюду?

– Та-ак... – протянул боярин. – Если еще не рассказала, то...

– И лучше вам встретиться у меня. – Хитрый жрец, не упуская возможности, упорно гнул свою линию, именно для этого ведь Раскоряка сюда и позвал, а вовсе не по старой дружбе! – Встречу вашу тайно спроворим, потому как и дело твое – тайное, – сверкая глазами, напористо продолжал Миронег. – Чего дева хочет – спросит. Ежели уж больно много чего – так можно ее и... И никто никогда не узнает!

«Ага, не узнает... кроме тебя – никто!» – неприязненно подумал боярин.

Однако деваться-то было некуда, одному такое дело не спроворить – с женой самого князя бороться как-то не с руки! С княжной, с княжной... давно уж опознал Раскоряк настырную девку. Догадался – аж страшно стало, аж волосы на лысеющей голове – дыбом! Даже мыслишка закралась – а может, ну его все к ляду? Пущай княжна Ольге докладывает, чего уж... Ах, ах, рассвирепеет старая княгинюшка, много чего плохого наделать может... и от ромейского злата боярина отлучит – запросто!

Что ж тогда... Тогда надо с Миронегом – волхвы на Руси-матушке силу имеют немалую. Иное дело, что и Миронег что-то попросит... а вот тут и поторговаться можно, ага.

- Ты чего сам-то похощешь, друже Миронег?

- Немногое попрошу. - Жрец прищурился. - От ромейских твоих дел - треть.

- Треть?! - ахнул боярин. - Ну, ты и волчара, друже! Да хотя бы восьмую часть попросил, я б, может, и подумал, а так... Да пропади оно все пропадом! Ухожу!

Поднявшись на ноги, гость подбежал к двери, однако на крыльцо не выскочил, а обернулся:

- Ухожу!

- Восьмая часть все же мало, друже, - вздохнув, посетовал жрец.

- Мало?! - взвился на пороге боярин. - Это же все - мое! Нажитое! Еще и девке этой платить... ох, чувствую, немало.

Побарабанив пальцами по столу, Миронег хмыкнул в бороду:

- Ежели на четверть уговоримся, так деве-то и не придется ничего давати...

- Как это не придется? Она же... Да вы на кого...

- Не мы, друже Раскоряче, не мы. Есть на Подоле Криневера-ведьма, так она про деву ту стриженую, черноброву, с очами синими - про младую княжну! - очень даже выпрашивала. Я тогда еще не понял - к чему, а вот ныне... Ныне-то и думаю - а помогу-ка ведьме! Поможем, ага... За четверть!

- За мою четверть!

- Так ведь мы еще и с Криневеры-ведьмы чегой-то возьмем. За помощь! Не бери в голову, боярин, внакладе не будем. Ну, выпьем, что ли?! Да поможет нам Перун!

Переодевшись в простое платье, Женька с разрешения старой княгини теперь частенько ходила в церковь... и не только в церковь, выходила и за ворота, спускалась на Подол, на торжище, к пристани. Обычно ее сопровождал Велесий, правда, далеко не всегда - княжна старалась не давать повода всяким нехорошим сплетням, основания к коим, что и говорить, имелись.

С той июньской ночи на Ивана Купалу прошло уже больше недели, а Велесий не выдал своего отношения к юной госпоже ни единым словом, ни жестом. Хотя... как-то раз, поутру, Женьке показалось вдруг, будто юноша хочет ее обнять, поцеловать даже... и не раз, и не два... Но! Парень сдерживал себя. И это было правильно.

Хотя и Тяке, что и говорить, хотелось бы повторения - не святая же, обычная девчонка... княжна! Потому-то и нельзя, что княжна... Черт! Как же надоело быть осторожной! Ходить, оглядываясь - и это будучи столь знатной девой!.. впрочем, какой девой - женщиною, женой, - наступать на горло всем своим привычкам... Покурить, правда, удалось как-то, опять же - тайком, в уборной, как какой-нибудь не в меру развитой семикласснице.

Одно хорошо - грустить-то особенно было некогда. На пристани появились наконец ладожские гости-купцы - тот же симпатичный варяг Рогвольд, а с ним и другие.

Вот на этих-то «других» и рассчитывала нынче Летякина, справедливо полагая, что Рогвольд

ей в побеге не помощник – слишком уж накоротке был варяг со старой княгиней, слишком.

Ладожские гости разложили привезенные товары на длинных дощатых прилавках-рядках: варяжские мечи в оплетенных кожаными ремнями ножнах, кованые круглые шлемы, щиты, наконечники копий – есть где разгуляться мужскому взгляду, да и женскому – любо-дорого посмотреть: золотые и серебряные подвески, браслеты, серьги, застешки-фибулы – все ладожской работы, да есть и новгородской, и немецкой даже. Окромя всего этого – медные свейские крицы да прокованное железо – «уклад» – тут-то много кузнецов местных толпилось, из тех, кто вовремя не заказал, не успел.

– Красивый браслетик, – едва не встретившись с Рогвольдом, Женька обошла рядки далеко слева, почти у самой воды, заодно поглазев на ладожские ладьи – все большие, справные.

– Ты померь, дева-краса! – сказал торговец – или, скорей, приказчик – светлоглазый парень лет двадцати с темными волосами и бледным, почти не тронутым загаром лицом, неожиданно напомнивший Тяке Лешку Очкарика. У Очкарика иногда тоже такой вот делался взгляд – стеклянно-похотливый и вместе с тем – опасно-стеснительный. – А вот, красуля, дай-ко руку... Ага! Ну, в самый раз! Бери, бери – в цене сойдемся.

– Возьму, – согласно кивнула Летякина. – Только завтра. Придержишь для меня?

– Да уж, красавица дева, конечно! В том и не сомневайся.

– Может, и еще что возьму... – Женька, однако, нынче не собиралась уходить слишком быстро. – Твой хозяин кто?

– Хозяин? – Парень неожиданно расправил плечи и, явно красуясь собой, пояснил: – Я сам хозяин. И товар, и ладья – мои.

Таким тоном сказал, как некоторые старые Женькины знакомцы из той, прошлой, жизни, обожающие к месту и не к месту заявить, мол, «у меня своя фирма», хотя откуда может быть у двадцатилетнего сопливца «свая фирма», разве мама с папой на день рождения подогнали... вот как, верно, и этому...

– И вправду свая ладья?

– Обижаешь! А вон тот амбар, что у крайней пристани, – мой! Да про Лютикова Ждана в Ладоге у кого хошь спроси – скажут.

– И Урмана-ведунья тебя знает? – быстро уточнила Летякина.

Ждан поперхнулся слюной, но ответил с достоинством:

– Конечно, знает. А ты откуда...

– У меня муж по весне к вам в Ладогу с товаром уплыл да сгинул.

– Бывает. Путь-то опасен, да. А как мужа звали?

– Харрисон Форд... – Женька ляпнула, что пришло в голову, да еще и уточнила: – Небось, слышал?

– Да не доводилось, – повел плечом молодой купец. – Из варягов, что ль?

- Из варягов. Из наших, киевских. Мне б в Ладогу надо поскорее попасть – искала бы мужа.

- Верная жена, хо! – Ждан осклабился и, хмыкнув, спросил: – А не боишься?

- А у меня Урмана-ведьма в родичах! – нагло соврала девчонка. – Пробуй кто навреди.

- Урмана – да... Но ведь мужу-то твоему навредили...

- Может, и сам он себе навредил. В кости уж больно любит играть.

- В кости? Поня-а-атно... Тогда да, надобно супружника выручать.

- Надо. – Женька поджала губы. – Случайно, не знаешь, кто тут в Ладогу вскорости отправляется?

- Так я и отправлюсь! – неожиданно улыбнулся Лютиков. – Кой-что продам, приказчиков оставлю да еще одну ходку сделаю – до зимы обернуся всяко!

- Рисковый ты парень, Ждан!

- Потому и купец. – Парень выпятил грудь. – А не какой-нибудь там шпынь ненадобный.

- Так довезешь меня? Я заплачу, сколько скажешь, не сомневайся, – тут же уверила княжна, на всякий случай еще раз напомнив про «родственницу» свою – Урману-ведьму. Да еще этак мимоходом заявила что и кроме Урманы в Ладоге у нее верные людишки имеются – могут и амбары сжечь, товары разграбить.

Согласился купец, чего уж. Подумаешь – деву к мужу завезти. Тем более заплатить обещано славно. Так вот, денька через три, ближе к вечеру, встретиться и уговорились.

- Может, уже поутру и отправимся. Тогда и заплатишь. Уговор?

- Уговор!

Хлопнули по рукам – у Женьки аж ладонь загудела, да ничего не поделаешь – уговор-то надо скрепить было.

На обратном пути княжна зашла в Николаевскую церковь, помолилась. Не потому, что слезки от княгини опасалась, а так просто зашла – у Господа попросить удачи.

Попросила и – то ли от этого, то ли от того, что хоть что-то сдвинулось с места, – на душе стало неожиданно радостно, хоть и погода к вечеру испортилась – недолго громыхал гром, сверкала в лесах за Днепром молния, а здесь, в детинце, зарядил ливень.

Велесий умотал куда-то по своим делам – все же судебный служба, видать, припахало его начальство, Всерад-старец, где-нибудь «след вести», искать пропавшую корову или что-нибудь еще. Жаль! И не потому только, что хотелось видеть рядом хоть одного близкого и приятного человека, еще и выпить хотелось, намахнуть чарку стоялого медку – раз уж нету мартини, в такую-то погоду – самое оно!

Подумав, позвала-покричала Здраву – та пригнала челядинок, девиц, бочку водой теплой наполнили – мыться, – истопили (супротив сырости) печь. С печью-то и перестарались – жарко стало в горнице, душно, не помогало и распахнутое настезь окно, хорошо хоть девки принесли квасу. Хороший квас оказался, хмельной, с третьей-то кружки поддало не хуже мартини!

Поддало, да вот потянуло не на песни, не на гулянки, а в сон. Так юная княжна и уснула на лавке, потом уж девки раздели, на ложе перенесли, Женька не помнила – как, и что снилось – тоже не помнила, так уж крепко спала. И не слышала даже, как кто-то из девок-челядинок, тихонько распахнув дверь, скользнул в горницу босиком.

Осторожно подойдя к ложу, юная служанка постояла немножко, прислушиваясь, потом подивилась – княжна-то нагою спала, из-под одеяла лоскутного виднелась спина голая да плечо. Падали на подушку растрепанные темные волосы...

Обернувшись, склонилась дева низенько, клацнула принесенными ножницами да, прихватив с собою отрезанную прядь, скрылась в людской – никто ничего и не заметил, даже проснувшись утром Женька. Не присматривалась, да и не особо-то чего позади видно было, тем более в серебряное-то зеркало.

На Подоле, на самой окраине посада, у оврага, что в сторону Почайны-реки, среди густых зарослей ивы да чернотала притулился... дом не дом, храм не храм, а что-то среднее. Надежный, высотой в полтора человеческих роста, тын с тесовыми воротами скрывал от любопытных взоров просторный двор с птичником и амбарами и вросший в землю дом, крытый крышей из серебристой ольховой дранки, что далеко не каждый киевлянин мог себе позволить. Нет, в детинце-то, конечно, могли, но вот здесь, на Подоле... Хоть и невеликой, да зажиточной считалась усадьба, что и говорить, оттого и лаяли во дворе псы цепные, а на вкопанных у самых ворот столбах угрюмо скалились медвежьи черепа – защита от чужого взора.

Да никто особо-то сюда и не заглядывал без важного дела, все знали – хозяйка, Криневера-ведьма, за колдовство свое берет недешево. Не монетой ромейской звонкой, так коровами, птицей, рабами... особенно рабынь молодых ценила, частенько они у нее на дворе жили... а куда потом девались – и спросить было некому. Только в ведьминой избе иные черепа прибавлялись – человеческие.

Слухи, правда, нехорошие хаживали... Их и Ульяна-раба, челядинка княжья, к усадьбе подходя, вспомнила, задрожала. А ну как осерчает волхвица, рассердится? Возьмет да и сживет со свету... или кровь заговорит, так, что сгоришь вся от лихоманки! Запросто. Хоть и ни в чем себя виноватой челядинка не считала – все, как наказывала колдунья, так и сделала – а ведь боялась, даже, к воротам подходя, шаги замедлила, на черепа медвежьи покосилась со страхом. Постояла, Рода с Роженицами помолила да, смелости набравшись, постучала в ворота.

За тыном вскинулись, залаяли псы, да тут же стихли. Утро стояло раннее.

– Заходи, Ульяна, – послышался со двора спокойный женский голос, звонкий, да чуть с хрипотцой.

– Я, тетушка Криневера, спешила-спешила...

– Не оправдывайся, дева. Чувствую – не с пустыми руками пришла.

Распахнулись, словно сами собою, ворота, загремели цепями псы – двое их было у ведьмы, здоровущие кобели, черные, а зубищи такие, что разорвут всякого в один миг.

– Вот...

Войдя во двор, Ульяна старалась не смотреть по сторонам – беду не накликать бы!

- Я ночесь и срезала, как ты, тетушка, велела...

- Давай!

Статная, большегрудая, ничуть не старая, ведьма казалась бы очень красивой, если б не злое лицо да не красный огонь в глазах. Или... не было никакого огня и не было злобы - просто испуганной челядинке все это виделось.

Ульяна поспешно вытащила из-за пазухи небольшой узелочек, развязала...

Криневера улыбнулась:

- Добро!

- Так я пойду? - переминаясь с ноги на ногу, робко попросила девчонка.

Некрасивая, маленькая - особенно по сравнению с рослой ведьмой. Узкое, усеянное веснушками лицо, реденькие рыжие волосы... не красавица... Правда, если чуть-чуть приодеть да белила-румяна намазать ромейские... Однако, откуда у рабыни белила да одежда добрая?

Взяв отрезанную у спящей княжны прядь, Криневера ушла в избу и почти сразу вернулась, неся в руках небольшой горшочек с каким-то варевом.

- Вот, Ульяна, возьми, - улыбнулась колдунья. - Здесь все, что ты хотела. Красота, воля, богатства... и суженый-ряженный. Ему и подольешь вечером. Но сперва сама выпей. Выпей, а потом сразу искупайся в реке, грязь да пыль смой - и начнется у тебя жизнь счастливая, новая... Токмо в точности все исполни, как я наказала.

- Исполню, тетушка.

Подойдя ближе, ведьма ободряюще взяла челядинку за руку... словно бы высосала тепло, правда, раба не обратила внимания.

Поклонившись, Ульяна поблагодарила колдунью да поспешно зашагала прочь, чувствуя, как закрылись за спиной ворота. Вот и слава богам! Вот и все вроде...

Выпроводив гостью, Криневера первым делом зажгла от пустой - напоенной чужим теплом - ладони свечку из человеческого сала. Занялся синий огонек, дрожащий, слабенький... как и вся жизнь юной рабыни.

- Ну, вот. - Не отрывая взгляда от язычка пламени, волхвица поставила свечку на стол, присела рядом.

И принялась терпеливо ждать.

Между тем над Днепром уже всходило солнце, заливая радостным желтым светом округу, отражаясь в реке, вызывая к жизни утренние птички трели.

Становилось жарко, от напоенной ночным дождем земли-матушки шел пар, таял, поднимаясь к нежно-голубому небу. В зеленеющих по краям спускавшегося к реке оврага зарослях смородины и малины весело пели птицы, и душа юной рабы тоже радовалась - не таким уж и страшным все оказалось. И главное - она, Ульяна, со всем справилась. Никто ее не увидел... а ведь ежели б увидели бы, ежели бы застали... Девушка поежилась - представить страшно, что

б тогда было! С живой кожу бы сняли или другой какой смертью лютой казнили – то так... Но вот, однако же, упасли боги!

Спустившись вдоль оврага к реке, челядинка, как и наказывала ведьма, выпила из горшочка, огляделась вокруг да, скинув одежду, медленно вошла в воду – темную, теплую, чуть подернутую туманной утренней дымкой. Девушка улыбнулась – неплохая водичка! – зайдя по пояс, поплыла... и вдруг почувствовала, как свело ноги...

– Чур меня, чур! – испуганно воскликнув, Ульяна забила руками, закричала...

Крик ее застрял в груди, глаза закатились... и словно налитое свинцовой тяжестью тело медленно пошло ко дну. Одни лишь пузыри вырвались на поверхность с последним вздохом несчастной.

– Ну, вот и славно, – взглянув на погасшую свечу, потеряла руки колдунья.

Единственная ведущая к ней ниточка оборвалась – теперь, поди, догадайся, от чего вдруг начала чахнуть молодая княжна? Правда, срезанную прядь могут заметить... хотя и не должны б – не так уж и много волос срезала погубленная рабыня. Впрочем, заметят – не заметят – что гадать? Поторапливаться надо!

Весь день Криневера готовилась к колдовству – навести смерть не такое уж и простое дело, далеко не всякому волхву под силу. Тут уж надобно постараться – к Мокоши – матушке сырой земле – подластиться да иных богов не забыть, и в первую голову – Водяного, Водяника – он жертву принял, ему и благодарствие.

До самого вечера колдунья приготавливала необходимые снадобья – толченые змеиные головы да жабы лапы, жир покойника, отвар из семи трав: разрыв-травы, одолень-травы, болиголова, кипрея, желтой купальницы, лютика и папоротника, сорванного на Ивана Купалу – в колдовскую ночь.

Старалась ведьма: все сварила, выпарила, что надо – перетолкла-перемешала, ближе к вечеру сбегала на реку, выкупалась да, вернувшись на двор, поставила у ворот амулет, заговоренный на крови ящерицы – чтоб никто не пришел на ночь глядя, не явился бы, важному делу не помешал.

Стемнело. В черном ночном небе в окружении холодных звезд засияла полная, непривычно огромная луна, казалось, готовая вот-вот свалиться на землю. В доме колдуньи, в очаге, сложенном из круглых, заговоренных на милость богов камней, ярко пылал огонь; оранжевые отблески его, падая, плясали на темных ликах вкопанных по углам идолов, на волчьих и человеческих черепках, развешанных по стенам. Закипая, булькал над огнем котел – разогревалось колдовское зелье.

Зачерпнув варево деревянной, на длинной рукоятке ложкою, Криневера поднесла зелье к губам, попробовала... улыбнулась и, сбросив одежду, встала перед очагом нагою, как в невообразимо древние времена стояли перед могучими богами ее давние предки – слабые, беззащитные, голые... Эту слабость и беззащитность следовало пред богами показать, подчеркнуть лишний раз – мол, одна на вас, великие, и надежда! Кто мы, смертные, без вас? Никто. Помет, пыль, грязь на извилистом пути мирозданья.

– Водяной-водяник, русалии девы... – ритмично покачиваясь, затянула волхвица. – Сварог,

сварожичи... Мокошь – мать сыра земля... Конь-огонь, огонь-конь, ты скачи туда, не знаю куда... вам в жертву дева, дева-раба... была раба, да будет княжна... примите, примите... да мне угодите... много не попрошу, мало не порешу...

Колдунья опустила на колени, облизываясь и глядя себя по бокам, шептала все громче, все истовей...

– Конь-огонь, огонь-конь... ты скачи, скачи... далеко лети...

Все тело ведьмы, притягательно красивое, томное, с точеною талией и большой упругой грудью, покрылось потом. Крупные соленые капли стекали по спине до самого копчика, срывались с возбужденно торчащих сосков...

Нужно было еще не забыть ублажить главного местного бога. Криневера не забыла, она вообще не забывала ничего.

– Перун, бог великий, к тебе приидоше! Бери меня, бери...

Ведьма выгнулась назад, черные распущенные волосы ее коснулись глинобитного пола, глаза закатились, дернулась налитая грудь, и ручеек смешанного со снадобьями пота, накопившись в темной ямочке пупка, медленно потек вниз, к лону, уже пылавшему жаром.

– Возьми, возьми... – лаская себя руками, закричала колдунья. – Приди, приди!

Задержалась, застонала, словно бы сейчас принимала в себя любимого и сильного мужа. Так ведь и принимала! самого сильного, самого могучего, самого... самого Перуна!

И Перун подал знак! Сверкнула над Днепром одинокая молния. Громыхнул гром. Во дворе испуганно заскулили псы.

Вскрикнув, обессиленная колдунья тяжело повалилась на пол, растянулась пред очагом... и тут же вскочила на ноги – красивая, нагая, с пылающим взглядом...

Кипело, булькало варево...

– Перун, бог вещий! Приди, возьми...

Полетели в котел срезанные волосы княжны.

– Возьми, заberi – назад не верни!

Уфф!!!

Очаг вдруг зашипел и погас. Упал стоявший в углу идол. Опрокинулся на красные угли котел.

– Тьфу-ты! Чур меня, чур!

Отфыркиваясь от едкого дыма, колдунья выбежала во двор, упала перед воротами наземь, изогнулась, вытянулась, словно в «падучей», только что пена изо рта не шла. В черных, широко распахнутых глазах отразилась луна...

– Ее словно и нет... – едва слышно прошептала ведьма. – Нет и никогда не было! Но... она же есть... и – нету. Нежить! Нежить! – вот она кто! Вот так супружница у молодого князя! Нет ее, она не живет, не существует... Один лишь только морок! Потому-то и не берут ее боги к себе...

Чур меня, чур! Она же теперь отомстит, утянет в бездну – туда, откуда пришла. О, боги, боги... да как же я теперь... Но – почему я?!

Криневера быстро пришла в себя, уселась на вынесенную во двор лавку, зябко накинув на плечи хламиду, задумалась. Мысль-то пришла правильная – если нежить и будет мстить, так не ей, Криневере-ведьме, а той самой девке-рабыне... которой, по правде сказать, и мстить-то уже поздно.

Не-ет, не похожа молодая княжна на нежить из мертвой земли! По всем повадкам – не похожа. Да и Довмысл со Стемидом – рассказывали – не очень-то с нею цацкались. Им ведь она не отомстила! А должна была б. Нет, не нежить княжна, не морок... просто не такая, как все!

Боги, боги!!! А если все-таки – нежить, морена, морок? А вот и проверить – ежели явится мстить... а ежели нет, так... так, может, просто ножом или стрелой достать? Коль не подействовало колдовство, придется уж так, по-простому. Ах, утро вечера мудренее – подумаем, поглядим!

С утра уже Криневера к Миронегу-волхву и зашла, не покобенилась, не поленилась. Прямо в храм Перунов и заявила – Миронег удивлен был, однако ж удивленья своего не показал, лишь оглянулся на возившихся с сеном молодых жрецов да кивнул на каменную скамью у притвора:

– Садись, гостюшка, в ногах правды нет. Чего пожаловала?

Пожалуй, только Миронег-волхв мог так прямо спросить, не чинясь, о здоровье да родичах не спрашивая. Умен был, знал – с делом пустым Криневера никогда б не явилась.

– О княжне кое-что надо узнать, – так же прямо отвечала гостья.

Волхв вскинул брови:

– Так раба ж...

– Принесла. Но... еще кое-что надо. Человечка бы неприметного, посмотреть, последить – куда княжна ходит, бывает с кем...

– Роксан! – вместо ответа Миронег, обернувшись, подозвал одного из жрецов – круглолицего, с темным хохлом-оселедцем парня. Ухмыльнулся: – Вот тебе, Криневера-подруга, помощник. Сделает, что велишь.

Младший жрец молча поклонился.

– Добро. – Поблагодарив волхва, ведьма поднялась на ноги и махнула новоявленному помощнику рукой: – Пошли. Что делать, объясню по дороге.

Миронег-волхв, самолично закрывая ворота, проводил ушедших довольным взглядом. Довольным – потому что Криневера обратилась к нему, и ни к кому другому... хотя к кому еще ей обращаться? Дело-то такое... И, видно, что-то пошло не так, не получилось с первого раза – ну да Криневера – колдунья не слабая, что-нибудь да придумает... извернется все, а обещанное исполнит.

А ежели не исполнит, да княжьи люди на нее выйдут – так Миронег и ни при чем. Поди докажи! Единственная заметная связь – Роксан... так Роксан смертен.

Волхв младшего изводу, Роксан-кудесник, оказался золотом, а не парнем! Умным, понятливым, востроглазым. И жадным! Вернее сказать, не то чтобы жадным, а по-своему прижимистым хитрованом – в первый же день испросил у хозяйки медных ромейских монет – пул – да несколько бусин. Причину объяснил просто: «Пива попить со людищами».

Криневера сперва ошалела от такой-то наглости, а потом поняла – не со всеми людищами молодой жрец пиво пить собрался, а с теми только, кто для дела нужен. Хотя, оно конечно, мог и так просто выпить... да уж было бы дело, пусть пьет! Не так-то много и просит.

Роксан пил не зря, на третий день явился, как договаривались, к оврагу да все обсказал полностью, подробно – что, да где, да с кем.

– Есть при княжне парень один, судейский Велесий, закуп али рядович, хромец, но парняга ума немало и ликом пригож. Мыслю – княжна с ним заместо мужа тайно живаху. Иначе б с чего им вместе ходить да от взглядов чужих холодком закрываться, таиться.

– Холодком? – моргнув, переспросила ведьма.

– Ну, меж собой-то они – вась-вась, а на людях – холодно держатся, как и положено меж княжной да слугою, – охотно пояснил Роксан.

Ай, не дурак парень, не дурак!

– Та-ак.

– Еще с Рогвольдом Ладожанином у княжны приятствие, а окромя того, с другим ладожским – Лютиковым Жданом, купца Зверяты Лютича, с Ладоги, сыном. Ладья у него, у Ждана-то.

– И зачем она с ним встречается? – вскинула очи колдунья. – Узнал, нет?

– Чего же не узнал? Зря, что ли, пиво да бражку с молодым купчиною пиваху?

Роксан немного помолчал и продолжил:

– Сболтнул гость спьяну – мол, в тайности сговорила его княжна везти в Ладогу. Правда, про то, что она княжна, Ждан не ведает, дева торговкой сказала. Мол, муж у нее в Ладоге, так, дескать, надо к нему.

– В тайности, говоришь... как же ты-то прознал?

– А от меня, госпожа, ни одна тайна не укроется. Особливо когда с кем выпью.

Целый день, с утра и до вечера, даже до самой ночи, Женька Летякина ходила сама не своя, не в силах дожидаться отъезда. Завтра! Скорей бы завтра! Завтра, раненько с утра, отплывал в Ладогу молодой купец Ждан Лютиков... а с ним – и она. Скорей бы!

Почему-то думалось, что начинающаяся со сходней древней ладьи дорога обязательно приведет Тяку домой... Так и есть! Приведет! По-другому и думать нечего! Попытаться хотя бы...

Что и сказать – Женька всегда была девушкой решительной, даже, пожалуй, чересчур. Из-за этого, наверное, и здесь оказалась да теперь вот думала – как выбраться обратно. Да, решительная с излишком – но ведь не полная же дура! И перед старой княгиней Женя обставилась – отпросилась в недалний скит, пустынь, где совсем недавно один греческий монах поселился... или не греческий – свой. Туда дня три, там денек-другой, обратно – вот и неделя с лишком. А за это время беглянка надеялась далеконок уже быть – так, что уж не достать из Киева, коротки руки, телеграфа нет, да и погоня – а она уж, всяко, будет – нипочем не догонит. За неделю-то форы!

И от охраны хитрая девчонка избавилась заранее: Ольгиным гридям соврала, что со Свенельдовыми отроками поедет, Свенельдовым же – что с Ольгиными, особо-то дружинники меж собой не общались, да никто и не проверял, с кем. Да кому она тут нужна-то, окромя ушедшего в дальний поход супруга? Да и ему-то, сказать по правде, не очень, а уж старой княгине – тем более. И тем не менее – ловили бы, искали – так уж положено, принято. Как это так – юная княжна куда-то пропала! Нехорошо это, не по понятиям.

Казалось бы, Женька предусмотрела все. И значительную по времени (учитывая здешние средства передвижения) фору, и как обвести вокруг пальца охрану, и золотишка да серебра в дорогу припасла... А вот что с Велесием делать – толком и не решила. Взять парня с собой? Ну, нет – что он там потом один делать будет? По здешним понятиям – изгой, никому не надобный, тем более вдруг да и в Ладого его сыщут да в пособничество побегу княжны обвинят! Или – того хуже – в похищении! Нет уж, пусть остается здесь, в Киеве. Разве что проводить разрешить...

– Ты не вернешься?! – Вбежав в горницу, юноша упал на колени. – Я же знаю, чувствую... вовсе не в скит ты едешь, моя госпожа, – бежишь в родные края! От кого? Зачем? Иль кто-то прознал про нас с тобою? Так ты скажи только – с любимым за тебя посчитаюсь!

– Ах, Велик. – Наклонившись, Женька взъерошила парню волосы. – Ну, встань же, встань. Можешь даже поцеловать меня... если хочешь...

– Хочу ли? Хочу?

Ощув на губах терпкий вкус поцелуя, княжна словно бы провалилась в страну сказочных сладких грез, вмиг засосавших деву, словно вязкая тряпина, словно притянувший муху мед. Так, что Женька едва выбралась... а ведь хотела уже... Нет! Нельзя. Не за себя боялась – за Велесия. Жила-то ведь словно под стеклом – все подсматривали, подслушивали, доносили княгине. Вот и сейчас как бы не...

– Я приду попрощаться, – твердо заявил юноша. – Туда... на берег, к пристани. Знаю – ты там будешь одна. Никто нас не увидит.

– Пораньше приходи... – глядя парня по плечам, прошептала Женька. – Утром. До солнышка... Только вот ворота...

– Я со стены по веревке спущусь!

– Спустится он... Тогда уж давай вместе...

До солнышка еще было холодновато, туманно. Кинув со стены веревку, княжна ловко спустилась в ров да еще подстраховала Велесия. Так вот, никем не замеченные, они и

пробирались в тумане, слушая, как где-то наверху, на смотровых башнях, перекликается ночная стража.

- Еще даже сходи не спустили... – Велесий осторожно выглянул из камышей. – Рано мы...

- Нет, – тихо промолвила Женька. – Вовсе не рано...

Беглянка оделась в путь довольно легко – в удобный варяжский сарафан с широкими лямками поверх полупрозрачного, с короткими рукавами платья. Сарафан так быстро снимался... достаточно было расстегнуть фибулы... или просто спустить лямки с плеч.

Что девчонка и сделала, обнимая своего провожатого.

- Ах, Велесий, Вел... милый...

Упал в траву сарафан, и юноша сглотнул слюну, чувствуя под тонкой тканью платья зовущее тепло тела.

- Любимая моя... ты...

Не говоря больше ни слова, княжна властно притянула парня к себе, впилась долгим поцелуем в губы, с нарастающим довольствием ощущая, как нежные, но крепкие руки любимого проворно задирают подол, гладят по бедрам, по пояснице, по...

Упав в траву, Женька ловко стянула с Велесия рубаху... Юноша застонал, закусил губу... И вот уже застонала сама княжна, выгнулась, подалась лоном навстречу... ахнула, закатывая глаза...

Жарко целуя нагую красавицу деву, юноша жадно гладил ладонями ее тонкий стан, ласкал грудь, а вот, отпрянув, провел языком по сосочкам... накрыл поочередно губами...

- А трава-то здесь не очень-то мягкая, – чуть отдохнув, тихо засмеялась Женька. – И мокрая...

Поднявшись в туманном мареве, девушка подошла к раките, наклонилась, схватившись руками за ствол... обернулась лукаво:

- Кажется, у меня лист к спине прилип. Глянь-ка!

- Лист?

Велесий проворно подскочил сзади, провел рукой по голой Женькиной спинке – по ямочкам позвоночника, по плечам, по...

- На шее посмотри... ага... или ниже...

Юноша тяжело задышал и уже не искал больше мифический листик, гладил, ласкал гибкое тело любимой – вот снова пробежался пальцами по позвоночнику, от самой шеи – и вниз, легонько помассировал плечики, погладил ладонями спинку...

Девушка изогнулась, оглядываясь:

- Нашел? Кажется, он к груди прилип... Ой!

Велесия не надо было упрашивать что-то там искать. Обняв девушку, он прижался к ней всем

своим жарким телом, услышав лишь слабый стон...

А затем влюбленные унеслись мыслями к небесам – нежно и томно, так, что жар их юных сердец растопил, разогнал утренний холодный туман. Назло ханжам и завистникам, назло старой княгине, назло всем!

– Не провожай меня.

Прощаясь, Женька поцеловала парня в губы и поспешно отвернулась, дабы не было видно слез.

Велесий без слов взял ее за руку...

– Ты... ты...

– Хватит! – резко оборвала княжна. – Пора. Прощай, Велесий. Удачи тебе и счастья.

– Мне не нужно ни удачи, ни счастья – без тебя...

– Прощай... Ну, не иди же за мной – просила ж! Да храни тебя Перун!

– И Сварог... и роженицы-девы... пусть будут с тобой всегда!

Женька пошла к ладье, не оглядываясь, – как раз уже спустили сходни и стоявший у борта Лютиков помахал опаздывающей пассажирке рукой. Княжна все же обернулась... на Велесия. Увы, не увидела, хотя где-то в глубине души и надеялась... Что же он, и в самом деле ушел?

Опираясь на руку молодого купца, девушка ловко поднялась на борт. Корабельщики поспешно втащили сходни. Плеснула под мощными взмахами весел вода, хлопнул на ветру парус. Женька стояла на корме, смотрела... Позади нее уже сверкал над дальним лесом золотистый край солнца. Беглянка шурилась, по лицу ее бежали, капали слезы.

Глава 8. Лето 964 г. Киев – Поднепровье. Чужая

О, далче зайде сокол, птиц бя – и к морю...

Перун бо, кликнул тя – приди!

Макошь-сыра-земля, нынючи и в пламени розе...

Славно там, славно, дева – ведай!

Позарставлены там столики точеные,

Позаростланы там скатерти все браные

И положены там кушанья сахарные

И поставлены там питыи медвяные!

Склонившаяся над Малиндой-Женькой, Криневера-ведьма шептала погребальную песнь!

Нагая княжна лежала на ложе недвижной, с кожей бледною и бледным лицом. Глаза девушки были закрыты, сама она казалась бы мертвой, если бы иногда не вздрагивали пушистые опущенные ресницы да не пробегало б на пухленьких губках слабое подобие улыбки.

– Улыбайся, дева, радуйся! – время от времени опрыскивая княжну почерпнутым из кипящего котелка зельем, шептала колдунья. – Перун-боже примет тебя с радостью, не во сыру землю ты ляжешь, но вознесешься огнем...

– Нет! – сурово перебил скромно приткнувшийся в уголке жрец Миронег. – Никакого огня!

- Так ведь - Перун! - обернувшись, Криневера озадаченно сдвинула брови. - Ты ж сам предложил, чтоб ее - Перуну великому, а уж он силу ее - нам.

- Тако, так, - поднявшись на ноги, пригладил седую бороду волхв. - Однако же сама подумай - нужно ли нам, чтоб княжну сгинувшую - иль кто она там - долго и всерьез искали? А ну как проведает что? А искать будут, Ольга не отступится... А вот ежели княгиню молодшую мертвой найдут, опознают...

- Тогда отомстить захотят!

- Верно! Только мстить-то будут не нам - печенегам.

- Печенегам? - Ведьма удивленно моргнула и тут же хмыкнула. - Понимаю тебя, Миронеге-brate. Нынче рыскает их по Дикому полю немало. На них и свалим?

- На них. Или на хазар. Посмотрим.

- А Перун? Как с ним-то... - снова засомневалась волхвица. - Ежели без огня? Огненная-то жертва куда б как лучше была бы.

- Так она и будет огненной! - Склонившись над спящей девой, жрец зябко потер руки. - Мы сердце ее заберем, вырежем печень, достанем мозг - все это сожжем в ковчеге - Перуну!

- Сердце, печень? - Криневера вздрогнула. - Но... сердце нужно брать у живой!

- У живой и возьмем, - хищно прищурился волхв. - Иль тебе ее жалко?

Жарко горела лучина. Билось в очаге красноватое пламя, скалились развешанные по углам черепа. Невдалеке, за оврагом, громко каркали вороны, с черного ночного неба холодно мерцали звезды, дрожа, отражалась в речной воде полная луна, словно окрашенная кровавым светом. На дворе уныло завывали псы. Колдунья вышла утихомирить - прикрикнула. Когда вернулась, жрец Миронег гладил княжну по животу... впрочем, без особой похоти.

- Тощая какая, - обернувшись, прошептал волхв. - Бледная, словно поганка. А говорили - красавица. Вот, думаю - приятно ль Перуну будет? Достойно ли?

- Она и есть красавица. - Ведьма присела рядом на корточки. - Стройна, белокожа. Ноги длинные, крепкие, зубки ровные, белые, синие, как васильки-цветы, глаза, волосы шелковые... а лицо? Точное, как у... даже не знаю и у кого! Лучше-то посмотри - где ты такую красоту видел?

- Ну... да, - тихо согласился жрец. - Пусть не тощая - стройная. Но грудь-то маловата, а?

- Так она ж дева, а не корова! Чай, не доить.

Хмыкнув, Миронег хотел было сказать что-то про грудь самой ведьмы - довольно-таки увесистую и притягательно-тугую, - хотел, но не стал: ни к чему сейчас злить Криневеру даже в малом. Колдунья была нужна. Пока.

Ведьма, кстати, первой и высказала мысль о жертвоприношении - весьма здравую и весьма к месту. Если верить колдунье - а не верить волхв покуда не имел оснований, - то Чужая (так ведьма упорно именовала княжну) обладала какой-то невидимой силою, которая, при помощи могущества Перуна, могла разлиться и на жрецов. Надо было лишь правильно организовать

жертвование – требу. Миронег знал – как, и Криневера ему помогала, а кое в чем – играла и ключевую роль. Вот как сейчас...

– В дальнее капище повезем? – тихо уточнил волхв.

– В дальнее. Ты не помыслил ее – куда б?

– Есть бо, в ольжицких чашах, храм Перунов. Не велик, да знатен. Туда!

– В Ольжичи? – удивилась колдунья. – Не далече ли?

– Недалече.

Миронег снова погладил бороду, с похотливой ухмылкой оглядывая распростертое на ложе нагое девичье тело – спящую Малинду-княжну, юную красавицу Чужую, опоенную колдовским зельем Криневеры еще там, на ладье ладожского купца Ждана Лютикова, оказавшегося человеком вполне сговорчивым и прекрасно свою выгоду понимавшим. Торговый гость не стал ссориться с могущественными волхвами... даже из-за княжны, впрочем, он и не знал, кто эта дева такая, принимая за обычную купеческую жонку, коей хитрая беглянка и сказала.

Ах, права, права Криневера – не княжна эта тощая девка, нет! Была бы княжной – так бежала бы? А эта, вишь ты – попыталась сбежать. Куда? Зачем?

– Мыслию так – дорогу домой ищет, – словно подслушав думы волхва, ослабилась ведьма. – Искала... То чую я. И еще думаю – может, стоит ей прямую дороженьку показать – через огонь! Чтоб покладистая была, скромная...

– Не стоит. – Волхв резко дернулся и тряхнул бородами. – Сама ж говоришь – Чужая! Что у нее на уме? Вдруг да не согласится, вдруг да наоборот? Ничего ей объяснять не надобно, повезем силою, в сторожу крепкую возьмаху. Вот еще с девками молодыми цацкаться, ссюх малолетних, сопленосих, ублажать, уговаривать!

– Наверное, ты и прав, – подумав, согласилась ведьма. – Чего тут дурить – чем проще, тем лучше. Вот только сторожа твои... а вдруг она им скажет, что княжна, что украли ее? Не падут людищи твои духом?

Шумно выдохнув, Миронег неожиданно расхохотался:

– Им скажем – самозванка! От того, мол, и скрывалась, в бега ушла на чужой ладье. Да была б княжна – никуда б не делась! Что, мои люди – дурни, того не понимают?

– Добро. – Еще раз прыснув зелья на тугую грудь девушки, Криневера перехватила плотский взгляд жреца и улыбнулась. – Перед требой все ее поймете, по обычаю так – Перуна великого вместо.

– Не вместо, а во имя его! – строго поправил волхв. – Егда совокупляси – Перун бо вселяется, тако!

– Пусть так. Мне с ними отправиться?

– Так. Ты там – за старшую. Я же позжей приидоше, после вас через три дни.

Сказав, Миронег поднял глаза:

- Ты что-то не очень довольна, сестрица. Не бери в голову – нешто девку малую с сонмишем слуг верных не довезти?! Куда она от вас денется-то?

- Она-то не денется, – хмыкнула ведьма. – А вдруг и впрямь – печенег?

Гость снова захохотал, раскатисто и басовито-густо:

- Ну ты, сестрица, и скажешь! Откуда печенегам в той стороне взяться?! Там же леса непроходимые, чаща!

- Ты ж сам только что сказывал, брате, будто бы...

- Сказывал, так. – Волхв сурово насупился, строго взглянув на колдунью. – Смотрю, сомневаешься ты много, сестрица. О том не думай, когда понадобится – тогда и сыщутся печенег, у нас и стеры их, и сабли, и сбруя есть.

- Поняла, – отрывисто кивнула колдунья. – Так просто спросила. Когда отправляться?

- Завтра мы венки по Днепру пускаем, большим обозом с детинца выедем – всех и возьмем, в глаза бросаться не будем. А там... сперва на ладье, а уж дальше лесами – пущай муторно, да не так уж и долго. И места там – безлюдные.

- А не заплутаем?

- Не заплутаете. Роксан, помощник мой, путь зело ведает.

* * *

Женьке виделось все в каком-то дрожащем тумане, хмельном или наркотическом – тут уж и не поймешь, хотя, видит бог, никакой наркоты – даже травки! – девушка сроду не пробовала и впредь не собиралась. Словно кто-то переключал программы ТВ: вот байдарки, река, песни – а вот какая-то хмурая избенка со скалящимися черепами по углам, потом снова река, только уже не байды – ладья под парусом, а вокруг какие-то люди...

Вот на ладье-то – то ли сила колдовского зелья ослабла, то ли свежий воздух подействовал – беглянка начала понемногу приходить в себя, соображать – пусть покуда робко – что, к чему и где.

Ладья была явно не та, не купеческая, а раза в полтора-два меньше, и людей на ней было меньше, и гостя ладожского Ждана Лютикова нигде не видно... и вообще никаких знакомых не видно. Впрочем, вон тот толстомордый парень с чубом – где-то Тяка его уже видела... вспомнить бы, где?

Вспомнила! Это же... как его... жрец, что ли?

- Не трепыхайся, дева! – слышался за спиной властный женский – чуть с хрипотцой – голос.

Княжна резко обернулась, увидев по-хозяйски расположившуюся на корме грудастую тетку... особо не старую, даже несколько смазливую – мужикам такие нравятся. Вот только одежда ее казалась какой-то странноватой, вернее, даже не сама одежда, а аксессуары – птичьи перья, змеинные черепа и прочее. На гота, правда, тетка не походила ничуть – те анемичные, от всего отстраненные, эта же... совсем наоборот!

- Спокойной будь, сказываю, – холодно улыбнулась тетка. – От того и тебе, и нам добро.

- Почем я знаю, что от вашего добра мне не зло? – Женька язвительно хмыкнула и сплюнула в воду, чем вызвала в глазах гребцов самый искренний испуг и негодование.

Тетка тут же хлестнула ее ладонью по губам:

- В воду-то не плюй, тля!

Женька ответила тут же: ударила в скулу... жаль вот только удар вышел вялый, а то бы... Но и того, что было, – хватило вполне. Эффект оказался поразительным!

Все кругом – молодые парни – ахнули, округлив глаза с таким видом, будто пленница совершила сейчас невесть какое святотатство, а тетка, опешив, отпрянула, с ненавистью сверкая глазами...

Впрочем, надо отдать старушке должное – с собой она справилась быстро, лишь махнула рукой да бросила-приказала:

- Свяжите ей руки!

Что парни мигом и сделали – особенно старался тот самый, знакомец, как его... блин... Еще, гад, связывая, ухитрился и грудь пощупать... да все они...

Связав, Женьку усадили на корму.

- Ладно, – присев рядом, неожиданно ухмыльнулась женщина. – Что сейчас было – забудь, иначе в воду больше не плюй – Водяника гнев навлечешь живо! Знай – мы тебе не друзья...

Женька хмыкнула:

- Да я уже догадалась как-то.

- ...но и не враги, – продолжила тетка.

- Разбойники с большой дороги! – Пленница – а кто же еще-то? – невесело скривилась. – На купцов напали?

- Напали, – со вздохом призналась тетка. – Но кровушку не лили – купцы откупились: товарами да тобой.

- Что-то я ничего такого не помню.

- И не должна – тебя сон-травой поили... и поят. Коли слово дашь спокойно себя вести – перестанем.

Тяка окрысилась:

- А с чего мне слово вам давать? Вы меня в плену держите, бьете... связали вот... Выкуп хотите?

- Хотим, – женщина довольно кивнула. – И получим. Не скажу, от кого... Но – скоро.

- Интере-есно...

Обдумывая услышанное, Женька надолго замолкла – да никто ее больше ни о чем и не

спрашивал, лишь двое парняг, примостившись поодаль, пристально ели глазами – присматривали, видать, по поручению тетки. Ну, блин, разбойница долбаная! А Ждан-то, Ждан-то каков! Ну, купчина! Предал, сукин кот. Впрочем, а кто она, Женька, молодому ладожскому гостю-купцу? Напросившаяся в дальний путь спутница, не родственница ни с какого боку, чужая... Да она всем тут чужая!

Как беглая княжна ни думала, как ни гадала, а все ж не могла и в мыслях представить – кому ее хотели продать? Великой княгине? Тогда и обращались бы соответственно, как и положено обращаться с высокородной особой, супругой самого князя – шутка ли! Да и вообще, побоялись бы такое стремное дело провернуть, вон, чубатый-то из Перунова капища – Женька про то вспомнила. Как сидели, бражку трескали... как его звали-то... как-то смешно...

– Роксане! Твоя очередь грести!

Точно!!! Роксан! Ишь ты, собака, не признается... но глазками поедает, глазки-то бегают, да.

Не-ет, не княгине ее повезут... другим. Кому? Да мало ли охотников до молодых дев? Ромеям, хазарам, кривичам, да и своим, полянам – да всем! Девка здесь – не человек, а маленькая разменная монетка, мерило богатства хозяина и станок для ежегодного рожания детей. Вот только так, и никак иначе! Если ты не княгиня – ты никто, такие уж на дворе времена, и ничего с этим не сделать.

Кто бы ни были будущие покупатели, беглая княжна от них ничего хорошего для себя не ждала – не дура, прекрасно себе представляла, зачем покупают молодых и красивых девиц. Представляла и думала... хотя думать-то тут особенно было нечего, программа все та же – бежать! Как можно скорее бежать!

Чем же это они ее так напоили, что ни черта не вспомнить?! Ладью Ждана, поганца-купца, помнила хорошо, а что после... и как там, на ладье, произошло... как напали... как...

Женька покачала головой – болела голова-то! – и решила ни о чем пока не вспоминать, а думать о будущем – как половчее свалить отсюда. Во-первых, чтоб руки развязаны были – значит, нужно изображать покорность или, как сказала грудастая тетка – интересно, кто она такая? – спокойствие. Лишних вопросов не задавать, ни на какие агрессивные действия похитителей своих не провоцировать, быть тише воды ниже травы, а самой – улучшить момент! И – ноги в руки. Лучше всего в лес бежать – там поди ее сыщи... Вряд ли эта братва окрестные леса как свои пять пальцев знает. Судя по разговорам – нет!

Хотя эти парни и вообще-то не слишком охотно точили лясы да все поглядывали на свою хозяйку – да-да, судя по всему, так оно и было – хозяйка! Разбойница, бандитка, ах, чертова баба!

Она-то баба... А вот эти ребята – парни и есть. Молодые, кровь с молоком. Не раз и не два уже натыкалась пленница на похотливые взгляды... особенно часто посматривал Роксан. Улыбался даже. А вот – подмигнул.

Женька мигнула в ответ – чего уж. Может, и выйдет что?

Весь день, почитай, до самого вечера, пленница вела себя спокойно – усыпляла бдительность. По указанию предводительницы шайки ей даже развязали руки, дали какое-то питье в плетеной фляжке... Женька хлебнула – квас. Хороший, ядреный.

– Благодарствую, – отпив, едва ль не с поклоном вернула флягу подбежавшему парню.

- Вот и славно, - потряхнув ожерельем из змеиных черепов, одобрительно кивнула атаманша. - А то кочевряжилась, плевалась.

- Да это случайно я. - Девушка опустила голову. - Не сдержалась, уж извините.

- Вскорости пристанем к бережку, - усевшись рядом, промолвила тетка. - Связывать тебя не будем... на ночь только. Однако помни - ежели что, стрела достанет.

- Ой, да ладно. - Княжна отмахнулась. - Что я, дура, что ли? Да и куда мне бежать?

- Что верно, то верно - некуда. - Разбойница накрутила на палец темную, выбившуюся из-под убруса прядь. - Далеко не убежишь - поймаем. Да и есть ли в том смысл? Ты ж здесь чужая, и как с чужаками народ лесной поступает - думаю, ведаешь.

А вот тут ты права, корова чернявая, тут уж ничего не скажешь, чужаку одному - сгинуть только, пропасть. Воистину, как у Маяковского - «каждый сильный ему господин, и даже слабые, если двое».

Все так, однако Женька вовсе не собиралась надолго оставаться в этих дурацких лесах. Сбежать, спрятаться, переждать какое-то время, а потом... Что потом - об том время подумать будет после побега в достатке - проблемы следовало решать по мере их поступления, не громоздить одно на одно. Сначала - сбежать и спрятаться, затем... затем - думать.

Солнце клонилось к закату, нависало над дальним берегом, над лесистой кручей, пылающим золотисто-оранжевым шаром, чем-то похожим на рвущийся в кольцо облаков баскетбольный мячик. Женька, кстати, всегда любила баскет - нравилось.

Атаманша что-то крикнула, распорядилась. Табаня, вспенили воду весла, и ладья круто повернула к берегу, направляясь к пологому песчаному плесу. Там и причалили, подтащили на берег ладью - на песочек носом; парни, с удовольствием разминаясь, затеяли какую-то веселую возню, впрочем, тут же прекращенную волевым взглядом своей предводительницы, которую пока еще никто не называл по имени. Обращались просто - «моя госпожа».

Ах, как парни посматривали! Едва ль не облизывались. Опять же, особенно - Роксан! Впрочем, двое Женькиных сторожей тоже не составляли исключения.

Пленница уселась на бережку, у ладьи, никому не мешая. И не делая никаких попыток рвануть к темнеющему выше по берегу лесу - помнила предупреждение. Да уж - стрела есть стрела, да и глупо срываться вот так, на глазах - слишком уж сторожей много, догонят.

Однако, что касемо этих самых сторожей... Прежнюю одежду княжны похитители куда-то дели, скорее всего - замылили, зажуковали - вещи-то, чай, не дешевые - вместо прежнего варяжского сарафана выдали рубаху из серой сермяги - как здесь водится, с вышивкой-оберегом - да длинную, до щиколоток, юбку грубого, крашенного луковой шелухой холста. Хорошо хоть туфли оставили прежние - удобные, из мягкой замши. Никакой нижней рубахи, кстати, не дали, да и правильно - все ж лето, жарко! Эх, выкупаться бы... да вряд ли атаманша позволит, не стоит и спрашивать. Не позволит, нет. И вовсе не потому, что боится, как бы пленница не убежала - голой, по реке-то! Боится, чтоб парни из подчиненья не вышли! Вот о парнях-то, о страже, сейчас и подумать... приручить попытаться.

Сорвав с головы скромненький платочек, девушка распустила волосы по плечам да, задрав подол до колен, вытянула ноги...

И тут же получила от атаманши!

- Так не сиди! Срамно то. Плат завяжи и юбку поправь, дева.

Женька без разговоров сделала как просили. Да как грудастая отошла, стрельнула глазками на проходившего мимо Роксана. Тот нес какую-то корягу – для костра, верно, – да, голову повернув, споткнулся, едва ль не упал.

Ла-адно! Поглядим еще, что да как! Или эта коровища атаманша собирается всю ноченьку глаз не смыкать, караулить, как воспитатели в детском оздоровительном лагере в последнюю в смене «королевскую» ночь.

Пока устраивали шалаши да располагались на ночлег, поспела налимья ушица. Проголодавшаяся за день пленница с удовольствием похлебала вкусное дымящееся варево – жаль, без картошки, хотя говорят, настоящая «рыбацкая» уха – рыба да луковица. Ну, еще соль с перцем, хотя, можно и не солить – на любителя. Особенно – рыбы головы – такой вкусный холодец из них получается – пальчики оближешь, правда, не все головы в это дело идут... Те, из которых у атаманши ожерелье, не пойдут точно.

Для главной разбойницы разбили небольшой шатер, живо напомнивший Женьке, туристке, палатку-тройку с козырьком и «предбанником», рядом с пологом воткнули в землю колышки, насадили коровьи черепа. Зачем – пес их знает. Наверное, для вящей суровости. Чтобы больше боялись. У российских начальников всегда так – если уважают, значит, боятся, а не боятся – так и не уважают. Такая вот первобытная логика, вся бюрократия по ней и живет.

Вообще же, Летякина не раз уже замечала, что предводительницу свою парни откровенно побаиваются... значит – уважают.

Перед сном устроили быстрый молебен, попросили богов о благополучном ночлеге, принеся в жертву несколько рыбин – просто кинули в огонь да сожгли. Уходя, зараза-атаманша не преминула напомнить, чтоб княжну на ночь связали да стерегли. А то мало ли?

Связывать тут же бросились двое – Роксан и еще один парень, жилистый, длиннорукий, патлатый, с длинным, повисшим, словно перезрелый баклажан, носом и темными, глубоко посаженными глазами, напоминавшими пылающие очи голливудских вампиров.

- А ну-ка повернись, дева...

Оп-па!

Зашарили, зашарили жадные ручонки по талии, по спине, вот уже и до груди добрались – помяли, общупали всю.

А Роксан, уловив момент, шепнул:

- Приду седни... ты жди.

И, оглянувшись на уходящего прочь напарника, этак несмело добавил:

- Если, правда, ты...

- Приходи, – так же шепотом перебила Женька. – Чего мне одной-то ночью скучать?

Парень обрадованно улыбнулся и, подмигнув, побежал к костру. По пути не выдержал, оглянулся на разбитый для юной княжны шалашик... да, сглотнув набежавшую слюну, едва не упал.

Хитрая Женька вовсе не зря приветила молодого волхва, услышала уже краем уха – не долго осталось плыть... так, может... Может, что и получится, может, сбежать удастся. Попытаться все ж надо – чего уж зря ждать?

Однако не вышло в эту ночь ничего, не сладилось! У незадачливого Роксана с самого начала все пошло не так – непрошенный конкурент объявился. Тот самый, длиннорукий, носатый, звали его, кажется, Нежила. Тоже еще, имечко – жуть!

Добросовестно притворявшаяся спящей пленница сразу же услышала злой шепоток:

– Ты че сюда ползешь, Нежилко? Аль не спится?

– А тебе?

– Так ты это... на чужой-то каравай роток не разевай!

– Я на чужой? Да я тя...

Послышалась тихая возня... Кто-то вскрикнул... Потом диалог возобновился уже куда громче:

– Пусти, слышишь, пусти!

– Так отстанешь?

– А что ты сразу драться-то? Как будто не знаешь – перед жертвой мы эту девку – все! Разом испробуем!

– Не разом – а по очереди! Один за другим.

– Како и веляти боги!

Сексуально озабоченные драчуны резко замолкли, услышав донесшийся из шатра недовольный окрик. Мол, кому не спится, сейчас пойдут деревья валить. А потом и сама атаманша вышла, пошла к реке... верно, купаться, ночка-то выдалась душная.

Вот тут-то парни заценили, зашептались мечтательно, видать, удалось кой-кому все прелести хозяйки своей нагой заценить.

– А хороша Криневера-ведьма, что и сказать! Я б с такой повалялся бы.

– И я!

– И я!

Ведьма Криневера! – ахнула в шалаше Женька. Так вот кто это такая! Не атаманша, не разбойница, а... А кругом – волхвы! Чертовы волхвы! Ничего хорошего, увы, ждать нынче не приходилось, да и злую судьбу свою пленница знала уже из недавно подслушанного разговора.

Значит, говорите – в жертву! Ее – в жертву! Ах вы засранцы языческие! А Криневера хитра –

добилась-таки своего... того, о чем ее настойчиво попросили два козлика – Довмысл со Стемидом. Что ж, сказать по правде – давно следовало ожидать. Теперь уж точно ожидать нечего – сваливать, бежать со всех ног надо! И – как можно скорей.

И снова плыли почти целый день, причалили лишь к вечеру, правда, не очень поздно – еще вовсю блистало солнышко, еще только-только начало клониться к закату. На берегу в этот раз располагаться не стали, сразу же, оставив ладейку под присмотром пары парней, похватали пожитки да подались в лес по узкой, петляющей средь могучих дубов и кряжей тропинке, теряющейся в буреломах и густой высокой траве.

Впереди шел Роксан – похоже, он был сейчас за проводника, все остальные во главе с грудастой ведьмой послушно шагали сзади.

В чаще темнело быстро, потому и не особенно-то долго шли – встали у ручейка на небольшой поляне, заросшей пахучими смородиновыми кустами и дроком.

– Ну, что? – осматриваясь, Криневера подозвала Роксана. – Долго еще идти?

– Завтра к вечеру и придем, госпожа, – почтительно склонив голову, отозвался молодой волхв. – Сперва – овраг, потом речку неширокую вброд перейти, а там уже и Перунов храм недалеко.

– Добро, – покивала ведьма. – А что, Миронег-волхв не заплутает? Сыщет нас?

– Не заплутает, моя госпожа. – Жрец младшего извода поспешно спрятал усмешку. – Он, Миронег-волхв, когда-то храм тот и ставил! Сам частокол вкапывал.

– Ну, добро, – повторила Криневера. – Добро.

Здесь, в глухой и почти непроходимой чаще, жара, в общем, не ощущалась, правда, было влажно да надоедливо зудели комары, от которых бросили в костер охапку мокрой травы.

– Ей еще и натереться можно, – заметил кто-то из парней. – Тогда ни один комар...

На этот раз Женьку связывали другие – Роксан с длинноруким Нежилою даже не подошли, видно, считали – впустую. Все равно уж скоро... так что чего уж! Тем более у Криневеры-ведьмы сон такой чуткий.

Это было плохо, очень плохо – все расчеты пленницы летели к чертям. Впрочем...

– Роксан... – Уходя в приготовленный шалаш, девушка словно бы ненароком задела локтем ломавшего хворост волхвенка. – Ты мне травы от комаров не принесешь? А то не усну... Мы ж друзья... были.

– Друзья... – Положив наземь хворостину, парень поспешно отвернулся и хмуро бросил: – Ладно уж, принесу. Жди.

Женька улыбнулась, обходя сложенные кружком камни – второе кострище. А потом забралась в шалаш и ждала. Не просто так лежала – готовилась. От юбки избавилась быстро, а вот рубаху стащить не удалось – руки-то связаны. Ладно. Ничего. Задрать как можно выше... до самых подмышек... но чтоб грудь обнажить. Вот так... теперь – ждать терпеливо.

Вскоре все стихло: и голоса, и треск хвороста в ярко горящем костре. Да не горел уже

костерок, так, шаял углями... и темно было – хоть глаз выколи!

Над самым ухом княжны пищал комар... вот сел... Н-на!!! Черт... мимо... Где-то недалеко грустно завыл волк. Замахала, забила крылами какая-то крупная ночная птица – сова? Или филин?

А вот – наконец! – шаги. Крадущиеся, осторожные...

Кто-то забрался в шалаш... шепнул:

– Не спишь?

– Нет, – так же тихо отозвалась пленница. – Траву принес?

– Угу.

– Спинку мне натри...

Роксан поначалу тер честно – травой. Правда, очень недолго... что ж, молодого жреца можно было понять! Оказаться темной ноченькой в шалаше, один на один с нагою красавицей девой... Гладить ее кожу, ощущать ладонями зовущее тепло. Да кто ж такое выдержит-то?

Вот и Роксан не выдержал, схватил Женьку за грудь, перевернул на спину, задышал тяжело, словно загнанный конь... И тут же смущенно ойкнул.

Женька скривила губы в невидимую в темноте ухмылку – ну вот, все так, как и должно было быть. Не выдержал паренек нахлынувшие вдруг страсти, не мог семя в себе удержать. Так со всеми подростками-юношами бывает – гормоны, однако. И вот теперь этого чертова волхвенка от девчонки никакой силой уже не оттащишь! Восхотел! Снова восхотел... и быстро – ну, тут уж пленница постаралась. Зацеловала... совсем...

Потом шепнула:

– Руки мне развяжи... я обнимать тебя хочу... гладить... тело твое крепкое чувствовать.

Что-то холодное укололо запястья... Нож! Молодой жрец ловко разрезал веревки. И тут же застонал, зарычал даже – еще бы, Женька сунула руку ему в штаны... Ненадолго. Вот так... хватит...

– Тише, милый Роксан, умоляю, тише! Шатер рядом – услышат... Я ведь тоже буду стонать... как и ты...

– Я... я тебя...

– Не здесь, не здесь, дурачок! Давай отойдем... к овражку... Ах, нет, там же стражи.

– Я сам нынче страж. Ахх...

Парень выбрался первым, вытащил Женьку за руку, повел, нетерпеливо дыша...

– Ай!

Женька споткнулась и тихонько вскрикнула... прихватив заранее присмотренный камень. Удобный, круглый...

Молодой волхв тащил ее за собой, как бульдозер, не обращая внимания ни на кусты, ни на трещающие под ногами сучья.

– Эй, эй! Не так быстро. Больно же!

Вот наконец остановились. Роксан сразу же схватил Женьку в объятия – без особой нежности, по-деревенски грубо – вот уже стянул с девы рубаху, бросил в траву. Целовал слюняво, неумело... Женька его немножко приструнила, показала, как... с языком...

– Ты... ты... – жадно шаря руками по всему телу пленницы, прошептал жрец. – Ты и впрямь со мной... рада?

– Еще как! А ну-ка, милый мой, наклонись... ага...

Схватив с земли прихваченный с собой камень, Женька изо всех сил треснула им похотливца по голове. Парень упал молча, без звука...

Неужель убила?! Девчонку всю передернуло. Впрочем, рефлексировать сейчас было некогда – нашарив в траве рубаху, пленница быстро натянула ее на себя и прислушалась. Идти ночью по буреломам, босой и полуголой, было бы невозможно, следовало поискать какой-то другой путь – и Женька давно уже его нашла. Ручей!!! Вон он журчит рядом. Сколько есть форы – часа четыре, пять? А сколько бы ни было.

Наклонившись, княжна пошарила руками, вытащила из ножен волхвенка нож... подумав, отвязала и мешочек с огнивом и трупом – сгодится. Ну, вот теперь – все.

Слава богу, дно ручейка оказалось плотным, песчаным, а воды – по колено, не выше, а часто – и мельче. Идти было легко, и беглянка продвигалась довольно быстро, время от времени останавливаясь чуть-чуть отдышаться, осмотреться вокруг, глянуть на звезды. И подумать, обязательно подумать – ведь ручей – это та же дорога, а погоня будет обязательно! Если уже не идет по пятам...

Потому девчонка и свернула в кусты, пошла почти что на ощупь, прекрасно себе представляя, что уж в глухой чащобе ее нипочем не найдут... по крайней мере – сразу. Да, рубаха почти сразу превратилась в лохмотья, а ноги... про ноги неохота было и говорить... впрочем, беглянка потихоньку привыкала уже.

Когда небо над вершинами высоченных деревьев стало заметно светлеть, Женька, по ее подсчетам, прошла уже километров пять, а то и все восемь, причем – бывалая туристка – беглянка хорошо знала, куда именно идти – к Днепру, куда же еще-то! Только идти осторожно, а для начала – все равно куда. Это потом к Днепру можно – по солнышку: заходящее-то в спину светило, княжна это запомнила, так что теперь заблудиться ничуть не боялась, как и с голодухи помереть – чай, не городская неженка с литературных курсов!

Беглянка вдруг улыбнулась, вспомнив какой-то вполглаза просмотренный военный сериал, как бежали, спасаясь от немцев, то ли партизаны, то ли беглецы из концлагеря, причем бежали почему-то по лесной дороге, а немцы их преследовали на мотоциклах! И с чего, спрашивается, по дороге бежать? Коли в лесу спрятаться хочешь – в самую чащу иди! От дороги метров двести прошел, в овражке, распадке, буреломе укрылся – все! Никакая сволочь вовек не сыщет, если, правда, собак нет.

У Криневеры – не было. Или она сама, словно собака, как ее называли – пса!

Спрятавшись под раскидистой липой, Женька укрылась папоротниками и немного поспала, снимая с себя накопившуюся усталость. Поначалу, конечно, думала, что ни за что не уснет – нервы! – однако стоило только устроиться поудобнее, ощутить себя хотя бы в относительной – на данный момент – безопасности, как веки закрылись, словно сами собой.

Весь следующий день Женька просто запутывала следы – не особенно торопясь, шла, куда глаза глядели. Вокруг высились могучие дубы и грабы, перемежающиеся рожицами светло-желтой липы, белоствольной красавицы березки, клена, густыми зарослями орешника, бузины и калины. По сырым местам – вдоль ручьев, по оврагам – ветвились верба и краснотал, свешивались к самой воде плакучие ивы. Уже поспела смородина и – отчасти – малина, беглянка не раз и не два уже устраивала себе отдых – как только смородиновые кусточки видала. Объедалась ягодой до оскомины, а потом – как солнышко поднялось высоко-высоко, к самым вершинам – решила устроить обед, благо и ручеек подходящий рядом журчал, струился – собственно, по его берегам Тяка и шла.

Вырубив прихваченным у волхва ножом подходящую палку, девушка ловко настругала лыка – вот когда туристские навыкигодились! – примотала ножик к древку, получилась острога – а уж рыба-то в прозрачной ручьеовой воде кишмя кишела! Толстобокые лещи, юркие серебристые уклейки, радужная, сверкающая золотым отливом форель, налимы, окушки, щуки...

Женька с ходу запромыслила двух щук – для обеда вполне хватало – да, положив улов в крапиву, принялась возиться с костром. Набрала хворостин, разломала, настругала-наколола ножиком щепочек, сложила все аккуратненько, пирамидкою, точнее – индейской национальной избой – вигвамом, внутрь коры березовой – сухой-пресухой – натолкала... все, как учили, как не раз делала. Вот и сейчас следила все без дураков – вспыхнуло бы с одной спички... Вот только спичек, увы, не было, да и зажигалка пропала вместе с сигаретами и одеждой. Верно, поживились волхвы – накурятся теперь, засранцы, а уж Женька... Хорошо хоть огниво прихватить догадалась: металлическая пластинка, кресало, кремь, трут...

Вот тут-то пришлось несладко – била княжна, била, на матюги изошла вся, раз сто ударила – а на сто первый задымил, вспыхнул трут!

Разожженный костерок горел ровным светлым пламенем и почти без дыма, так что заметить беглянку издали никак не могли – разве что подошли уже близко. Так давно бы напали тогда, а раз не напали, значит, и не было рядом никакой погони. Да и не могло, наверное, быть, слишком уж хорошо княжна спряталась-укрылась, недаром ведь говорится – у беглеца сто дорог, а у погони – одна. И, судя по всему, на нее волхвы с ведьмой не вышли! Поди, верно, колдуют сейчас, ушлепки драные, божков своих долбанных призывают, на полном серьезе помощи в поимке беглой ждут... Ага, дождутся, как же!

Ишь ты, в жертву собрались принести, козлы древние! А вот половите-ка теперь, по чаще-то, по буреломам да оврагам побегайте. Ай...

Босые ноги жгло огнем, хорошо хоть по пути Женька внимания на свои пятки не обращала... зато теперь...

С удовольствием отобедав запеченными на углях щучками (жаль только, без соли!), девушка еще надрала лыка, пытаясь сплести что-то вроде лаптей... Конечно же, получалось плохо, несуразно, уродливо... макраме какое-то, а не лапти. Впрочем, на ноге держались – Женька еще и обмотала до колена лыком... получилось совсем как древнегреческие сандалии... а рваная рубаха – туника.

- Хоть в Афины теперь. - Оглядев свое отражение в ручье, княжна невольно улыбнулась и выплюнула застрявшую меж зубами кость. - Экая Артемида! Или... нет - Диана-охотница.

Немного отдохнув, Летякина аккуратно засыпала песочком кострище и остатки обглоданных рыбин, покушала красной смородины, запила чистейшей водой из ручья и пошла себе дальше, все так же - куда глаза глядели. Рановато еще было возвращаться к реке, рановато. Криневера-ведьма не дура - вполне могла устроить засаду, там где-нибудь, на бережку, и ждать.

Криневера не дура, да... но и Женька, чай, не в лесу найдена! Второй взрослый по туризму - это вам не хорек чихнул! Не туризм бы, так давно б сгинула, заплутала, с голоду бы померла или со страху. А так - привычно все, знакомо, десятки раз пройдено!

Остановившись у старого дуба, беглянка зажмурилась... Представилось вдруг - вот откроет она сейчас глаза, а там - там и сям - палатки, у ручья - байдарки на берег вытащены, перевернуты вверх днищами - сохнуть, костерок горит, меж деревьями на тросиках тент от возможного дождя натянут, на весь лес треск стоит - парни на дрова здоровенную сухостоину валят...

Что-то треснуло...

Распахнув глаза, Женька инстинктивно подалась назад, спряталась, схоронилась за кусточками, в папоротниках. Притаилась, лежала, не шевелясь, прислушиваясь. Треск в лесу много чего мог значить! Могли медведица с медвежатами играть - это уж чревато боком, от медведя не убежишь, не скроешься - догонит, лапой по шее - а тело хозяйственно так веточками забросает, чтоб подгнило чуток, завялилось. Гурман медведь-то, мясо с душком любит и человечинку ест с охоткой. Ладно бы медведь - он сейчас сытый, да и трещать так не будет... а вот медведица-то с медвежатами - не дай бог! Да и лось - ничуть не лучше, сохатый зверь дурной, не любит, когда чужие по его лесу шастают - враз взденет на рога или врежет копытом - черепушку снесет запросто!

- Ай!!!

Кто-то вскрикнул. Будто бы на что-то напоролся, упал... Беглянка затаила дыхание - не-ет, не зверье это! Люди!

Вот снова послышался крик:

- Ао-ой... Нежило! Помоги-и-и-и!

Нежила! Волхвы!

Значит, догнали все-таки... Эх...

Росшие на опушке кусты зашевелились, и на берег ручья выбрались трое - длиннорукий Нежила, еще один волхвенок - его Женька тоже раньше видела - и с ними какой-то незнакомый молодой мужик с черной бородой и нехорошим - слишком уж внимательным и въедливым - взглядом. Тот, что посередине - волхвенок, - заметно прихрамывал на правую ногу, собственно, остальные двое его под руки и вели.

- Ну, вот, - глянув на ручей, хмуро промолвил Нежила. - Тут от наших и пождешь. А мы с Прастеном-охотником урочище дальше проведем. Там ведь она может быть, а, Прастен?

- Может, и там, - согласно кивнул чернобородый. - Если вниз по ручью, к реке, не ушла.

- А что, если - вверх по ручью? - Хромой волхвенок вскинул глаза... вызвав презрительную усмешку охотника.

- Вверх по ручью - болото, топь непроходимая, - глухо пояснил Прастен. - Ведьма там одна утопла, в старину еще. Так с той поры и зовут - Ведьмина топь. Кто гатей не знает - не пройдет, сгинет. Сколь уж там пропало - не счесть.

- Так, может, она туда и...

- Коли так, то и искать нечего. Нет уж вашей девки в живых - утопла.

- Ну, ладно. - Напившись из ручья, Нежила выпрямился. - Мы вниз пойдем, а ты сиди, жди.

- А долго ждать-то?

- Да кто-нить придет... может... Наших тут нынче много ходит, все пути-дорожки в сторожах. Не, не уйти далеко девке!

- Говорю ж - утопла ваша дева в болотине! Зря вы нас позвали, зря.

Нежила с Прастеном-охотником скрылись в лесной чаще, оставив на берегу ручья уныло повесившего голову волхвенка. Бить его камнем по башке Женька вовсе не собиралась, а потому тихонько проползла среди папоротников да, царапая коленки, змейкой скользнула в траву...

- Значит, обложили, говорите? - поднимаясь на ноги уже в лесу, задумчиво прошептала княжна. - Говорите, Ведьмину топь не пройти? Ла-адно, посмотрим еще, что там за гать.

Станция «Гать» на любых соревнованиях по туризму бывает, Тяка ее всегда проходила легко, а однажды, когда ночное ориентирование бежала, угодила в самое настоящее болото - и ничего, не утопла, выбралась, в первой тройке пришла... правда, уделалась вся, как чушка!

Ручей становился все уже, и вода в нем делалась заметно темней, берега же чавкали под ногами черной болотной жижей. Почти непроходимые заросли, чаща, остались позади, впереди же резко посветлело, и вскоре за высокими камышами показалась уютная зелененькая полянка - прямо бери да играй себе в футбол или в догонялки. Красота, что и говорить! Правда, красота эта - гибельная: не травка то зеленеет - трясина коварная.

Не тратя времени даром, девушка наломала прутьев да, привычно надрвав лыка, принялась плести «снегоступы» - «гать». Торопилась - не особенно-то удачными вышли, небольшие, хиленькие... Ну уж, что есть - то есть.

Сняв рубаху, Женька закрепила ее лыком на плечах, бросила в тину первую «гатину» да, перекрестившись, опустилась на колени, улеглась на плетенку животом, грудью... Затаила дыхание, чувствуя смрадный болотный запах...

А держала «гать»-то! Не особо проваливалась! Ну так - у лежачего-то человека давление куда меньше, чем у того, который на ногах. Закон физики - понимать надо. Пешей бы тут беглянке и сгинуть, а так, ползком, продвигалась себе Женька потихоньку вперед, так, чтоб солнышко в левый глаз светило. Трудно так ползти, грязно, муторно - а надо, деваться некуда. Самое главное - в движении все время надо быть, ни на секунду не останавливаться, ползти, цепляясь за кочки и подгребая под себя вязкую болотную жижу.

Вперед! Вперед! Еще немножко... еще... еще...

Влажная коричневато-бурая грязь лезла в глаза, забивала нос, на зубах скрипела, Женька отплевывалась, но упрямо перетаскивала плетенки, переползала с одной на другую – вперед, вперед, не останавливаться... не...

Беглянка чуть перевела дух на небольшом островке среди чахлах сосенок, осмотрелась и довольно хмыкнула – впереди, метрах в двухстах, уже виднелся, синел лес. Немного и осталось, помощи, Господи!

И снова – болото, и снова тупое движение – вперед, и смертоносная жижа, и грязь, и предательски неверные кочки, и тощие кустики...

Но уже все это – как-то радостней. Уже победа близка... Первое место!

Первое! Вот оно. Вот – берег! Настоящий, ничуть не зыбкий, а вот – лес!

Выбравшись, Женька минут пять устало сидела, закрыв глаза и привалившись спиной к широкому стволу липы. Сидела и ни о чем не думала – отдыхала. Умаялась девчонка, шутка ли – этак-то проползти!

– Х-ха!!! – дернувшись, вдруг вскричала княжна, показывая кому-то большой палец. – А я ведь вас сделала, сделала, чертовы ушлепки! Что, взяли? Догнали? Сожгли? Принесли в жертву своим поганым божкам?! Ничего-то у вас не вышло, хоть вы и здешние, а я – чужая, хоть вас много, а я – одна. Так что фак ю, уроды! Фак ю!

Глава 9. Лето 964 г. Поднепровье – земли вятичей. Поражающий фактор

В прозрачной воде отражалось солнце. Сияло, переливалось мелкими волнами, гладило по спинкам и плавникам сновавшую по всей отмели серебристую рыбью молодежь. Отражались в реке густые заросли краснотала, ветлы и клонящиеся ветвями к воде ивы, напоминавшие плачущих дев.

Скинув за кустами рубаху, Женька, ступив на горячий песок, вскрикнула и побыстрее зашла в воду. Ступала со всей осторожностью, не шумела – место казалось укромным, но мало ли, кто тут, рядом, мог быть?

Девушка бесшумно зашла по пояс, присела, не поднимая брызг, поплыла, щурясь от бьющего в глаза солнышка. На стремнину плыть опасалась – вдруг да увидит кто? – плескалась на отмели, отмываясь от липкой болотной грязи. Выкупавшись, постирала рубаху, разложила сохнуть в траве и снова зашла в воду, поплавала, улеглась на спину, закрыв глаза.

Беглянке представилось лето – не это, древнее, а то, туристское, которое «маленькая жизнь». С искристыми – до неба! – кострами, с походами, с песнями, с золотистым загаром и до отказа забитой фотками флэшкой: «вот, это мы порог проходим, а это – байду проколотую заклеиваем, а это – сушимся у костра, а вот здесь...»

Вспомнилось, как вот так же купались с девчонками – голыми. Мылись, стирались... а парни затаились в кустах да потом с хохотом ка-ак брызнули водицей...

– Ой!

Распахнув глаза, Женька нащупала ногами дно, встала – кто-то только что окатил ее водою!

Господи! Лодка. А в ней – двое молодых парней. Сидят, ухмыляются...

Волхвы!

Нагнали таки...

Вот один помахал рукой. Издеваются, сволочи!

Повернувшись, девушка поспешно нырнула, стараясь проплыть под водой как можно больше, выбравшись уже на самом краю отмели, ближе к берегу. Понимала, что, наверное, тщетно – догонят, или возьмут на стрелу... или даже коротким копьем – сулицей – угодят прямо промеж лопаток, загарпунят, словно какую-нибудь там рыбину...

Ах, как же сдавило грудь... и горло... так хочется вынырнуть, вздохнуть... Нет! Рано еще! Нельзя... А впрочем, что ж теперь – утонуть, что ли?

Женька вынырнула совсем рядом с берегом, возле спасительной сени ив... И едва ль не уперлась головой в низкий борт лодки!

Сидевшие там парни засмеялись:

– Славно ты плаваешь, госпожа! Словно рыба. Фарлаф, вон, так не сможет.

– Кто не сможет? Я не смогу? Да клянусь Фрейей...

Один из парей, светленький, сбросив перевязь с мечом, принялся стягивать с себя рубаху.

Боже! Фарлаф! А второй... второго княжна тоже где-то видела...

Не волхвы!!!

Свои, черт побери! Свои – варяги. Свенельдова дружина, ага! Но... как они здесь оказались?

– Тебя ищем, госпожа, – радостно пояснил... Рулаф! Да, да, именно так и звали этого молодого рыжего викинга.

– Ищите?

– Да вот уже – нашли!

Женька запоздало прикрыла грудь рукою, фыркнула:

– Ну, чего пялитесь-то? Отвернитесь! И обождите чуть, я сейчас.

Торопливо выбравшись из воды, девушка бросилась к лугу, натянула на себя почти высохшую уже под жаркими лучами солнца рубаху. Хоть не голая... Не совсем... Хотя – как посмотреть. Ла-адно, чего уж теперь-то.

Пригладив волосы, княжна спустилась к воде:

– Вы что же, вдвоем здесь?

– Почему же вдвоем? – Пожав плечами, Рулаф неожиданно расхохотался, весело, заливисто и громко – на всю реку.

Отсмеявшись, икнул да кивнул на своего напарника:

– С таким-то лентяем от самого Кенугарда сюда грести? Непосильное дело, клянусь молотом Тора! На перестрел выше по реке, за излучиной – две наших ладьи, – пояснил рыжий. – Две дюжины воинов, не считая Эйнара-хевдинга.

– А, так и Эйнар с вами!

– Ну, а кто ж?

Парни помогли Женьке забраться в челнок, хоть девушка и не нуждалась в особой помощи, а все ж приятно было – и ей, и им. Княжна угнездилась на носу лодки, варяги взялись за весла – поплыли, даже, можно сказать, понеслись – весело, с ветерком, с брызгами.

По пути Рулаф и обсказал, что, едва только юная княжна Малинда отправилась на моление, по всему Подолу поползли упорные слухи о том, что в тех местах объявились вдруг ни с того ни с сего злобные враги – печенеги.

Кто такие слухи распускал и зачем – девушка догадалась сразу: конечно же, те, кто ее и похитил, – жрецы. Таким вот образом перед Ольгой обставлялись. Правда, сволочуги поганые, перестарались, вызвав серьезные опасения у старой княгини и самого Свенельда. Вот и отправилась варяжская дружина на выручку – да, как видно, не зря!

Опять в Киев...

Беглянка на секундочку закручинилась, именно что на секундочку, ибо хорошо понимала – уж лучше так, нежели принять ужасную смерть от гнусных лап языческих полудурков-волхвов! Кстати, в Киеве можно будет вновь подумать о побеге... и встретиться с Велесиєм... ах...

В Киеве, в Николаевской церкви, в честь спасения юной княжны от злых печенегов (по другой версии – хазар) был затеян торжественный молебен, разумеется – тайный, только для своих. Даже, казалось бы, столь влиятельная и уважаемая княгиня Ольга не могла себе позволить проповедовать, возносить христианство открыто – донесли бы сыну враз! Непростые нынче на Руси складывались времена для христианской веры, прямо сказать – недобрые. Впрочем, они и раньше-то тоже добром не блистали.

В детинце и на Подоле для народа устроили пир – выкатили бочки с брагою да крепким свежесваренным пивом, позвали скоморохов-затейников – радуйтесь, люди киевские, пейте, веселитесь! Шутка ли – печенеги мерзкие едва ль Малинду-княжну не примучили! Неизвестно, что бы было бы, кабы не славный воевода Свенельд.

К слову сказать, славный воевода Свенельд радовался вполне искренне, с самых первых дней появления Женьки испытывая к ней вполне родственные чувства – так уж сложилось, да девчонка и сама постаралась, чего уж.

Старый воин был весьма польщен, когда княжна, явившись на варяжский двор, лично поблагодарила дружину за свое спасение, не поленившись поцеловать каждого – каждого! – случившегося рядом гридя в губы. А уж Свенельда зацеловала совсем!

Женька уселась за стол рядом с воеводою, выпила кубок браги... Своей ее здесь считали,

своей! Коли так, так, может, с варягами и свалить – типа в поход дальний? Эх, мечты, мечты – кто ж без мужа отпустит-то? А муж, великий князь киевский Святослав Игоревич, ныне у вятичей. Примучивает под свою руку: типа, вы тем не платите, платите нам, а не будете, тогда ужо! Обычный рэкет, обозванный опившимися сливянки историками «укреплением государственности». Этак и у нас в России в крысиные девьяности полным-полно народишку таким вот макарон «государственность укрепляли». Впрочем, бог с ним, со Святославом – княжна по нему и не скучала особенно – ведь рядом Велесий был... Ну, не то чтобы уж совсем рядом, но...

Женькиному нежданному возвращению парень сильно обрадовался – не чаял уж и увидеть возлюбленную свою! Так рад был, что целый день ходил сам не свой, не отводя от девы влюбленно-восхищенного взгляда, а вечером, едва стемнело, терпеливо поджидал у крыльца. Времена стояли простые, патриархальные, даже для владетельных особ – сонмища придворных за княжной не таскались, челядинки-девки да Здрава-управительница дожидались возвращения юной хозяйки в людской, коротая вечер за прялками и доброй женской беседой.

Отпустив провожавших ее гридей, княжна устало уселась на высокую ступеньку крыльца – немного отдышаться после славного пира, прийти в себя. В голове приятно шумело, в бархатно-черном небе сверкали звезды, а месяц, казалось, висел прямо над крышею, низко-низко, прямо рукою можно достать.

Женька вытянула руку... засмеялась...

– Мила! – вышел из темноты Велесий. – Я так ждал тебя... так... Как же ты...

– Потом расскажу. – Княжна хмыкнула и сдвинулась в сторону. – Садись, со мной посиди. Эх, сейчас покурить бы! Да волхвы, суки, последние сигаретины увели... и зажигалку! Чтоб им обкуриться. Ну! Что ты встал-то?

– Неможно нам здесь, вместе. – Нервно оглядываясь по сторонам, юноша облизал губы. – Если только на задний двор пойти. Там никого сейчас.

– Так идем! – Девушка тут же вскочила и, спустившись с крыльца, протянула Велесию руку.

Они уселись на каком-то бревне, отесанном и пахнувшем свежеею стружкой, как видно, приготовленным для строительства нового амбара. Женька была в новом варяжском сарафане, нарядном, из плотной, синей, похожей на джинсовку, ткани; широкие лямки закалывались изящными золотыми фибулами с изображением каких-то невиданных зверей и птиц. Конечно, княжна предпочла бы сейчас остаться в одной – надетой под сарафан – тунике с короткими рукавами, так было бы куда как эротичнее, впрочем...

Велесий взял ее ладонь в свою:

– Какая у тебя рука... горячая...

– Только рука?

Теперь уже девушка перехватила ладонь своего возлюбленного, погладила ею себя по груди, даже сквозь ткань ощущая возбуждающее тепло.

И вот уже потерлась щекой о щеку любимого, обняла жарким поцелуем губы...

Нахлынувшего желания не скрывали оба. Тем более здесь, на заднем дворе, было довольно темно – месяц скрывался за крышей высившегося рядом амбара.

Не говоря ни слова, княжна начала первой – живенько сняла с Велесия пояс, бросила рядом с бревном, запустила под рубаху ладонь... потом, чуть отпрянув, расстегнула фибулы, с нарастающим волнением чувствуя на своей груди горячую ладонь возлюбленного...

– Ах...

Ах, как грудь наливалась соком, а внизу живота разгоралось, побежало по всему телу щемящее озорное пламя. Нежные руки юноши проникли под подол, ласкали, гладили бедра, раздувая нешуточный пожар страсти, так, что Женька уже не могла больше ждать... и не ждала уже...

Великая княгиня, покуда юные рабыни омывали в широкой кадке ее старческие, натруженные, вспухшие венами ноги, рассеянно слушала приглашенного монаха, вполголоса читавшего наизусть житие святого Иакова. Не столько слушала Ольга, сколько думала про себя, рассуждала, иногда горестно вздыхала и сурово поджимала губы.

Непростые настали времена, суровые – ополчилась на мирных христиан мерзкая языческая погань, и во главе всей этой погани был ее собственный сын! После смерти крестного, великого императора ромеев Константина, Царьград погрузился в кровавую склоку, а Ольга, потеряв опору, вынужденно хватаясь за соломинку, обратилась к императору немецкому, Оттону. Тот прислал Адальберта, епископа... едва не погибшего на жертвеннике Перуна! Вот уж, поистине, самому бы епископу защиты искать, где тут о других думать.

Не вышло с Адальбертом, увы. Да и из Царьграда приходят дурные вести... Туда Раскоряк, верный боярин и тайный христианин, ныне спешно отправился – сам вызвался, молодец! Может, что и визнает в Империи? Может... только вот в Киеве его нынче нет – и это утрата большая. Нынче каждая христианская душа на счету!

– Кто там скребется? – Услыхав почтительный стук, княгиня прервала чтеца и повернула голову.

– Здрава-постельница к тебе, госпожа, – с поклоном доложил тиун. – Осмелела – говорит, ты, великая госпожа, мол, ей сама велела, чтоб...

– Так.

Коротко кивнув, Ольга отпустила монаха и, выгнав рабынь, милостиво разрешила простолюдинке припасть к ее ногам.

– Ой, госпожа моя... ой, госпожа...

Круглое добродушное лицо Здравы от оказанной чести пошло красными пятнами – еще бы, не каждому дозволяют вот так...

– Полно, хватит кланяться, – махнула княгиня. – Докладай!

– Ой, гопожа моя... – Здрава низко опустила голову. – Снова она с этим...

– С Велесиём?!

– С... ним...

- Что делали – миловались?

- Что ты, что ты, матушка! Такого не видела... А токмо сидели рядком на крыльце! А потом сгнули куда-то...

- Сына моего, князя, позорили! Сидели... И – все?

- Боле ничего не видала, моя госпожа! – Постельница бросилась на колени.

- Прочь пошла!

Едва ль не пинком выпроводив Здраву, княгиня крепко задумалась, ибо поразмышлять было над чем, вернее – над кем. Невестка ей, конечно же, не нравилась – больно уж дерзка, непочтительна, на язык погана! Однако – христианка, так. Пусть и нерадивая, но... нынче каждый христианин – на особом счету. Отравить ее... или даже наказать просто... к Свенельду побежит жаловаться, к язычникам. Оно надо? Так – отравить? Тоже нехорошо – через невестку можно варягов к себе подобрать... Свенельд не вечен, стар, а молодые варязи пред юной княжной млеют – об том давно докладывали. Эх...

Ольга покривила губы и перекрестилась: ох, непросто великой княгиней бытии! Особенно – княгиней гонимой. Гонимой, пусть и в открытую, да зато – собственным сыном-язычником!

Нет! Нельзя невестку губить! А вот шпыня того, Велесия... То – дело другое.

Стоял жаркий июль, или, по-местному – червень, когда «на дворе пусто, да в поле густо». Налились в полях озимые, пошли во всход гречиха с овсом, крестьяне начинали жать рожь. На первый сжатый сноп всегда устраивали праздники – «именинницы» – первый сноп так и называли – именинник, вечерами же выходили смотреть, как месяц в небе «играет», прячется за реденькими розовыми облаками.

Душно, знойно днем, да и работы невпроворот, а вот вечером можно и выкупаться – весь Днепр на Подоле смехом да песнями изошел – купались все. Только вот Женька не могла себе того позволить – все же княжна! Неможно с простолюдинами. Иное дело одной – на дальней купальне, со служанками, с почтительно замершей в отдалении сторожей...

Купалась Малинда и так... а все же хотелось – с Велесиём... или хоть с людьми, чтоб – в догонялки, в салочки, чтоб – весело, а не так, что – «ой, госпожа наша, кормилица!». Скучно!

О муже своем, Святославе, юная княгинюшка и не вспоминала почти... так, иногда задумается, улыбнется. В общем-то парень вроде бы неплохой, только прическа дурацкая да и дома сидеть не любит – все в походах военных, все «примучивает» кого-то. Иное дело – Велесий! Вот к этому парню Женька и в самом деле испытывала чувство! И чем дальше, тем больше, так что карие глаза парня неожиданно затмили для нее все – родного мужа, княгиню... даже тоску по прежней – той – жизни! Нет, конечно, тосковала Тяка и о новом побеге думала, но... Стоило показаться на пороге помощнику судебного старца – возлюбленному! – так почти все Женькины мысли куда-то сразу же улетучивались, оставалась лишь одна – все о том же...

Правда, заклинание от беременности княжна все же произносить не забывала. Еще чего не хватало – здесь!

- Велесий не захаживал? – вернувшись в хоромы с купальни, первым делом осведомилась

Женька. – С утра еще по делам обещался и...

– Это ты про какого Велесия, госпожа? – поклонилась Здрава. – Про того, что у Всерада-огнищанина в помощниках ходит?

Княжна фыркнула:

– А что, здесь еще какой-то другой есть Велесий?

– Так тот и не явится теперь. – Постельница неожиданно вздохнула, добродушное лицо ее скривилось. – Славный был парень.

Женька похолодела:

– Почему – был?!

– По вечеру вчерась утоп. Говорят – заплыл на стремнину... так и утонул Водяник – даже и тела не нашли.

– Тела... А... искали?

– Знамо дело! Там народищу-то было – уй!

– Здрава! – Голос княжны предательски задрожал, синие глаза наполнились – вот-вот хлынут – слезами. – А ты ничего не путаешь? Точно Велесий утонул? Тот самый... наш...

– Не, госпожа моя, не путаю. Хоть у кого спроси... да хоть у Свенельдовых...

Свенельдовы подтвердили – да, мол, утоп Велесий, жаль – хороший был парень, хоть и хромой, да умный – висы слагал. Вообще-то викинги убогих – хромых и прочих – не жаловали (несмотря на то что их главный бог Один все ж был одноглазым – инвалид!), однако умение складывать героические и хвалебные песни – коротенькие висы и длинные саги – у них ценилось высоко и считалось такой же доблестью, как и умение лихо владеть мечом или секирой. Выходит, Велесий поэтом был... Был!!!

Женька дня три еще надеялась, места себе не находила – ждала, прислушиваясь к скрипу ступенек. Казалось – вот-вот откроется дверь, возникнет на пороге знакомая фигура, и... И ничего!

Не пришел Велесий... не явился... Увы!

Затосковала девчонка; несмотря на жару и зной, заперлась в опочивальне, никуда почти не выходя. Не хотела, чтоб кто-то видел ее горе, ее слезы. Хотя днем девушка все же сдерживалась, не плакала, а вот ночью...

Неужели – погиб? Но ведь тело-то не достали, не нашли, так, может...

Подумав, княжна позвала Здраву. Та явилась с сияющим лицом, сразу и доложила:

– Радость у нас, госпожа!

Женька едва в обморок не упала:

- Неужто Велесий...

- Он! Тело его нашли! На отмель теченьем вынесло. Теперь уж похороним по-людски - вот радость-то! У нас ведь его на дворе все уважали... Да! Еще радость-то - гости, купцы весяньские приплыли, явились! С ним Корган Юсс, батюшки твою старец. На тебя посмотреть хочет. Завтрева в гости ко двору зван!

Про весян - земляков якобы - княжна как-то пропустила мимо ушей, не насторожилась ничуть - а надо было бы!

Княжна все же посмотрела на мертвого, опять-таки тайно - не дело княгини на тризне по простолюдину рыдать! Узнала... Правда, уже больше не рыдала, уже все слезы выплакала давно. А вместо тризны - раз все равно нельзя - сходила тайком в церковь, поставила за упокой души свечечку да долго молилась.

Потом вышла, глянула вокруг... и улыбнулась. Не так, как прежде - радостно или, может, лукаво, - совсем по-другому: как-то отстраненно, холодно... как и положено.

Чужая!

Чужая, чужая... Больше ничего Женьку в этом гнусном первобытном мирке не держало! Никто не держал...

Домой! Домой! Скорее отсюда. Домой...

- В храме распятого бога ты нынче была, госпожа. Не хочешь ли Перунов храм посетити?

Княжна оглянулась, дернулась, узнав молодых волхвов, в том числе и круглолицего Роксана - выходит, все же не до смерти приложила его камнем...

Девушка хотела закричать - может, и помогли бы, - да только на улице никого не было - у всех дела, да и не успела бы - один из парней крепко схватил ее за руки, второй приложил к лицу напоенную дурманом - сон-травой - тряпицу... Другие уже держали наготове крытый ромейский паланкин - носилки.

Сомлела Женька. Закрыла глаза, пошатнулась. И уже не чувствовала, как подхватили ее крепкие руки, как положили в паланкин, запахнули полог, понесли, потащили куда-то...

- Лежи, лежи! - один из мальчишек-туристов, Димон, покровительственно похлопал по плечу лежащую на брезентовых носилках Женьку.

Мокрая - весь день шел дождь, - с густо перевязанной бинтами головою Тяка напоминала раненого комиссара времен Гражданской, и это ей очень не нравилось. Вот так вот лежать, беспомощной... Помощь от нее нынче была одна - вес, точнее, его почти что отсутствие - для эстафеты «переноска пострадавшего» Летякину выбрали как самую легкую и не прогадали - пока шли впереди всех!

Серое осеннее небо истекало дождем. Кружились, падая под ноги, желто-красные листья.

- Быстрее, быстрее, - приподнявшись на локте, Женька поторопила ребят. - Вон уже за рябинами две команды бегут, на пятки нам наступают.

- Ничего и не наступают, - презрительно сплюнул Димон. - У них знаешь, штрафов сколько

нахватано?

- Смотрите, как бы и нам не хватать!

- Ой, да ладно тебе каркать!

И ведь точно - накаркала. Судья на этапе ввалил два балла за то, что разметку переступили, а затем еще и за бегущую рядом группу поддержки - мол, подсказывают.

- Да кто подсказывает-то? - громко, едва ль не до мата, возмутилась Тяка. - Эта мелкота, что ли? Они только фоткают, и все. Да и вообще, нам главный судья разрешил!

Судья - желчный, бомжеватого вида мужик лет шестидесяти - его так в лагере все и звали «одиноким мужичок за пятьдесят», иногда еще и добавляя - «неухоженный», - нехорошо прищурился:

- Разрешил или нет, то мне неизвестно. А вот за пререкания с судьей сейчас еще штрафов получите! Ну, что смотрите? Команда к работе на этапе готова?

- Готовы...

- Тогда вперед! Сначала вопрос по теории - «поражающие факторы ядерного взрыва».

Поражающие факторы... Черт! Она же, Женька, и есть сейчас - поражающий фактор. Что, если Велесий не сам утонул, что, если ему помогли? Не может такого быть? Может! Зная старую княгиню - очень даже может. Нет, ну если так, то... А что - то? Да ничего...

- Очнулась? Славно.

Девушка вздрогнула: жрец Перуна Миронег ничуть не изменился со времени их последней встречи. Да и не столь уж много времени прошло, с чего меняться-то? Все тот же пристальный, прожигающий насквозь взгляд чуть прищуренных, глубоко посаженных глаз, словно потухшие угольки, темных, все та же борода, и ожерелье из сушеных змеиных голов - все то же.

Женька вдруг неожиданно для себя усмехнулась - тоже еще, объявился... «одиноким мужичок за пятьдесят».

Кстати, а руки-то пленнице забыли связать... так, может, этого чертова волхва отоварить? Резко вскочить, схватить во-он тот череп... Никого больше в капище-то не видно, конечно, кроме идолов. Черепом - по черепу! Каламбур!

- Смеешься - добро. - Миронег тоже скривил губы в неожиданной для него улыбке и столь же неожиданно предложил: - Браги хочешь? Или ромейского вина? Не бойся, не отравим. Хотели бы - отравили уже.

- Чего ж не отравили? - дерзко переспросила княжна. - Ольгу боитесь? Или мужа моего? Или... Свенельда?

- Всех опасаемся, - согласился жрец. - На то и жизнь. А она, жизнь-то, меняется. Что раньше добро было, то потом - смерть! Вот как ты. Ныне тебя живота лишать нам совсем невыгодно - вдруг да заподозрят что, на след выйдут? Гораздо легче тебя домой отправить.

Пленница... впрочем, нет, не пленница, скорее - гостя, округлила глаза:

- Домой?!

- Туда, откуда ты к нам явилась, - шурясь, покивал волхв. - И куда так стремишься вернуться. Мы ведь давно знаем, что никакая ты не княжна - чужая! Так уходи! Мы не держим. Поможем даже.

- Ага. - Девушка грустно усмехнулась. - Я б и рада домой. Вот только не знаю - как... и вы не ведаете.

- Не ведаем, - пригладил бороду Миронег. - Но из Киева тебе выбраться поможем. Да так, что никто ни ловити, ни искати не будет.

- Это как же, интересно?

- Люди от Святослава уже в детинце, завтра к старой княгине-матушке с просьбой пойдут. - Жрец многозначительно помолчал, видать, для того, чтоб эта дерзкая девчонка осознала всю глубину его власти, и, почмокав губами, продолжил: - Святослав-князь похощет на хазар походом идти, ищет, кто заместо него вятичей дальше примучивать будет - дань собирать. Хочет, чтоб Свенельд либо княгиня - да токмо им обоим то надо ли? Княгиня стара, да и воевода немолод - чего ради им в этаку даль хаживати? Потому Святослав-князь и задержался у вятичей - дань, обоз - молодой князь терпети обозов не может! Но и княгиня, и Свенельд-воевода заместо него не пойдут. Вот ты и вызовись!

- Я?! - изумилась Женька.

Волхв ухмыльнулся:

- Ты! А то кто же? Ты Святослава князя жена, покуда - единственная. Именем княжым будешь дань собирать - в том для вятичей чести урону нету. По обычаю все, по праву. Поедешь с дружиною малой, со Свенельдовыми отроцами, они тя любят, и ты сама им довериться можешь. Из Киева уедешь легко, а уж там... там, в пути, сама думай, как дальше быть! Уж все лучше, чем тайком, на лодье купецкой... тьфу! Ну? Что глазищами водишь? Решай!

- Решила уже, - вздохнув, Женька махнула рукой.

- Вот и славно!

- Нечего мне тут делать. Разве что...

- Разве - что? - резко насторожился жрец.

Княжна покусала губу:

- Разве что узнать - сам утонул... один человек... или помогли ему.

- О Велесии-отроке толкуешь? - Миронег пронзил взглядом. - Понимаю - сам когда-то был молол, любил... Да-да, любил! Что, не веришь? А и не верь, твое дело. Про Велесия же тако скажу, опять же, хочешь - верь, хочешь - нет, а лжу тебе мне говорить незачем - кто ты такая-то? Никто и нигде, чужачка!

- Ну, говори же!

- Люди мои на стремнине, где отрок твой утоп, еще одного пловца видели. Яромира, он Волоке, тиуну Ольгину, яко пес предан.

– Яромир, говоришь... – Девушка прикрыла глаза. – А как бы его...

– Никак! Бревном Яромира вчера придавило. Егда новый амбар у хором ставили. А Волокатиун в дальние вотчины отправился – зимой только возвратится, по снегу, по льду... Вот, все сказал, как есть. Почто очи-то прячешь, молчишь?

– Налей, – тихо попросила княжна. – Ну! Обещал ведь.

Миронег покивал, поднимаясь:

– Обещал – налью. Тебе чего – вина или браги?

– Все равно. Хоть что-нибудь за помин души выпить.

Жрец притащил стоявший в углу кувшин и деревянные кружки, разлил:

– Да, вот еще! Тут весяне, родичи твои... хм, приплыли. Так мы их покуда придержим – не тужи.

Рыжий Рулаф снова рассказывал тупые анекдоты про древлян. И вчера, у костра, трендел целый вечер, и сегодня, с утра... да полдня уже! Не поймешь, чего в этом словесном извержении было больше – желания произвести впечатление на княжну или что-то личное, непосредственно с древлянами связанное. Женька, впрочем, подобными вопросами не задавалась – к чему? Просто стояла себе на корме не особенно широкой ладьи да молча смотрела по сторонам, не столько любуясь природой, сколько думая... вспоминала, незаметно вытирая слезы.

Ах, Велесий, Велесий...

Тяжело было осознавать, что это именно она, Женька Летякина, виновата в смерти парня... хотя нет. Не Женька виновата, а Малинда, княжна. Это ведь из-за нее... Из-за нее... И нечего Ольгу или еще кого винить, такие уж это люди – знать! – что для них жизнь какого-то там рядовича, закупа, смерда?

Ладьи с гридями старого воеводы Свенельда (почитай, половина дружины!), отчалив от киевской пристани, по Днепру шли недолго – вскорости повернули направо, поднимаясь по течению какой-то широкой реки до Чернигова дальше, в земли радимичей. Переночевали, а сегодня с утра снова повернули направо – к северянам.

Здесьняя река, поначалу широкая и величавая, постепенно сужалась, плыть становилось труднее, тем более – вверх по течению, пару раз уже перегружали ладьи, перетаскивали через пороги да перекаты. Что ж... дело знакомое.

– Все перекаты да перекаты, послать бы их по адресу, – вспомнилось Женьке. – На это место уж нету карты, идем-бредем по абрису...

– Вижу, ты повеселела, Малинда-княжна, – пройдя меж гребцами, пробрался на корму Эйнархевдинг, молодой, но бородатый, хваткий, уже себя проявивший во многих схватках.

Проявивший себя как командир, а не как простой воин; недаром Свенельд доверил командование именно Эйнару, хотя номинальной главою похода все-таки считалась княжна – примучивать-то вятичей дальше собирались ее именем, ее именем брать дань. Все правильно –

она княжна, не кто-нибудь!

– Хой, Эйнар! – перекладывая тяжелое рулевое весло, радостно окликнул хевдинга рыжий Рулаф, бывший ныне за кормщика. – Я вот тут еще про древлян вспомнил...

– Да-а, – спрятав ухмылку, Эйнар покачал головой. – Вижу, славный Рулаф, ту древлянскую стрелу ты долго будешь помнить.

Рыжий скривился:

– Хорошо, хоть не отравленная оказалась.

– А с чего ты взял, что древляне травят свои стрелы?

– Так они же дикие! В лесах живут. А дикие – всегда с ядом.

– Это древляне – дикие? – неожиданно расхохотался хевдинг. – Какие же тогда вятичи? У древлян хоть города есть, а здесь...

– Да уж вижу. – Рулаф покивал, напряженно всматриваясь в угрюмо росшие по берегам сосны и ели. – Сколько уже плывем – один лес кругом. Ни селенья, ни пристани, ни лужайки!

– И это еще северян земля! К вятичам водного пути нет – по лесам пойдем, до большой реки. А там – сладим плоты, да вниз по течению.

– Далеко, хевдинг?

– Да уж не близко. – Эйнар задумчиво посмотрел в низкое, тронутое серыми косматыми облаками небо. – Но все же еще не край земли – там, дальше, к болгарам, на Итиль-реку, дорога.

– К тем болгарам, что стекло не хуже ромейского варят?

– К ним.

Рыжий мечтательно прищурился:

– Вот их бы, болгар, и примучить. А не этих диких вятичей!

– Подожди, – ухмыльнулся молодой вождь. – Примучим еще! Святослав-конунг слов на ветер не бросает!

Женьке почему-то раньше казалось, что в древние времена все воины передвигались верхом, однако вот сейчас лошадей с собой в дальний поход не взяли. Передвигались по рекам, понятно, в окрестных лесах никаких дорог – кроме водных, – по сути, и не имелось, одни лежневки да зимники.

С каждым днем лес по берегам становился все непроглядней и гуще, река же – все уже, так, что вскоре уже совсем невозможно стало продвигаться вперед – то завалы, то отмели с перекатами.

Впрочем, проводник – посланный в Киев Святославом десятник Путята с гридями – довольно поглаживал окладистую бороду да кивал:

- Все так, все верно. Скоро уже прибудем. Ладейки здесь под сторожей надежной оставим, завтра же сами - пешком, чрез леса.

- Не заплутаем? - Эйнар подозрительно посмотрел на лес.

Не очень-то ему нравилась эта почти непроходимая чаща, средоточие неведомых напастей, обиталище чужих, жестоких и кровавых божеств.

- Не заплутаем, - посмеялся в бороду проводник. - Путь-то знакомый. С князем туда шли, сами потом - обратно. Так что в третий раз идем! Да недалече тут до реки - за три дня доберемся. А там уже и плоты сколочены, и челны есть. Доберемся! Ох, княжна-краса, как князь твой рад будет!

Ничего не ответила на это Женька, лишь вздохнула да вежливо улыбнулась.

Лес только издали выглядел непроходимым, при ближайшем же рассмотрении не таким уж он и оказался густым. Да, кое-где приходилось пробираться урочищами - оврагами да буреломами, переваливать через ручьи, обходить болота, тащиться, пригибаясь, темными ельниками. Однако везде уже были оставлены условные знаки - зарубки на деревьях, цветные ленточки, Женька даже как-то заметила колокольчик, но тут же догадалась, что это вовсе не знак, а подношение местным богам от местных же людишек.

Первые пару дней шли дожди - настоящие летние ливни, теплые и веселые, иногда гремели грозы, не особенно страшные, какие-то домашние, радостные. Ни ливни, ни грозы вовсе не мешали идти - все ж лес кругом, есть, где укрыться.

Лишь однажды, уже на третий день, когда путники должны были выйти к верховьям обещанной реки, шедший впереди Путята настороженно обернулся:

- Здесь кто-то был! Вон, с травы роса сбита.

- Так здешние. - Эйнар-хевдинг положил руку на эфес меча. - Следят, видно.

Проводник задумчиво погладил бороду:

- Здесь поблизости нет селений. Охотники так далеко не пойдут - и поближе полно дичи. Мыслию - да, следят. Может быть, и напасть попытаются. Вон там, где росы нет... я б осторожно проверил.

- Рулаф, Бьорн!

Скосив глаза, хевдинг что-то бросил по-варьяски, видать, послал своих парней проверить. Оба - рыжий Рулаф и белобрысый Бьорн - тут же исчезли в зарослях. Хорошо исчезли, умело - ни одна веточка на деревьях не шелохнулась.

Исчезли и так же незаметно вернулись, словно возникли вдруг из травы.

- Там охотничий самострел, хевдинг, - деловито доложил Рулаф. - Насторожен на тропу.

- На зверя?

- Может. А может, и на человека. Вон веревка - как раз по ноге.

Если б не показали, Женька бы ни за что не рассмотрела замаскированную в высокой траве

веревочку, задела бы – и получила б стрелу в грудь!

Натянутый лук, крючочки, веревочки – все как полагается. Самострел!

– А ты, Путята, говорил, будто сюда охотники не ходят.

– Не ходят, так. Думаю – не охотники это вовсе! Надо б здесь засаду оставить... прежде, чем на ночлег.

– А река?

Бородач настороженно осмотрелся:

– К реке завтра поутру выйдем. Не стоит сейчас – место там плохое, открытое, а на пригорке – ельник. Из ельника того стрелой достать – милое дело.

– Добро, – согласно кивнул хевдинг. – Пусть так. Засаду я выставлю. Бьорн, Фарлаф... и вы двое...

Ночевали не очень-то удобно, чуть ли не в овраге, под суровыми еловыми лапами, даже шатра для княжны разбить было негде. Ну, да Женька в обиде не оставалась – все ж туристка, считай, все детство – в походах, в лесу. Даже выпендрилась – костер самолично зажгла, да так ловко, что бывшие поблизости воины недоуменно переглянулись. Слава богу, огнем нынче не пользовалась – взяла огонь на лучину от соседнего, распаленного уже, костерка, присела рядом да, глянув на небо, велела натянуть над костровой – очень уж небольшой – полянкой тент.

– Что натянуть, госпожа наша?

– Ну, парус хотя бы запасной... Есть у вас?

– Да, всяко, сыщется. А зачем его – на деревья?

– А чтоб сидеть приятней! Чтоб за шиворот, если вдруг дождь, не лило. Ужель не понятно-то, а?

– Ага, – подумав, одобрительно кивнул Рулаф. – А ты, госпожа, по всему видать, раньше в лесах жила, так?

Княжна махнула рукой:

– Всяко бывало.

Зажравшуюся знать, всяких там князьков да боярышей, такими делами, конечно же, не пронять, да и не поняли бы – как это, княжна все своими руками делает, советы дает, она простолюдинка, что ли? А вот воины – и Свенельдовы варяги, и славяне Путяты, – видно было, заужавали.

Ближе к ночи запекли на углях рябчиков, старательно посыпали – каждому строго по щепоточке, по чуть-чуть – солью, брагой из фляг плетеных запили. Хорошо! Соль – она ведь у богатых только.

В небе над черными вершинами сосен сверкали звезды, затаился меж еловыми лапами месяц, на западе, за урочищем, бил оранжевой зарницей закат.

Эйна-хевдинг поутру поднялся раньше всех, вернее сказать – подняли. Еще солнце не встало, как явился белобрысый Бьорн из оставленной у настороженного самострела засады, явился не один – с ним хмурый носатый парень... многим, кстати, знакомый, Эйнару – тоже:

– Хо! Стемид! Ты как здесь?

– Здоров будь, славный Эйнар-хевдинг, – вежливо поклонился варяг. – Вас Путята ведет?

– Он. А вы нас поджидаете?

– Так.

– А самострел зачем?

– На лося поставили. Да и так... мало ли?

– Добро. Да! Нынче сама княжна с нами! Как встанет, так поди, поклонись.

– Княжна? – Стемид удивленно потер переносицу. – Какая еще княжна?

– Известно, какая – красавица наша Малинда, весянского князя дочь, а Святослава-конунга – супруга верная!

– А-а-а, – невежливо хмыкнул носатый. – Во-он вы про кого... А зачем она с вами?

– Явилась собственной волею дань с вятичей собирать! Конунг на хазар отправится, а она с дружиной малой – здесь.

– Ах, вот оно что... Княжна – здесь, с дружиною малой... Славно, славно. – Стемид довольно потер руки и улыбнулся. – Что ж, пойду поклонюсь, шея-то не переломится. Где шатер-то?

– А нет шатра, некуда ставить. Княжна наша непривередлива – под лапником в шалашике спит.

Нельзя сказать, что появление Стемида – давнего недоброжелателя и одного из тех, кто точно знал, что княжна – самозванка, – сильно обрадовало Женьку. Хотя, впрочем, и не особо расстроило – Свенельдовы-то дружинники были за нее, и попробовал бы какой-то там бродячий варяг что-то вякнуть или даже бросить хоть один косой взгляд!

Стемид и не вякал, держал себя с княжною прилично, почтительно, как и полагалось. Низенько поклонившись, справился о здоровье, о трудностях пути да, снова отвесив поклон, скромненько отошел в сторону, к костру, сказал что-то вполголоса Эйнару.

О том, что все ж придется-таки встретиться еще разок и со Стемидом, и с воеводой Довмыслом, Женька, конечно, догадывалась... как знала и то, что открыто пакостить ей оба злодея побоятся, да и не открыто – тоже. Себе дороже выйдет! Кто ж им теперь поверит, что княжна – не княжна! Бошки оттяпают или вздернут на первом же попавшемся суку за одно только неосторожное слово – такие уж времена.

Вышли, как всегда, рано, на восходе, около часа шли лесом, а потом выбрались на простор, к круглому, подернутому туманной дымкою озеру, к истоку реки. Женька невольно развеселилась, вдруг вспомнив, как вот почти точно так же вышла как-то с туристами к истоку Выди. На заказном автобусе тогда приехали, выгрузились, лодки собрали, на плечах понесли – сухие-то байды и не тяжелые вовсе. Несли, насвистывали, речку искали – исток. Искали,

искали – так и не нашли, у бабушки местной спросили. Та рукой на канаву какую-то узенькую показала – вот, мол, ваша Выдь. Вот так-то! А на карте уже от истока обозначено – «судоходная река».

Ой, как заколебались тогда, тяжело было, трудно, зато весело. Август в то лето сухой, жаркий стоял, да и начало сентября – ничуть не дождливое, вот и высохла речка до дна, байдарки так по мели и волокли, обдирая об камни, и так километров пятнадцать, из которых в общей сложности километр только и плыли. Тяжко! Но весело, да.

Вот и здесь сейчас среди гридей уже начинало чувствоваться веселье, обусловленное скорым концом пути. К реке все ж таки вышли, а река – не лес, не урочище: лодки нет, так сладил плот и плыви себе с поклажею, в ус не дуй! Кое-где уже слышался смех, кто-то вполголоса напевал, шедший позади Женьки (от носилок та гордо отказалась еще в самом начале пешего перехода) Рулаф снова завел свои рассказы на привычную древлянскую тему:

– Продавал как-то один древлянин корову. А поскольку сам, как корова, тупой, поручил это дело знающему человеку, про которого ходили слухи, что он – конокрад.

– Конокрад, вишь ты! Что же, древлянин-то твой слухам этим не верил?

– Да в том-то и дело, что верил! Просто думал, что конокрад-то на корову не польстится. Он же – конокрад, а не коровокрад.

Воины грохнули смехом, одна лишь княжна скривилась – дались Рулафу эти древляне.

Река очень быстро расширилась, прямо-таки на глазах, впереди за редколесьем показались шатры и воины Стемида. Гостей и впрямь ждали. Особенную радость вызвали у варягов Свенельда покачивающиеся у берега ладейки, вполне достаточные для всего вновь прибывшего воинства. Славно! Топорами не махать, плоты не вязать – славно!

На ладейки, жертву богам принеся, все и погрузились да поплыли себе, поглядывая на редкие – по берегам – деревеньки. Надо сказать, особым богатством селения вятичей отнюдь не блистали. Ров, земляной вал – редко с частоколом, дома – приземистые срубные полуземлянки с двускатными, крытыми соломой и дранкой крышами. Невдалеке от деревень – погребения, невысокие насыпи – курганы.

Возле одной из таких деревень густо – раз в десять больше деревни – располагались шалаши и шатры – стан Святослава. Увидев своих, княжьи воины побежали к реке, радостно размахивая руками. Сам Святослав-конунг встречал Свенельдовых гридей, как и положено уважающему себя властелину, верхом на белом коне, в мохнатой куньей шапке и красном княжеском плаще – корзне.

Увидев княжну, удивился, но виду не показал – ни к чему вождю проявлять чувства перед дружиной. Воин должен быть сдержан. Во всем, кроме самой войны!

– Вижу, ты решила меня навестить, милая? – спешившись, Святослав крепко поцеловал Женьку-Малинду в губы. – Признаюсь, удивлен. Как же матушка-княгиня тебя отпустила?

– Отпустила, – кротко улыбнулась княжна. – Дань вместо тебя собирать. Ты ведь вроде на хазар воевать собрался. И правильно: совсем эти хазары обнаглели – купцов привечают, богатые города у себя завели. Болгары, кстати, ничуть их не лучше – у них тоже, говорят, города... и людишки не нищие.

– Доберемся вскорости и до болгар, – не понял издевки князь. – И до дунайских, и до тех, что на Итиле. Вятичей непокоренных опасаюсь в тылу держати. Завтра князя да старшины их явятся. Это хорошо, что ты здесь!

Действительно было хорошо. Не то чтобы в крепких объятиях Святослава Женька совсем забыла про несчастного Велесия, но... все же отвлеклась как-то. Сразу после обеда князь повел свою царственную супругу в разбитый специально для нее шатер да там же и завалил на расстеленную кошму, срывая одежду и с жаром целуя в губы. Княжна уже отвыкла от такой грубости, но притворилась покорной – нужно же было ублажить собственного мужа! Пусть он и язычник, но все же человек неплохой, ничего дурного Женьке не сделал, да и... князь, как-никак, не какой-нибудь там пухлозадый импотент топ-менеджер.

Святослав взял жену сразу, без особых ласк: с рычанием, словно дикий зверь, прикусил грудь, прижал к себе, словно схваченную добычу... бедолага Женька даже и почувствовать-то толком ничего не успела, как муж уже остыл. Поднялся на ноги, быстро оделся да, сославшись на дела, ушел.

На миг показалось, где-то рядом послышался женский голос. Любопытная княжна осторожно выглянула из шатра, увидев, как с князем без особого почтения разговаривает какая-то крепкая телом и довольно смазливая с виду грудастая девка в синей длинной юбке, с расшитой жемчугами повязкой на голове и праздничными височными кольцами, кои иногда крепились к повязке, а иногда – к специальным образом заплетенным волосам. Носили эти кольца лишь в праздники: так-то не особо удобно – когда ходишь, по щекам бьют.

– Та-ак... – с некоторой обидой протянула про себя Летякина. – Эт-то что еще за мадам Помпадур? Из местных, что ли, из вятичей?

Поговорив, князь пошел себе дальше, девица же направилась... напрямик к Женькиному шатру! Да так быстро, что княжна не успела решить – притвориться ли ей спящей?

Девка, впрочем, вела себя прилично, не наглела. Испросив позволения войти, почтительно поклонилась, справилась – не нужно ли, мол, по женской части чего?

– Воды теплой бы... Хотя нет, так выкупаюсь. – Женька отмахнулась. – Есть тут у вас на реке укромные места?

– Есть, госпожа. Я покажу. А коли велишь – и баньку...

– Жарковато для баньки. Лучше уж на реку. Вот прямо сейчас и пойдем... Да! Ты вообще кто?

– Я – Малуша, раба обельная супруга твоего.

Раба, блин. Ясно! Ну... и ничего тут не поделать, в конце концов, девочка эта не виновата. Раба – есть раба. Вещь. Прислуга за все, а если потребуется – сексуальная игрушка вроде резиновой женщины.

– Ну, веди, Малуша, на речку. Искупаемся. Кваску попьем да за жизнь побазарим.

Как и положено прислужнице, Малуша сперва помогла снять одежду княжне, затем разделась сама и, поклонившись, испросила позволения купаться.

- Да уж дозволю, - усмехнулась Женька. - Куда от тебя деваться?

Вообще-то, рабыня ей, скорей, нравилась, хоть и догадывалась, конечно, Летякина, для чего ее благоверный держал при себе столь смазливую деву. Наложница - чего уж! Это было здесь в порядке вещей, князь ведь язычник, не христианин, чего ж от него христианских добродетелей требовать?

Малуша держала себя скромно, однако вовсе не забито - пока купались, развеселилась, смеялась, даже с княжной наперегонки плавала, брызгалась. Умаялись девки, выбрались на песок, улеглись рядом, хлебнули хмельного кваску. Женька рядом с крепенькой большегрудой Малушей - девочка-подросток! Правда, зато у княжны ноги куда длиннее, и стройнее стан, и черты лица тоньше, а глаза... Вот только грудь... да уж. Так ведь не корова же! Не доиться, чай.

Хмыкнув, Тяка повернула голову:

- Так ты, значит, с самого Киева с князем?

- С самого. За постелей его слежу.

Малуша ответила ничуть не жеманясь, так, как было, - да и чего стесняться-то того, что есть. Есть князь, есть молодая наложница - и ничего тут больше не скажешь. И все же Женьку немного коробило, она даже замолчала - не знала, о чем и говорить... О Святославе? Так это извращение какое-то получится - вроде как жена с любовницей одного и того же промеж собой обсуждают. А больше - о чем? Не фильмы же обсуждать, не музыку.

Скосив глаза, Женька глянула на Малушины подвески, уж в этом-то она нынче разбиралась - у кого какие, запросто могла сказать. У вятичей - большие, с семью лепестками, у радимичей - куда меньше, с лучиками, у северян - спиралью, у кривичей - обычная, согнутая в кольцо проволока. А вот эти вот, тоже проволочные, толстенные... на перстни похожие... Ха! Ну да - древлянские!

- Ты что, древлянка, что ли?

- Так и есть, госпожа.

- Поня-а-атно!

В шатер девчонки вернулись поздно, к вечеру. У княжны от солнца обгорели плечи, и Малуша отправилась к вятичам, в деревню, за скисшим молоком. Сказала - хорошо помогает. Деревня располагалась тут же, рядом, и Женька уже заранее разделась, улеглась на животик, на всякий случай накрывшись до пояса покрывалом, оставив обнаженной лишь спину.

Лежала, задремала даже чуток... Не слышала, как кто-то вошел... провел по спине грубой рукою да хмыкнул:

- Ишь!

Женька вздрогнула, приподнялась... и, увидев перед собой давнего врага своего, воеводу Довмысла, окатила вошедшего презрительною усмешкою:

- Что-то ты поздно вато приперся, а, дядько Довмысл? И - не обнаглел ли? Ко супружнице княжьей в шатер врываться? Совсем страх потерял, смерд?!

- Ты кого смердишь, корвища? - Ахнув, воевода схватил девушку за руку, сжал.

Женька дернулась:

- А ну пусти, дурень! Иль мне стражу позвать?

- А и зови! - поиграв желваками, злобно ощерился Довмысл. - Токмо знай, язм молчати не стану! Все как есть обскажу...

- Да-а, - протянула княжна. - А Стемид-то поумней тебя будет. И что ты скажешь-то? Что я самозванка, да? И Святослав-князь тебе вот так взял и поверил, ага! С чего бы? Ну, что зенки вылупил, чучело? Давай, давай, зови, рассказывай... Я сама сейчас всех позову! Эй!

- Стой! - Довмысл все же оказался не таким уж и дурнем, быстренько все понял. Сообразил, что ситуация-то нынче не в его пользу, шантаж отпадает напрочь!

Поднялся, хмыкнул... Даже извинился, уходя:

- Ну ты это... не серчай.

Сказать - сказал, а глаза-то пахнули злобой!

Да и черт с ним! Пусть своей злостью подавится - нынче ваши не пляшут. Нынче... А что нынче? Святослав не сегодня-завтра уедет, оставив супругу свою верную дань с вятичей собирать. Дань - это хорошо. Это золото, серебришко и прочее. Можно лодку... да целый отряд нанять! На дорогу в родные места хватит! Только людей выбрать верных... правда, откуда таких взять-то?

Глава 10. Лето 964 г. Земли вятичей. Острый запах смерти

Юная княжна в задумчивости сидела на высоком резном креслице (подарок местных старейшин) под густыми ветвями высокого дуба. Дуб считался священным деревом не у одних только полян и древлян, потому и место такое выбрали, жаль только, сброшенные порывом ветра желуди уже пару раз весьма чувствительно долбанули Женьку по макушке.

Глянув вверх, княжна поднялась на ноги и, самолично переставив кресло чуть в сторону, снова уселась, поправив ниспадающий с плеч багряного цвета плащ - знак княжеского достоинства и власти. Головной убор Женьки нынче тоже выглядел весьма изысканно и богато - затканый золотом небесного цвета плат, уложенный изящными складками, полностью скрывал волосы, по бокам к плату крепились височные кольца, по три с каждой стороны, искусно выделанные из сверкающего на солнышке серебра. Замшевые зеленые туфли были украшены жемчугом, на поясе висела тяжелая связка ключей, символизирующая все подчиненные Киеву земли; оставленный Святославом меч в краснах ножнах княжна уткнула в траву и придерживала рукой - вместо скипетра. Не особенно-то удобно, но приходилось терпеть - так уж полагалось.

Как донесла сторожа, князьки и старейшины вятичей - из тех селений, что поближе - уже появились с обозами, везли дань, как сказала княжна - по куне с сохи. А хазарам-то раньше платили - по ногате.

Княжна давно уже научилась разбираться в здешних финансовых делах, знала, что и ногата, и куна - это все та же валюта, тоненькие серебряные монетки с непонятной вязью - арабские дирхемы, только куны - обычные, потертые, а ногаты (арабское слово «нагд» как раз и

означало – хороший) – из особо качественного серебра, в коем древнерусские людишки толк знали. В соотношении стоимости пятьдесят кун равнялись одному византийскому золотому солиду, ему же соответствовало сорок ногат. Так что, заменив ногаты на куны, Женька сделала вятичам хорошую скидку, что те вполне себе оценили.

Вообще-то девушка не собиралась этого делать, оговорилась, но... подумав, махнула рукой – а пускай так и будет, со скидкой, а то какой же вятичам смысл менять шило на мыло, одну «крышу» на другую – хазар на полян? Хорошо бы, конечно, было провести перепись – точно учесть количество пахотных хозяйств – сох – в каждом селении, но это все было дело не быстрое, а хитрая девушка все же собиралась рано или поздно сбежать, добраться до Выдь-реки... Домой – так уж хотелось верить.

– Вон, госпожа! – указав на заливной луг, почтительно поклонился Рулаф. – Везут вятичи дань... никуда не делись! Ой, пресветлая княжна... зря ты, наверное, на куну согласилась... Боюсь, как бы Святослав-конунг, узнав, не осерчал.

– Не бойсь, не осерчает! – Хмыкнув, Женька с интересом рассматривала приближающуюся процессию.

Впереди в синих, затканых жемчугом плащах ехали верхом на невысоких гнедых коньках старейшины (от мелких, в три двора, деревень) и князья (от селений покрупнее). Выглядели они все одинаково, никто особым богатством не кичился и не блистал, даже сбруя на лошадях казалась княжне самой обычной, без особых украшений, разве что отделана серебром – так, в меру. Впрочем, сам по себе конь в те времена – признак известной зажиточности. Боевой жеребец стоил три серебряных гривны, или шестьдесят ногат, или семьдесят пять кун, для сравнения – каравай заварного хлеба стоил две куны – не обязательно монеты, к ним по стоимости приравнивалась одна зеленая арабская бусина или беличья шкурка. Корова стоила две гривны, вол – одну, по десять кун шел мед в ульях.

Возов – приземистых, на сплошных деревянных колесах телег – было мало, в основном – волокуши, а многие старейшины приплыли по воде, их людишки тащили дань из лодеек – домотканое полотно, яйца, творог, наконечники копий и стрел – что у кого было.

Подъехав чуть ближе, всадники спешили, к дубу подошли уже пешком, поклонились.

– Пусть и вас хранят боги! – милостиво улыбнулась княжна. – Сейчас дань зачем, все запишем.

– Госпожа... – нервно грыз ногти один из старейшин – косматобородый, приземистый, с широким приплюснутым – словно треснули по лицу лопатой – носом. – Мы ить в раздумьевси. А ну как хазаре-то... того... отомстить захотят! Вернуть под свою руку.

– Обломятся!

Женька презрительно скривилась и гордо кивнула на стоявших позади варягов с разноцветными щитами, в блестящих кольчугах и сверкающих на солнце шлемах, с сулицами, с мечами, с секирами – молодец к молодцу!

– Видите? Не самых последних людей венценосный супруг мой для вашей защиты оставил! Да и сам на хазар походом пошел... так что не до вас нынче хазарам, не до вас. Были хазары, да сплыли все – спеклись.

– А ну как их послы да вои за данью явятся? – все не унимался плосконосый, видать, по жизни

таким вот и был – недоверчивым, «а кабы чего не вышло».

– Явятся – получат! Только не дань – а по мозгам.

Княжна рассмеялась, захохотали и варяги, да и среди князьков прошелестел одобрительный шепоток:

– Ишь, как она...

– Получат, говорит!

– По мозгам!

– Ай, княжна красотой лепа...

– И умом горазда – то так! Шутка ли – с ногаты на куну пойти.

– Тако мыслю – с ней-то договориться можно...

– А вот сам-то Святослав-князь множим нашим не по нраву – больно уж не уживчив, горяч.

– Так где нынче князь? В походе дальнем. А тут – княжна. С ней-то, мыслю, поладим.

– Поладим, говоришь? А не выйдет ли, как говорят, мягко стелет, да жестко спати?

– Ой, Ходата, все-то тебе не так!

Плосконосый Ходата, старейшина большой – в пять дворов – деревни, расположенной верстах в десяти вверх по реке, возвращаясь обратно домой на большой лодке, еще издали заметил причалившие к берегу барки – неприметные, без особых украшений, но вместительные, с широкой кормой, с мачтами, ныне аккуратно уложенными вдоль бортов – за ненадобностью.

– Булгарские ладьи! – обернулся с носа главный помощник старейшины, Малост Корявая Ладонь, прозванный так за левую ладонь, когда-то защемленную деревиной. – Эх, не вовремя! Кабы не дань...

– А чего же – не вовремя? – Ходата усмехнулся в бороду. – Чай, последнего-то не отдали. Найдется, что у булгар обменять. Ужо поглядим.

– Думаешь, господине, булгары торговать будут?

– А чего ж тогда встали-то? Давно б торговали, да некому разрешить – мы-то с тобой – вот они! Только-только в обрат добираемся.

Лодка Ходаты повернула к берегу, к пристани, проплыла мимо купеческих приемистых кораблей.

Завидев старейшину и его людей, с барок замахали руками, заулыбались:

– Да хранят тебя твои боги, почтеннейший Ходата-джан!

– И тебя пусть хранит твой Аллах, славный Сувар-гость. Как Булгар-град? Все стоит? Процветает?

- Отстроились уже, слава Пророку! - Булгарский купец Сувар - осанистый, светлоглазый и рыжебородый, молитвенно воздел руки к небу и улыбнулся. - Прошу вечером на мой корабль, почтенный Ходата-джан. Я привез из Итиля волооких персидских дев - ах, персики, не девы! Как пляшут, как поют... думаю, ты не откажешься купить у меня парочку.

- Не отказался бы, - скривился вятч. - Кабы не дань. Святослав-князь нынче нас примучил - пришлось платить.

- Знаю о том - рыбаков по пути встретил. - Булгарин поиграл четками. - Однако все в руках Божьих, да. Ты все же приходи, почтеннейший, я ждать буду.

- Инда ладно, приду.

С помощью слуг старейшина выбрался на мостки и неожиданно ухмыльнулся:

- Сам-то не хочешь ли к нам? Баньку велю истопить.

- Нет, нет, что ты! Я уж лучше - в реке.

Уж конечно, оставалось еще у Ходаты богатства немало, можно было и новых наложниц - красивых персидских рабынь - купить, двух или даже трех, если сошлись в цене бы. За молодую невольницу обычно просили десять ромейских золотников - солидов, в кунах это пять сотен - немало, так ведь и Ходата, чай, не нищий! Пять дворов деревня, урожай нынче неплох, да и охоты удались удачные.

О богатстве старейшины красноречиво свидетельствовала большая, рубленая из крепких бревен изба на подклете, не какая-нибудь там полужемлянка, как у всех прочих! Со всех сторон деревню окружал высокий земляной вал со рвом, по реке-то ведь кто угодно мог приплыть, подобраться - нынче мирные купцы, а завтра кто - одни боги ведают. У крепких, устроенных прямо в валу ворот зорко несли сторожу молодые парни с рогатинами и луками.

Когда Ходата, немного отдохнув, отправился в гости, стражники отсалютовали ему рогатинами. Молча кивнув парням, старейшина в сопровождении четырех слуг спустился к реке, оставил свиту на пристани и, встречаемый с самой искреннею любезностью, поднялся на барку булгарского торговца Суvara, среди всего прочего, как и всякий уважаемый всеми купец, торговавшего еще и живым товаром - людьми.

- Ай, ай, какой гость! - широкое добродушное лицо булгарина лучилось почтительной радостью. - Какая честь для меня, славный Ходата-джан, видеть тебя на своем судне. Прошу же, прошу в мою каморку, уж не побрезгуй!

Расположенная на корме каюта купца была застелена ворсистым ковром с затейливым геометрическим орнаментом, такие же ковры висели и по стенам. Сквозь распахнутые узкие оконца, забранные полупрозрачной тканью, несло свежестью, в углах горели медные, начищенные до золотого блеска светильники на высоких ножках, их трепетное зеленовато-желтое пламя плясало в расставленной прямо на полу - на ковре - золотой и серебряной посуде с яствами, отражалось в кувшинах с терпким маданзаранским вином.

- Садись, дорогой мой гость! - довольно прищурился Сувар. - Есть, пить будем! На танцовщиц смотреть!

- Что ж, присяду. - Старейшина улыбнулся в бороду, усаживаясь на ковер, поближе к яствам.

Подбежавший мальчик-слуга, смуглый и тощий, поспешно налил вина в высокие, темно-синего стекла бокалы.

– Ты тоже выпьешь, друг мой Сувар? – удивился Ходата. – А я слышал, будто ваш бог запрещает пить вино.

– Запрещает. Но – не всем. – Торговец хитровато глянул на гостя. – Можно воину на войне или купцу в далеком походе. Тем более для лечения – чтобы не простудиться, не заболеть. Ночи у вас довольно студены.

– Так нынче-то, чай, не зима!

Старейшина и купец громко расхохотались, выпили да приступили к трапезе, ведя неспешную, как и полагается уважаемым людям, беседу – о видах на урожай, о погоде, о том, «будто бы в Хвалынском море видали рыбу-кита»... и о новых завоевателях – полянах.

Ходата оказался не лыком шит, в рыбу-кита не поверил:

– Врут! И про кита, и про... этих... Никто нас не завоевывал. Никогда!

– Но... дань-то вы теперь полянам платите? – насмешливо – но в меру – ухмыльнулся купец.

– Не полянам – варягам. И князь их варяг, и сами они варяги... полян мало там... А уж княжна – краса дева, очей не отвести. А уж разумна! Дань супротив хазарской с ногаты на куну уменьшила. За то многие к ней со всей радостью!

– Что же она – великая и мудрая каганша? – Сувар покачал головой и пригладил рыжую бороду.

Ходата махнул рукой:

– Да какая каганша! Говорю ж – девчонка совсем. Красивая, молодая, ммх... я б такую в наложницы взял! – Икнув, староста облизнулся. – Ладно, друже... Давай-ко за красу женскую выпьем. Да! Ты ж мне каких-то танцовщиц-дев обещал. Забыл?

– Да нет, нет, не забыл, что ты!

Подняв бокал, торговец кивнул слуге – тот опрометью выскочил наружу. И тотчас же откуда ни возмись послышалась нежная мелодия – флейта, барабан, лютня... Музыканты играли на палубе так, что хорошо было слышно в каюте... Дернулась прикрывавшая вход шелковая занавесь...

Грациозно покачиваясь и изгибаясь, в каморку вошли... нет –плыли! – танцовщицы в синих прозрачных шальварах с разрезами, в раззолоченных лифах. Тоненькие смуглые тела девушек, казалось, излучали сладострастие, и столь же страстно сверкали черные очи.

Кружа в такт доносящейся с палубы музыке, танцовщицы вдруг разом хлопнули в ладоши, запели нежными голосами что-то тягучее, сладкое, словно халва или рахат-лукум.

Одна из дев, танцую, словно бы невзначай коснулась гостя рукою, присела рядом, игриво тряхнула головой... упали на глаза темные локоны.

Ходата приобнял деву за талию, погладил голенькую спинку, пощекотал пупок...

- Эта красавица будет твоей, почтеннейший гость, - вкрадчиво прошептали за спиной. - Только захоти!

- Уже хочу!

- Ну, что, похожа эта дева на молодую княжну?

Слишком уж насмешливо произнесли эти слова. Слишком уж громко и как-то глумливо!

Старейшина резко обернулся и, вздрогнув, закусил губу:

- Ата-ач! Ты?! Но...

- Нет, я нынче не за данью - теперь есть дела поважней...

Тот, кого гость назвал Ата-ачем, жестом отправив танцовщиц прочь, уселся рядом, на место сгинувшего куда-то купца. Высокий, худощавый, со светло-голубыми глазами и обычным, ничем не приметным лицом, которое могло бы в равной степени принадлежать русу, немцу или варягу. Небольшая бородка, усы, пышная, светло-русая шевелюра, золотые серьги в ушах, над левой бровью - белесый едва заметный шрам. И улыбка. Весьма обаятельная улыбка... Только вот цену ей Ходата слишком хорошо знал. Цена была одна - смерть! Ата-ач - верный слуга самого царя Хазарии - второго человека после кагана, а по всем не касающимся божества и духовности делам - первого.

- Ата-ач... - снова протянул гость.

Хазарин улыбнулся еще шире, еще обаятельнее, будто встретился после долгой разлуки с самым дорогим и близким ему человеком:

- Вижу, узнал, не забыл.

- Тебя забудешь, как же!

- Ты вроде бы говоришь с осуждением, уважаемый Ходата-боярин? Иль не я тебя всегда поддерживал среди «белых» хазар?

«Белые» хазары... так в отличие от податных - «черных» - именovala себя знать. Те знатные роды, которые всегда имели право на все. Даже, если понадобится, казнить самого кагана!

В длинном булгарском халате из зеленого шелка, в таких же зеленых сафьяновых сапогах, Ата-ач выглядел нарядно и празднично, словно вознамерился провести приятную ночь в публичных заведениях веселого квартала славного города Итиль.

- Поддерживал, да. - Придя в себя, старейшина нехорошо зыркнул глазами. - Но времена уже нынче не те! Здесь - Святослав-князь, а где хазары? Слышал я, не все в каганате по-доброму. А ведь князь идет на вас!

- Идет, чтоб обломать себе зубы! Белые печенежские роды нынче за нас, за нас мадьяры, булгары, торки - это немалая сила, поверь.

- Что-то я ее здесь не вижу, - буркнул гость. - А вот княжну - вижу. И воинов-варягов.

- Хорошо. - Ата-ач покусал ус. - Спрошу еще раз - тебе понравились танцовщицы, мой дорогой

друг?

- Ну... понравились, да. Сувар-купец обещал их продать... незадорого.

- Эти рабыни принадлежат мне, друг мой. - Золотой перстень на среднем пальце хазарина сверкнул изумрудом. - Но я хочу их тебе подарить. Просто так, ибо чего только не сделаешь для старого друга? Мы ведь с тобой друзья, верно?

- Друзья, но... Святослав-князь...

- Святослав далеко, - жестко перебил Ата-ач. - А я и мои люди - близко. И моих врагов... или тех, кто ими вдруг стал, не спасут ни князь, ни молодая княжна, ни варяги.

- Эй, эй. - Приподнявшись, старейшина замахал руками. - Я ведь не враг тебе, нет!

- Я знаю, что не враг... - Холодная усмешка кривила тонкие губы хазарина, в глазах же читались ярость и злоба. - Знаю, что не враг, - верю. Потому и решил подарить тебе дев... А заодно и кое-что попросить. У вас ведь скоро большой праздник светлой богини Лады, так?

Дальний князь Людота - сутулый длиннорукий парень с редкой смешной бородкой, нескладный, но весьма самоуверенный в речах, - нынче обедал с княжной наедине, обговаривая условия привоза дани.

- Ну нет у нас столько деревень, княжна, всеми богами клянусь! - в который раз уже божился Людота. - Пойми, уважаемая, - не-ту! Не могу я за три дюжины сох заплатить... за две только.

- А вот мои видоки говорят мне другое. - Поставив опустевший бокал, Малинда самолично достала из небольшой шкатулки свиток, развернула: - Вот. Белоглядово - три двора, Хвостово - пять, Ящерицыно - девять, а если считать еще и выселки, то одиннадцать, Людотово...

Князь скривился и замахал руками:

- Хватит, хватит! Этак, госпожа моя, ты мне и впрямь насчитаешь куда больше, чем есть.

- Так ты согласен на три дюжины?

- Гм... Согласен, чего уж.

- Ну, тогда выпьем! - Княжна вновь подняла бокал дивной болгарской работы и, прищурившись, расхохоталась. - Неглупый ты человек, князь.

- И ты, госпожа, - не дура, - осклабился гость. - У нас, всех здешних, праздник через три дня - день матери-земли. Почтишь ли, посетишь ли наш храм?

- Позовете - приду, - со всей необходимой серьезностью отозвалась Женька. - И богам вашим, и обычаям почтение оказать сумею. А что за праздник-то?

- Ну... - Людота зачем-то согнал с лица довольную гримасу. - Первые поля убрали, отжали - первый урожай. Скоро свадьбы играть - вот мы и славим Ладу, богиню, что дает людям любовь и счастье! В лесу дремучем - чужие не ведают где - стоит храм, там три ночи подряд молятся да приносят требы самые красивые незамужние девы, потом с юношами встречаются на полях, предаются страсти - чтоб земля всегда родила, чтоб плодородным был год от года.

- А-а-а... - Княжна фыркнула. - Понимаю, понимаю. То есть не просто так трахаются, а со значением и глубоким религиозно-сакральным смыслом - чтоб земля плодородной была. Ты мне тоже предлагаешь поучаствовать?

- А чего б и нет, госпожа моя? - приосанился парень. - Замужним тоже можно, даже и нужно - так волхвы говорят.

- Ну-у, раз волхвы говорят, тогда я спокойна. - Женька издевательски хмыкнула и пристально посмотрела на собеседника - тот даже не поморщился, черт! Наоборот - осклабился нагло, губенки облизал - видать, тоже свободного секса жаждет, и не с кем-нибудь, а именно с Малиндой-княжной.

Княжна пока не знала, как поступить, и до конца дня, выпроводив Людоту, расспрашивала почти всех подряд - и своих, варягов, и местных. Все отвечали одинаково - коли княжна местных богов почитит, то это будет очень даже славно, тогда они - боги местные и волхвы - за Малинду горой встанут да воспринимать ее будут уже не как чужую, а как родную почти.

- То есть надо, говорите? И я, княжна, должна голой на сжатое поле пойти, а потом там с кем-то...

- Не с кем-то, госпожа наша, а с князем... или с волхвом.

- Вот с волхвом-то мне для полного счастья и не хватало! Нет, я, конечно, ничуть не ханжа, но... все-таки как-то стремно.

Эх, был бы жив Велесий! Был бы здесь...

Господи, да что же она тут вообще делает-то? Женька торопливо перекрестилась, помолилась за душу безвременно погибшего Велесия - пусть и языческую, не христианскую - да надолго задумалась, выйдя из высокого княжеского шатра и глядя, как дружинники-варяги сноровисто ставят частокол.

Частокол, оно, конечно, дело хорошее, нужное... как и плодородная сила матери-земли, но... Но вот ей-то, Женьке Летякиной, что до всей этой фигни за дело? Ей бы убраться отсюда поскорей, ей домой бы! Домой... на Выдь-реку... Вот только как?

Людота-князь едва только на коня влез, еще не успел отъехать со свитой, как Малинда-княжна вослед закричала, замахала рукой:

- Эй, Людота! Постой-ка, друг. Да обернись же ты, черт худой!

Князь словно бы услышал ругательства - обернулся да, увидев княжну, заиграл улыбкою:

- Ты, госпожа, небось что-то сказать забыла?

- Не сказать - спросить.

Подбежав, хитрая девчонка взяла князьку за руку:

- Пошли прогуляемся. Во-он, к малиннику... поговорим, ягод поедим. Иль ты спешишь куда?

Сказала, ресницы пушистые опустив, да потом вдруг ожгла синим, как небо, взглядом:

- Ну?

- Нет, нет. - Людота поспешно закивал. - Никуда не спешу, моя госпожа. Пойдем, конечно.

Невзирая на некоторые опасения Летякиной, местный князек, несмотря на весь свой неказистый вид, оказался парнем не только умным, но еще и знающим, весьма толково прояснив для княжны всю здешнюю географию.

- В Ладогу, спросишь, как? Да просто. Вниз по реке, через голяди земли, а потом - недолго - волоком - выплывешь к большой Итиль-реке, потом по рекам Чагоде да Чадогоще к Выди, затем опять волоком и...

- Хватит, хватит. - Женька замахала руками. - Спасибо, друг! Вполне достаточно. Значит, все время плыть и - иногда - волоками?

- Ну, так.

- А купцы... они часто в те места хаживают?

- Да постоянно хаживают. Вон и сейчас Сувар-булгарина караван в семь ладеек - как раз в Ладогу идут.

- Сувар-булгарин... так-так... Так он уплыл уже?

- Да нет. У Ходоты стоит, у деревни его, Ходотова. После праздника поплывут... Ну, так... - Князь неожиданно замялся и покраснел. - Ты как, госпожа, решила - на праздник?

- Решилась, решилась, - размышляя о чем-то своем, рассеянно заверила девушка.

Людота весь просиял, словно начищенный медный таз, взволновался, взял княжну за руку:

- Вот славно-то! Вот... Тогда мы с тобой там, на поле, и встретимся, ладно?

Уходя, Святослав взял с собою Малушу - ну как же, не здесь же юную наложницу оставлять, рядом с молодою женою! Уж лучше б прихватил с собой чертову парочку - Довмысла со Стемидом, от которых, конечно же, все еще исходила опасность, хоть Женька и свела ее до минимума. Слава богу, и Довмысл, и Стемид отнюдь не были дурнями и все прекрасно поняли, особенно - после той памятной беседы княжны с воеводой больше хвосты не подымали, а и Женька дурного не поминала, относилась к обоим ровно, не выделяя ничем, а как недруги ее попросились со своими воями в сторожу дальнюю - так никто им и не перечил. Малинда-княжна отпустила с радостью - скатертью дорога!

На следующий день, с утра уже, явился Сувар-булгарин. Не с пустыми руками, конечно, пришел - с подарками: узорчатые полупрозрачные ткани, плоское (невиданное по тем временам дело!) стекло, серебряная и золотая посуда.

- И вот еще. - Обернувшись, торговец щелкнул пальцами вставшим невдалеке слугам.

Те проворно подвели к высокому княжескому шатру полуголых дев, красивых и смуглых.

- В служанки тебе, великая госпожа, - скромно пояснил Сувар. - Все умеют, все могут.

Женька от подарков не отказалась - не принято, - да и, в конце-то концов, и на дорогу до Выди

деньжата понадобятся, а рабынь... рабынь можно хоть тому же Людоте передарить, а то ходит вокруг с сексуально озабоченным видом, облизывается.

О делах своих Женька не забывала, уточнила, прощаясь:

- Так ты, Сувар-гость, говоришь - в Ладогу?

- Туда, госпожа моя.

- А когда?

- После праздника здешнего еще денька три постоим, поторгуем, а потом - и в путь. В Ладоге, на своем дворе, перезимуем, подкупим много чего, а ближе к лету, как лед с рек сойдет - и домой.

- Ага, ага... поняла.

Княжна покусала губу - через три дня после праздника матери-земли, значит... К тому времени надо бы придумать что-нибудь.

Именно так - придумать, хотя, казалось бы, что тут и думать-то? Договорилась тайно с купцом, в ладью забралась, да в путь. Просто! На первый взгляд. Однако, с другой стороны - можно себе представить, что здесь будет твориться после таинственного исчезновения княжны! Супруга киевского князя все ж не сенная девка и просто так - тайно - уйти не могла, понимала, что тем самым подставит всех воинов из дружины Эйнара-варяга - а они давно уже не были для нее чужими. Нехорошо получится, коли так. Не-ет, тут что-то придумать надо, что-то такое... чтоб никаких сомнений - ни у кого. Мол, отъехала по делам... в Киев! Ну да, так. Дань, мол, пусть со всем тщанием за нею следом везут, охраняют, а княжна - налегке, с малой дружиною... Вот это и плохо - с дружиною! Надо думать, как от них к Сувару-купцу ускользнуть да не подставить воинов. Эх, были бы какие-нибудь... которые бы... которых не очень жалко!

Лада считалась покровительницей любви, браков, светлой божней юности, красоты и сексуальной силы, щедрой матерью плодородия. К празднику готовились загодя. Еще за три дня двенадцать специально отобранных волхвами красивейших дев отправились на дальнее капище - молить и ублажать богиню, туда же ушли и двенадцать юношей из самых лучших и сильных родов. Остальные готовились к празднеству, не бросая свои насущные дела: ставили брагу, варили пиво, а в последнюю ночь - пекли пироги с капустой, с грибами, рыбки.

С утра уже все нарядись по-праздничному - достали чистые рубахи, надели многочисленные украшения - браслеты, кольца, шейные гривны. Молодые веселые парни наигрывали на гудках и жалейках, били в бубны. Спустившись к реке, девушки плели венки, пускали по воде - плыть, на судьбу свою гадали. По деревням, прямо на улице, стояли бочки с брагой и пивом, хозяйки раскладывали угощение на вытасненных из домов скамьях или прямо на траве, по-простому. Денек выдался солнечный, славный, да и не мог быть другим - видать, сама богиня постаралась. Отражаясь в реке, плыли по небу ослепительно-белые облака, пересвистывались в кусточках птицы, порхали на лугу разноцветные бабочки, проносились над самой водой синие прозрачнокрылые стрекозы.

Вездесущие мальчишки уже успели искупаться и теперь, весело смеясь, бежали перед отправившимися к дальнему капищу поселянами. Впереди, потрясая перевязанными разноцветными ленточками посохами, важно шествовали волхвы. Три кудесника, два чародея и

даже один – облакопрогонитель. И правда, а вдруг – гроза? Вот он тучи-то и разгонит. А не разгонит – знать, осерчали на селян великие боги, надо будет срочно добрую жертву принести – козленка или даже коня.

Холодной зимою прекрасная Лада скрывалась во мраке, за темными снеговыми тучами, печальной узницей – до весны. Весной же расцветал пламенный цветок Перуна, открывались двери темницы, и прекрасная богиня прогоняла зиму, как каждый день прогоняет ночь, вызывая поутру ясное светлое солнышко. Покинув узилище, Лада вступала в брак с Громовником, могучим и непобедимым, посылая на землю благодатные дожди и утренние росы. Росу считали слезами богини, слезы падали наземь, распускался свет солнышка.

Не огонь горит, не смола кипит,
А горит-кипит ретиво сердце
по красной девице...

– затянули на ходу любовную песню, тягучую, грустную, от которой хотелось плакать – вот девчонки и плакали...

Погрустили малость, запели песню другую – веселую, плясовую:

Дай нам житцу да пленницы,
Лада наша, Лада,
В огороде, сеножаце,
Лада наша, Лада,
Ровны гряды, росны ряды,
Лада наша, Лада!

Так дальше и шли – лугом – пели, смеялись, кружили на ходу в танце.

Малинда-княжна, как почетная гостья, ехала чуть позади, на белой кобыле, в сопровождении верных варягов Эйнара. В отличие от своих воинов молодой хевдинг казался непривычно озабоченным и хмурым – не нравилось ему это скопище вятичей, кои – тут рыжий Рулаф прав! – еще куда дремучее древлян. Кто знает, что у этих веселящихся дикарей на уме? Вдруг да по скудоумию своему решат принести княжну в жертву своим кровавым богам? Что боги вятичей очень жестоки – варяг не сомневался ничуть: в этих-то чащобах иных и быть не может!

Вот и посматривал хевдинг вокруг с подозрительностью, велел луки да стрелы наготове держать да, подумав, отправил Рулафа с десятком разведать обходные пути – вдруг да отступить срочно понадобится? С дикими лесовиками всегда нужно держать ухо востро. Слава Одину, нынче было где отбиваться – выстроили все же на крутом берегу городище-детинец, третьего дня закончили наконец частокол.

Почти не трогая поводья коня (варяги получили полтабуна в качестве подарков и дани), Эйнар примечал на пути все: неприметный овражек – там, если что, можно устроить засаду, на худой конец – спрятаться, переждать, – лес с буреломами, заливные луга, крутую, с пологим спуском, излучину с привязанными к вбитым колышкам лодками. Невдалеке, за лесочком, таилась деревня.

– Фарлаф, – не оборачиваясь, сквозь зубы подозвал хевдинг. – Возьми двоих, незаметно спуститесь к лодкам, спрячьтесь. Там рыбаки – так вот, чтоб они вас не видели. Если что-то пойдет не так или просто покажется вам подозрительным, помните – врага надо убивать

первым!

- Чтобы не быть убитым самому! - Белобрысый Фарлаф ухмыльнулся и, поправив на голове надежный кованый шлем, махнул рукой двум своим приятелям, таким же подросткам - Харальду и Атли. Харальд был темно-русым, Атли - светленьким, в остальном же они мало разнились - оба худые, поджарые, жилистые, оба - из одного рода, рода победителей-викингов.

Эйнар с одобрением глянул, как споро парни выполнили его приказание: чуть поотстав, нырнули в густую траву, проползли к реке змеями, затаились - лишь веточка ивы чуть шевельнулась. Да, придет время, и этих повзрослевших парней, вернувшись на родину, вполне можно будет взять с собою в дальний поход на богатые земли трусливых англов, франков, германцев. Интересно, на сколько драккаров хватит заработанных в Гардарике сокровищ? На два - не меньше, и еще останется на пару небольших снеккеров.

Бегущая по лугу дорожка, отходя от реки, резко сворачивала в лес, в самую чащу. Едущий впереди, сразу за волхвами, князенок Людота, придержав коня, подождал высокую гостью:

- Добрались почти. Скоро капище. Чужим - твоим воям - нельзя.

- Я не оставлю княжну без охраны! - резко возразил Эйнар.

Женька качнула головой так, что звякнули височные кольца, навешанные с каждой стороны по три штуки:

- Я поеду дальше с князем. Одна! А вы ждите здесь.

- Но, госпожа...

- Сказала - ждите! Мое дело приказывать, ваше - исполнять.

Сверкнув глазами, княжна понизила голос и, когда Людота радостно поскакал к волхвам, быстро добавила:

- Просто не мозольте глаза. Сделайте так, чтоб вас никто не видел.

- Понял, госпожа! Исполняю.

Где-то в глубине души вся эта затея молодому варягу нравилась: от темного, с урочищами и буреломами, леса прямо таки веяло, сквозило опасностью - а это для викинга в радость! Кровь, звон мечей или, вот как сейчас, острый запах смерти. Такое вот предчувствие... Славно же, славно! Да, княжну могут убить - и этого хевдингу и его воинам не простит никто: ни Святослав, ни Свенельд, ни Ольга. Тогда останется одно - погибнуть с честью, а это уже немало!

Хотя, конечно, Малинда-княжна всем кенугардским варягам по нраву и не хотелось бы, чтобы с ней что-то произошло, но... Пусть будет так, как решат боги, как сплетут светлоокие девы - норны - нити судьбы, не зря ведь сказано в сагах - «никто не избегнет норн приговора».

Все простолюдины остались там же, с варягами, на лугу. Как поняла Женька, в капище были допущены только избранные - князь Людота, бояре, старейшины, волхвы...

Лес становился все гуще, угрюмее. Высокие, рвущиеся к небу сосны сменились темными елями, светлые липы и ясени – хмурой осиной. Все чаще попадались на пути буреломы, и вот уже пришлось оставить коней и пробираться дальше пешком, ибо ехать уже не было больше никакой возможности. Впрочем, Людота об этом предупреждал.

Вот и сейчас князек оказался рядом – шел чуть ли не рука об руку, рассказывал что-то веселое, галантно помогая девчонке перебраться через поваленные ветром стволы, показывал, пояснял:

– Вот, госпожа моя, видишь, как наши украсили лентами ветки? Это шелковые ленточки, недешевые весьма – так ради праздника-то ничего не жаль.

– Далеко у вас храм, – покачала головою княжна. – Неудобно.

Людота загадочно улыбнулся:

– Чем тяжелее путь, тем слаще отдых!

На секс намекает – Женька хмыкнула и едва не споткнулась об какую-то корягу, хорошо, князь поддержал, подхватил за талию... и долго так держал, не отпускал, пока княжна не напомнила:

– Ну, так мы идем или стоим тут?

– Идем, идем, да!

Женька вдруг сообразила, что все эти буреломы и завалы вовсе не дело стихии: не может ветер так вот ровненько – куда надо – деревья валить! Да и стволы-то подрублены аккуратно – местные специально все устроили, чтоб чужим не пройти! Правда, для себя-то могли и оставить поудобней дорожку...

Так и случилось: миновав засеки, путники выбрались на довольно широкую тропу, исчезавшую в зарослях орешника и рябины. Там же, в той стороне, высился изрядных размеров дуб, наверняка – священное дерево. Значит, и капище где-то рядом, похоже – пришли.

И в самом деле, волхвы уже где-то скрылись, все же остальные остановились у неширокого ручья и принялись терпеливо ждать.

– Изопьешь, госпожа?

Людота набрал в плетеную фляжку воды, протянул царственной деवे.

– Спасибо, князь.

Княжна с удовольствием напилась, чувствуя, как от холодной водички на миг заломило зубы, и, протянув баклажку обратно, хотела что-то спросить. Но не успела – из лесу выскочили взволнованные чем-то волхвы!

– Там, там... – ошалело вращал глазами самый младший из всех – облакопрогонитель. – Страх! Кровь! Жуть! Там... там...

Женька не выдержала:

– Да что случилось-то?

– Идемте, – нехорошо усмехнулся седобородый бровастый старик-кудесник. – Увидите – что.

Капище представляло собою просто устроенный вокруг дуба частокол, не столь уж и высокий и не из самых толстых бревен, скорее – от зверья, не от человека. Хилые воротца были распахнуты настежь, а как раз напротив них, во дворе, валялся грубовато вырезанный из дерева идол с явными женскими признаками – изображение богини Лады? Но... кто ж его так? И зачем?

– О, боги...

Князь хлопнул в ладоши, а Женька побледнела, едва только вошла в капище. Рядом с дубом был вкопан в землю другой идол, небольшой, тоже деревянный, но с позолоченными усами и в воинском варяжском шлеме, какие обычно носили дружинники Святослава. Вокруг идола на воткнутых рогатинах кровавились аккуратно отрезанные головы. Все – девичьи, числом двенадцать...

– Да-а-а... – тихо протянул князь. – Ну и дела творятся.

– Эй, эй, сюда! – закричал кто-то снаружи. – Тут, в овраге... Гляньте-ка!

Женька тоже пошла, особо даже и не соображая – зачем. Наверное, так, из любопытства, а скорей, за компанию – все же пошли, вот и она... с Людотой...

Зря пошла! Княжна едва только заглянула в овражек, как ее тут же и вырвало – больно уж кроваво все было, ужасно кроваво, страшно и как-то не по-людски! Там, в капище, были мертвые девичьи головы, а здесь... здесь лежали тела парней. Раздетые до пояса, с взрезанными мечом спинами... вытащенные наружу легкие кровавились жуткими крыльями.

– «Красный орел»! – тихо промолвил Людота. – Варяжская казнь.

Седобородый жрец, подойдя ближе, с ненавистью глянул на Женьку:

– В капище идол не наш! То Перун! Та-ак... так вы своих богов с собою призвали? Так ведь выходит, княжна? Им и первые жертвы – дев, отроков...

– Это не мы, – постепенно приходя в себя, растерянno протянула девушка. – Не мы это.

– Надо ее в жертву принести! – Молодой волхв-облакопрогонитель дернул редкой бородкой и хищно, совсем по-волчьи, осклабился. – Прямо сейчас, здесь. Иначе не простят боги.

– То верно! – зловеще переглянулись жрецы.

Старейшины и все прочие одобрительно закивали, даже Людота – предатель чертов! – поспешно отскочил от княжны, словно бы забоялся вдруг заразиться какой-нибудь неизлечимой болезнью.

– Добро! – Обернувшись, кудесник махнул рукой младшим жрецам. – Хватайте ее, парни. Да позовите всех! Силы нам ныне понадобятся... Ужо почтим Ладу, почтим!

– Эй, эй, вы что творите-то?

Женька запоздало задергалась, пытаясь вырваться, однако ей тут же заткнули рот – просто ударили в скулу, вырубил...

Долго ли девушка пробыла в забытьи, то ей было неведомо, а только, очнувшись, она ощутила

вдруг, что лежит в траве абсолютно голою, а чьи-то жадные похотливые руки шарят по всему телу, гладят, трогают грудь, щипают...

Младшие жрецы! Сволочи озабоченные! Еще и толкались, отпихивали друг друга:

- Дай мне ущипнуть!

- И я хочу. И я!

- Моя, моя очередь!

- Так, может, ее...

- Что ты! Сказано же тебе - все подряд будут! А потом... Потом - казним в славу Лады!

- Ужо отомстим за наших всех!

- Эй, парни! - громкий голос главного волхва заставил похотливых жрецов бросить свое увлекательное занятие. - Помогите там... Деревины надо пригнуть.

- Корнованием казнить будем? Вот славно-то! Я никогда не видел.

- И я...

- Постойте-ка, отроци! Раз корнованием - так зачем же второе дерево нагибать? Разорвать ее на две части хотят - деревьями - тако мыслю!

Женька вообще сейчас соображала туго: это что, про нее? Это что, именно ее всерьез собираются привязать за ноги к пригнутым вершинами к земле деревьям, потом их отпустить... Так казнили Игоря, князя. Древляне казнили, а эти-то еще хуже древлян, злее. Хотя... отрезанные девичьи головы... кровавые трупы в овраге... Господи-и-и-и... ужас какой!

А к ногам уже привязывали веревки... вот потащили...

Волхвы замахали руками:

- Дид-лало, дид-лало! Лад-Лель!

Вятчи захохотали, завывали, запрыгали... и вдруг попадали наземь! Один, второй... третий...

- Лучники! - истошно заорал кто-то. - Ложись!

Откуда ни возьмись выскочили из-за деревьев воины в серебристых кольчугах, с секирами и мечами... Действовали умело и четко - пока одни оттеснили вятчей к капищу, другие освободили от пут княжну, увели в лес...

- Скорей, госпожа, скорее! - подгонял Эйнар.

Нехорошие предчувствия нынче хевдинга не обманули. Так и вышло! Хорошо, славно! И мечом, и секирой удалось помахать, и Малинду-княжну спасти. Правда, не совсем еще...

Колющие ветки били в лицо, больно царапали кожу - не очень-то приятно бегать нагишом по лесной чаще - а деваться некуда! Не убежишь - не просто пропадешь, сгинешь, а погибнешь вполне конкретной лютой смертью.

Так что – беги, Женька, беги! Беги, стиснув зубы, не обращая внимания на боль и стыд. Впрочем, о стыде тут пока вообще говорить нечего – как-то не до того.

Выбравшись из чащи, беглецы обрели оставленных лошадей, а вместе с ними – и так необходимую нынче мобильность. Впрочем, все равно следовало поторапливаться – вятичей было гораздо больше. Хотя, конечно, будь на все воля хевдинга – уж и повеселился бы, порубал бы врагов и сам бы пал смертью храбрых. Погиб бы с мечом в руках, как и полагается воину! Славному воину – славная смерть! Под звон мечей, под стоны и крики раненых, под запах крови! Волшебная музыка битвы, песни Валгаллы...

В задумчивости Эйнар придержал коня...

– Не думай о Валгалле, хевдинг! – Женька тоже знала, кто такие викинги и чего от них ждать. – Здесь все – не то!

– Не то? – озадаченно обернулся варяг.

– Не то! – Княжна нервно рассмеялась.

Голая, исцарапанная, грязная, с всклокоченными волосами – зрелище еще то! Хотя – если по-другому взглянуть – истинная Валькирия, вестница мудрого Одина, дева битвы и смерти!

– И смерть твоя – не та! От кого – от этих косматых дикарей? Никакой в том славы. Нет, хевдинг, сначала обрети славу, а уж потом – погибай.

Коротким Женькиным спичем варяг проникся сразу же – сам же ведь о чем-то подобном и думал, испытывая сомнения... разрешившиеся сейчас в пользу княжны! Все ж не дура – права, права! Погибнуть здесь – разве ж это слава? Когда можно еще так славно повоевать! И не с этим вонючим лесным сбродом. Хотя... можно и с ними – пусть соберут воинов без числа!

– Едем!

Эйнар махнул рукой, и все понеслись вскачь. Женька изо всех сил старалась держаться в седле, что было довольно сложно... но девушка справилась, не сорвалась, смогла. Все ж туристка, привыкла к трудностям... как и к тому, что эти трудности вполне себе можно и нужно преодолевать, не крича и не жалуясь, стиснув зубы. И плевать, что больно, что неприглядная, голая среди молодых парней – славян и варягов, – плевать!

Не сорвалась! Не упала!

Пусть позади гнались разъяренные вятичи, зато впереди уже блеснула река!

– Рулаф – в овраг, в засаду, – спешившись, распорядился Эйнар. – Все остальные за мною – к реке.

В лодках у излучины уже ждали белобрысый Фарлаф и его юные приятели – Харальд и Атли. Свежие трупы рыбаков валялись в камышах, не особо-то и спрятанные. Просто не успели ребятишки.

Зато как обрадовались княжне! Или тому, что вдруг увидели ее нагою? Развеселились, замахали руками...

– На весла все! Харальд, панцирь снимай...

- Панцирь?

Хороший был у Харальда панцирь – толстой бычьей кожи, с нашитыми железными бляхами – редкая стрела пробьет!

- Да. И рубаху. Рубаху отдашь княжне, панцирь можешь одеть обратно. Если не боишься, что натрет спину.

- Не натрет! Добрый панцирь.

- Вот! – Едва отчалили, парнишка живо стащил рубаху и с поклоном протянул деде. – Возьми, моя госпожа.

И сам такой вдруг сделался гордый! Еще бы – не у каждого простого воина высокородные господа рубахи спрашивают! Далеко не каждый день.

- Я сложу про этот случай вису, – работая веслом, улыбнулся Харальд. – Все будут знать. Завидовать!

Брызги летели прямо в лица гребцов. Подгоняемые мощными ударами весел лодки ходко поднимались вверх по течению реки, не столь уж и бурной, спасибо великим богам.

- Харальд вису собрался сложить, – пробравшись к притулившейся на носу Женьке, зачем-то сообщил хевдинг. – Думаю, назовет «Спасение рубахой княжны» или как-то вроде. Еще и приврет – будто ты, госпожа, его еще и поцеловала, ага.

- Так ведь и поцелую! – расхохоталась Женька. – Вот прямо сейчас! Эй, Харальд! А ну-ка, давай сюда.

Глава 11. Лето – осень 964 г. Земли вятичей. Двери...

Вятичи обложили детинец вполне надежно – взяли в кольцо, выставили сторожу. Внутри, в недавно огороженной частоколом крепостице, княжна Женька Летякина, незадачливая студентка с верной варяжской дружиной в количестве восьмидесяти трех человек, и снаружи врагов – без числа! Варяги, между прочим, этому откровенно радовались, особенно Эйнар-хевдинг. Не боясь чужих стрел, он постоянно маячил на воротной башне, ухмылялся, довольно потирая руки, – уж теперь-то все погибнут здесь с честью. И вознесутся в Валгаллу... почти все.

- Да, в Валгаллу – это славно! – поддакивал своему командиру часовой – темно-русый скальдик Харальд. – Вот только жаль, Малинды-княжны там с нами не будет.

- Что, понравился ее поцелуй? – Эйнар хохотнул, глядя на появившиеся на реке ладьи – снова к вятичам приплыла подмога.

Ну, так здесь их земля...

- Не в том дело, что поцелуй... Сама-то княжна...

- Я знаю – очень хороша! – кивком оборвал хевдинг. – И все это знают. Умная, красивая, славная! Что и говорить, повезло Святославу-конунгу с женой.

- Я вот не пойму. – Харальд все никак не унимался. – Она что же, из наших? Многие так говорят.

- Мать ее была из наших. Из самого знатного рода, аж от самых Инглингов!

- От Инглингов!!!

- А отец - славный конунг Вепсланда.

- Вепсланд?

- О, это суровая лесная земля, - покровительственно улыбнулся Эйнар. - Зимой там, как у нас, в Халогаланде, стужа, а летом - мошка. И лес... вот как здесь, даже еще хуже. Совсем непроходимая чаща, с одной тропой - в мир нидингов и троллей.

Скальдик округлил глаза:

- Неужели и тролли там есть?

- Есть. Спроси вон у княжны - она как раз к нам идет, похоже.

Высунувшись на двор, хевдинг помахал рукою:

- Приветствую тебя, славная Малинда-княгиня, да благоволит тебе Фрейя.

Княжна сноровисто поднялась по лестнице - слава богу, одежды с собой взяла целый сундук, переодеться хватило. Правда, теперь Женька не в варяжском сарафане щеголяла, нарядилась в византийское - изысканная палевая туника, поверх - тяжелая темно-сиреневая, затканная золотом стола, на голове - золотой венец. Даже издали посмотришь, скажешь - императрица, а уж ежели вблизи...

- Ой! - Подавая руку - помочь подняться с лестницы - Эйнар совсем по-простецки ахнул.

Харальд же засунул себе палец в рот да так и застыл, глаз от красавицы княжны не отрывая.

Женька довольно опустила глаза:

- Что - нравлюсь?

- Словно второе солнце!

- Да что там второе - первое!

Услышать такое Летяжиной было приятно. Солнцем ее раньше только мама называла, да и то - в детстве, что же касаясь бойфрендов, то дальше какой-нибудь пошлой «рыбки» и «зайки» их фантазия не поднималась.

- Да-а... - Внимательно осмотрев окрестности, княжна покачала головой. - Однако, и народу... И в кустах, и на поле, и вон, за деревьями...

- У реки еще, - показал пальцем Харальд. - Вон снелкары! Ой, как славнo-то, госпожа. Умрем достойно! Сколько врагов.

Женька медленно, с истинно императорской грацией, повернула голову.

- Кто тебе сказал, что это враги, мальчик?

Варяги удивленно переглянулись:

– А кто же?

– Данники наши, вятичи. – Княжна повела плечом. – Просто их кто-то здорово обманул. Я даже догадываюсь кто...

– Кто, госпожа?

– Вот вместе с вятичами и поищем. Эйнар – коня мне и человек с дюжину свиты! Нет, даже полдюжины вполне хватит. Таких, не очень чтоб страшных, веселых... короче, я сама выберу.

Слово княжны – закон, и Эйнар-хевдинг не мог ничего с этим поделать. Раз уж сказала, что поедет говорить с врагами, – значит, поедет, и прекословить бесполезно... да и чревато. Все знали, юная княжна нраву крутого да и на язык остра, одним словом припечатает – потом сто лет не отмоешься! Да и... раз уж все равно погибать...

В число сопровождавших повелительницу викингов попали рыжий десятник Рулаф, малолетний скальд Харальд со своими дружками Атли и Фарлафом и еще парочка парней, обликом отдаленно похожих на сладких мальчиков из модной корейской поп-группы.

Вполне себе симпатичные парни... и веселые – за веселье отвечал Рулаф, он-то по знаку княжны и начал, едва только отъехали.

– Была у одного древлянина лодка. Хорошая, вместительная очень, правда, дырявая – текла нещадно...

Через пару минут все хохотали, даже Женька, вообще-то, нашедшая анекдот довольно-таки пошлым... впрочем – пускай. Чем веселей, тем лучше.

Так вот, до слез смеясь, процессия и подъехала к вражеским разъездам... то есть это разъезд подъехал – наметом выскочила из балки конная сотня во главе с Людотой-князем. Окружили, гарцевали рядом... джигиты, блин, лесные!

– Здорово, Людота. – Спешившись, Летякина улыбнулась. – Как жизнь?

Князь подбоченился:

– Ничего себе жизнь, слава богам. Скоро вам вот отомстим за всех наших!

– Не тем мстите, – перестав улыбаться, наставительно промолвила Женька. – Ой, чувствую, опозоритесь вы перед богами.

– Ты насмехаться приехала?

– Нет. Просто поговорить. Кроме тебя, кто постарше сыщется?

– А не боишься, что мы тебя...

– Нет! Знаю, что все вятичи – смелые и благородные люди. Как наши древляне.

Услышав про древлян, варяги заулыбались, а Харальд так и захохотал во весь голос... правда, тут же осекся, зажал рот рукою.

- Этот мальчик уж больно смешливый у нас, - на полном серьезе пояснила княжна. - Палец покажи - обхохочется. Ну, так что - поедem к вашим старейшинам или так и будем тут, посреди поля, стоять?

Местные старейшины и князья приняли Женьку настороженно, даже не предложили ни еды, ни питья, что было совсем уж тяжким оскорблением для высокородных гостей. Впрочем, княжна вовсе не обиделась - не на ту напали! - а сразу перешла к делу:

- Убили ваших людей, дерзко и подло, поставили головы Перуну, вырезали на спинах кровавого орла... Вы говорите - мы? Тогда прошу пояснить - почему так? Если докажете - сами вам в плен сдадимся, честное княжеское!

- Вы! Вы!!! - гневно потрясая посохом, забрызжал слюной старый седобородый волхв. - Ужо я вас, ужо! Ухх!!!

- Ну, так почему мы-то, дедушка?

Жрец исступленно затрясся:

- Потому что вы - подлые чужаки! Больше никому! Ух, ух, чур вас, чур!

Чуть отстранясь, Женька повернулась к Людоте и скривилась:

- А кроме этого старого маразматика у вас кто-нибудь поумнее найдется? Вон, старейшины-то что молчат?

- Так то старейшины, а это - волхв!

- Раз волхв, так пусть идет к богам да молится. Что он тут, как дурак, скачет-то?

Княжна выглядела настолько спокойной и безмятежной, что старейшины и Людота, переглянувшись, все ж таки убрали волхва - младшие жрецы с завыванием утащили его прочь, так что вскоре ругательства и самая отъявленная божба затихли где-то за балкою.

- Ну, вот. - Поглядев им вслед, Женька потерла руки. - Помощники депутата наконец-то освободили нам время и место для конкретной беседы. Начнем?

Глянув старейшинам прямо в глаза, княжна отошла в тень, под росшие рядом красавицы липы:

- Нас просто хотят стравить - вы не догадались? Прошу, послушайте... Итак, кому то мерзкое убийство было выгодно? Ну, подумайте сами? Нам? Так вы и без того на нашу «крышу», на дань, типа того, согласились - не так?

Старейшины слушали молча, лишь Людота-князь, еще больше сутулясь, несмело кивнул.

- И тогда зачем нам убивать кого-то из ваших? Да еще так демонстративно, вызывающе...

- Княжна, - кто-то из старейшин, отдуваясь от зноя, вышел вперед. - Ты б варяжские слова не говорила, а то мы не все понимаем.

- Варяжские слова? - Женька непонимающе наморщила лоб. - Ну, постараюсь. Так вот, я вам еще раз со всей ответственностью официально заявляю: мы никого не убивали и не собирались убивать! Это-то вам, надеюсь, понятно?

- Это - понятно. Но то - токмо слова твои. А вот Перуну вашему - жертвы... и кровавый орел - варяжский!

- Ну так вот! Я же и говорю - кто-то нас поссорить хочет. Кому вы раньше дань платили? Хазарам? Так вот, думаю, хазар-то здесь и надо искать. И вообще, предлагаю расследовать это дело вместе... Не понимаете? Ну... вместе след гнать. Выберите от себя кого-нибудь поумнее, а у нас - я и так самая умная, тем более - с опытом. Да, хорошо б от вас был кто-нибудь, чтоб разбирался в покойниках... какой-нибудь волхв, что ли... Ну, что стоите, топчетесь, люди? Ау! Согласны? Ничего ведь с вас не станется.

День выдался жаркий, и в тяжелых византийских одеждах было невыносимо душно, княжна даже чувствовала, как стекает по спине, между лопатками, пот. Эх, сбросить бы все - да в речку!

- Езжай покуда, княжна, - наконец выступил от имени всех старейшин Людота. - Мы подумаем, а к вечеру ответ дадим. Езжай.

Купаться в реке Летяжиной как-то было стремно: плес рядом с детинцем насквозь простреливался вятичами, не очень-то хотелось угодить под стрелу, да и так... пляться все будут, как будто никогда девок голых не видели.

Подумав, княжна велела притащить прямо в шатер бочку да натаскать воды, после чего, скинув одежду, с наслаждением забралась в импровизированную купальню. Даже ойкнула - по первости-то водичка холодноватой показалась.

Там, в бочке, и застал ее явившийся с докладом Эйнар. Испросив разрешения, вошел... да застыл смущенно.

- Ну, что там у тебя, хевдинг? - Женька брызнула на варяга водицей. - Не молчать же пришел!

- Не молчать, моя госпожа. Вятичи согласны. Сказали, завтра поутру будут ждать у плеса. И что ты можешь взять с собой четверых воинов для охраны.

- Именно четверых? Ни больше, ни меньше?

- Так они сказали. - Эйнар скривился. - Почему - понятно. Три, пять, семь или девять - священные числа, а четыре - ни туда, ни сюда. Верно, их колдуны так решили.

- Да и ладно! Буду я еще на всяких там колдунов внимание обращать.

Утром в легком варяжском сарафане поверх тоненькой, с короткими рукавами, туники княжна в сопровождении четырех молодых воинов - Фарлафа, Харальда, Атли и Бьорна - как и договаривались, спустилась к плесу и в ожидании уселась на перевернутую лодку. Волосы княжны покрывала лишь широкая головная повязка с рунами - подарок старого воеводы Свенельда - нацеплять на себя украшения, кроме колец да браслетов, Тяка тоже не стала - в волшебную силу оберегов она не верила напрочь и нынче хотела чувствовать себя поудобней. Не как вчера - парилась в столе, вот уж теперь - нет, хватит, можно и с короткими рукавами походить.

Поднимая на реке рябь, дул легкий ветерок, за дальним лесом поднималось солнышко, где-то в ельнике, невдалеке, куковала кукушка, на песчаной отмели, сверкая чешуей, играла верткая

рыбья мелочь, всякие там налимы, уклеики...

Ожидание между тем затянулось, и княжна прекрасно себе представляла – почему. Вятичи просто выпендривались, показывали, кто тут главный, вот уж поистине – дикари.

Что ж, подождем...

– Харальд! Ты вису-то сложил?

– Да, госпожа!

Юноша поспешно повернулся, вытянулся, сверкнул из-под шлема глазами:

– Дозволишь прочесть?

– Прочти. Послушаем.

Харальд упер в землю рогатину, откашлялся и начал:

Так радуюсь я
встрече с княжною,
как рады взалкавшие
Одина соколы,
что убитых почуяли
теплое мясо
иль видят рассвет,
росою омытые...

– Госпожа! – вдруг прервал чтеца Атли. – Вятичи!

Их было девять. Людота-князь, двое богато одетых старейшин, худой клочкобородый мужчина лет тридцати в длинном, щедро украшенном вышивкой балахоне – по всей видимости, волхв – и пятеро воинов в панцирях из бычьих шкур и шлемах. У каждого, кроме старейшин, висел на перевязи меч, за поясами торчали кинжалы.

– Ну что, пошли трупы осмотрим? – хмыкнув, предложила Женька. – Надеюсь, вы еще их схоронить не успели?

– Завтра тризна. – Людота-князь наклонил голову и соизволил представить остальных: – С нами славные Огонаст и Борич, старейшины многолюдных селений, с нами и мудрый Судислав-волхв. Все, как ты просила.

– Ну, тогда пойдем. Где трупы-то?

– Ой, княжна... – Людота задумчиво погладил редкую бороду. – Боюсь, родичи убитых тебя видеть не захотят.

– Ну и не надо, – отмахнулась девушка. – Пусть мудрый Судислав-волхв их осмотрит... может, что подозрительное заметит, может, и не заметит – не знаю. Но осмотреть надо – во всех криминальных сериалах так делают.

Людота – судя по всему, он и был в комиссии вятичей главным – молча кивнул, проглотив про «криминальные сериалы» без всяких вопросов – к тому, что княжна время от времени вставляет в речь непонятные «варяжские» слова, здесь уже привыкли.

Волхв, сверкнув чувственными карими очами, ушел точно так же, молча, оставшиеся ж тупо посмотрели на Женьку – пусть уж тут и решает, коль позвала.

– А мы с вами – на место происшествия, – деловито распорядилась дева. – Лодки-то найдутся у вас?

На повторный осмотр места происшествия высокая комиссия потратила целый день – и без всякого толку. Вернулись лишь к ночи, все уставшие, злые, оборванные. Пробираясь по буреломам, Женька разорвала подол и исцарапала себе все руки, запоздало подумав, что с короткими рукавами в лес не стоило б и соваться.

Мерно гребли сидевшие на веслах варяги. Устроившись на носу, княжна рассеянно смотрела на проплывающие мимо берега, густо поросшие лесом, и пыталась рассуждать на уголовно-криминальные темы. Проще говоря, вспоминала сериалы и фильмы – как там-то делали? Место происшествия осматривали, трупы – да, а что еще? Еще – искали свидетелей, это понятно... где их только найдешь, ведь ясно же, что столь кровавые дела у всех на виду не делаются. И вряд ли кто-нибудь в момент убийств шатался невдалеке по лесу – какой-нибудь охотник или грибник. Даже если таковые и были – их либо сразу убили бы, либо они рассказали уже б все давно. В лесу близ капища, кстати, никаких новых трупов не нашли: похоже, никаких свидетелей и не имелось. Тогда кого искать? А сразу убийц и искать – так уж получается. Подумать еще раз – кому выгодно? Старейшинам местным, князьям? Хм... Сомнительно. Если б они до появления Святослава свободными были, а то – под хазарами. Да и платили – больше. Нет, вряд ли местные, особо-то их не «примучивали», в дела не совались, просто велели платить. Значит, по ходу, первая догадка верна – хазары это, их и искать надо.

– Хазары? – выбравшись из лодки, обернулся князь. – Так я ж говорил уже, почтеннейшая – нет у нас никаких хазар, одни болгарские купцы стоят близ селища Ходатова.

– Вот их и проверить бы. – Княжна поправила рванный подол. – Что, среди болгар хазары не могли затесаться? Говоришь, селение там какое-то рядом? Далеко?

– Да не очень.

– Вот завтра туда и скатаемся... О! – Пригладив растрепавшиеся волосы, Женька посмотрела вдаль, на заливной луг.

Кто-то шел там... кто-то знакомый...

– Судислав-волхв, – опознал Людота. – Быстро идет – видать, нас увидел.

– Ну? – Княжна в нетерпении бросилась навстречу жрецу. – Что там?

– Девичьи головы отрубили острым мечом... или саблей, – спокойно доложил волхв. – А вот отроков погубили не очень-то понятно.

– Непонятно? – Женька удивленно вскинула брови. – Там же этот... «кровавый орел».

– Там еще и шеи со всей сноровкою сломаны, – пояснил жрец. – Вот оно-то и непонятно – зачем? «Кровавый орел» – смерть лютая, прежде чем умереть, люди помучиться должны. А тут что выходит? Шей сломаны. Если сразу после «орла» – тогда мало и мучилось, а если до того – так и вообще... Зачем «орел кровавый»?

А волхв-то – умный! – сообразила Летякина. Не какой-нибудь там фанатик и апологет язычества. Важную вещь подметил! Важнейшую.

Княжна подбоченилась:

– А затем «орел кровавый», чтоб на варягов моих думали! Это же их казнь. А шеи сломали сразу после «орла» – сообразили, вдруг да доживет кто до праздника? Расскажет?

К баркам болгарских купцов подбирались по-хитрому: прямо никого не выпрашивали, даже в селение не заходили, а только старейшины и Людота по Женькиной просьбе выяснили, где – чуть в отдалении – омутки, местечки рыбные, куда мелкие вятчи, даже не подростки еще, а совсем дети – лет девяти-десяти, – ходят, промышляют. Конец лета – страда: все, кто постарше, – наравне со взрослыми в поле. А вот эта десятилетняя мелочь пузатая, скелочь, или, как их ласково называли в деревнях, с ударением на первом слоге – «го?вны» – эти вполне могли и рыбку ловить, тем более в местных реках-озерах водилось ее немеряно. Вот и ловили детишки, и занятие это вовсе не баловством каким-то считалось, а именно что промыслом – за день любой мальчишка мог запросто наловить рыбы – ведро, а коли будут благосклонны русалии и прочие речные берегини – то и парочку. И не каких-нибудь там костлявых окуней, а рыбку хорошую, вкусную – неподъемного сома, стерлядку, жирных налимов, форелей, язей... Реальная всей семье, всему роду помощь – в поле-то чего со скелочи мелкой взять? Ни снопа поднять, ни стог сметать, да и косить большей частью выходит – криво.

С детишками княжна говорила сама, варяги ее верные да людишки Людоты-князя поодаль, у небольшой ладейки, возясь, в беседу с детьми не лезли, даже и близко не подходили, но ухо держали востро.

Парнишек оказалось двое, лет по десяти, оба вихрастые, белобрысые, тощие, похожие, как родные братья, да, верно, братьями и были, Женька этим вопросом не интересовалась, иное спрашивала.

– Булгары-то? Да уж дней семь стоят, как приплыли, всегда стоят, торгуют. Хазары? Не, в этот раз нету. А ране-то да, были – строгие такие, страшные... А ты правда купецкая жонка? Не, похожа. А что же ладейка-то твоя мала? А товары где? Еще плывут? Поня-а-атно. А заедки вкусные есть? А свистульки?

– Свистульки-то с заедками сыщутся, – покивала княжна. – Правда, если б вы хазарина видели...

– Одного-то видели. – Ребята несмело переглянулись.

– А чего ж сразу про него не сказали?!

– Думали, мало одного. Ты ж про мнози спрашивала... А что – и за одного хазарина вкусный пряник дашь? Ладой-богинею поклянися!

Женька охотно поклялась богинею, еще и добавив – «чтоб мне сдохнуть».

– Был хазарин, – торопливо поведал один из парнишек. – Он и посейчас есть – на Сувар-булгарина ладейке таится. Мы его там и видали.

– С чего вы взяли, что таится?

- А не выходит никуда. Сидит сиднем, чегой-то высиживает.
- Точно - хазарин?
- Берегиней клянемся! И усами Водяника в придачу. Мы хазарина-то и раньше видали, не из простых он - из богатых, важных. Ата-ач звать. Боярин хазарский.
- Значит, говорите - сиднем сидит? А никто к нему из ваших не ходит?
- Как же не ходит, милостивица? Как раз третьего дня - поутру, рано-рано, еще туман был, а мы уже ловили - староста наш, Ходота, на барку Суvara-гостя захаживал, и слуга его, Малоста Корявая Ладонь. Так пряник-то дашь, госпожа? Можешь у болгар купить, у них есть.
- Нате вам вот! - Княжна поспешно достала из привешенного к поясу мешочка зеленую бусинку. - Сами, что хотите, купите.
- Ого! - обрадованно возопили мальчишки. - Куна целая!
- Да никакая не куна, Карась! Ты смотри, какая крупная - на ногату тянет! Давай-ко скорей к болгарам...

Поскольку совет старейшин вятичей объявил перемирие, дружинники юной княжны, кто на ладьях, а кто и пешим, небольшими группами, одна за другой, потянулись к Ходотову, где на лугу болгарские купцы устроили торг. Продавали стекло и посуду, восточные ткани и сладости, ожерелья и бусы и многое-многое другое. В числе всего прочего имелся и живой товар - рабы, точнее сказать, рабыни - смуглые, с вытянутыми, как у газелей, глазами.

Такими рабынями хвастался промеж своих местный староста Ходота, причем, по слухам, за восточных красавиц он не дал и медной ромейской монетки - пула. Кроме того, у его ближайшего помощника, Малосты по прозвищу Корявая Ладонь, на боку появился дорогой меч, явно варяжский; как дружно утверждали все Женькины воины - вещь очень качественная и недешевая.

Княжна, выслушав вечером все слухи-сплетни-новости, немедленно уточнила - можно ли таким мечом вырезать «кровавого орла»? И тут же получила ответ - только таким и можно. Впрочем, подобного типа мечей у вятичей хватало, а то, что клинок вот так вот - вдруг - появился, тоже имело простейшее объяснение - Малоста просто его купил у болгар, или, вернее будет сказать, - перекупил, таких мечей сами болгары не производили.

Однако один этот факт еще не делал Корявую Ладонь подозреваемым, как и старосту - подаренные булгарами девы. Мало ли, за что ему их подарили - причины и здесь могли быть самые простые, житейские.

И все же княжна решила взяться за эту парочку всерьез, да еще, если повезет, добраться до скрывающегося на купеческой барке хазарина - других-то подозреваемых все одно покуда не имелось вовсе. Летякиной не давал покоя вопрос - а не с таинственным ли хазарином встречался на барке староста Ходота и почему-то захаживал в гости очень и очень рано? Даже по здешним меркам, когда все вставали с петухами, - рано.

- А кто вообще может сделать «кровавого орла»? - пересилив брезгливость, все-таки спросила княжна у Эйнара, когда тот зашел к ней в шатер узнать, не будет ли каких-то особых распоряжений на завтра.

Хевдинг отвечал строго, без улыбки:

– Любой – не сможет. Только воин, умелый и жестокий воин. Викинг, или, как у вас называют – варяг!

– А хазарин?

– Я же сказал, госпожа, – варяг. Ни хазарин, ни словенин, ни угр.

– Варя-аг, – тихо протянула Женька. – Хазарин у нас есть... теперь что – варягов ищем? Так, кроме вас, тут никаких варягов нет и никогда не было. А может, кто-то, кто был в плену у варягов... там научился, обрел свободу и... так может быть?

– Может, – Эйнар кивнул, погладив висевший на кожаной перевязи меч, с которым, как истинный викинг, не расставался даже в покоях княжны. – Я слышал про такие случаи. Как-то много лет назад у нас, в Халогаланде, вырезали почти всех мужчин из рода Вестлингов, так они быстро оправились, приняв в свой род достойных пленников, рабов, и потом жестоко отомстили обидчикам. Еще добавлю – не один и не два таких случаев было.

– Понятно, – покусала губы Летякина. – Значит, кто-то там был... А потом что же, получается – сбежал из нового рода в старый? Но тогда он должен был рассказать. Искать, искать надо! Не тебе, Эйнар, искать – князю здешнему, Людоте.

– А может быть, и мы найдем? – Хевдинг вдруг лукаво прищурился и тряхнул шевелюрой, став похожим на какого-нибудь модного музыканта. – Уже нашли.

– Как нашли? – ахнула Женька.

Варяг повел плечом:

– Ну, не совсем еще... Но что-то подобное от кого-то из наших я уже слышал, и совсем-совсем недавно. Кто-то видел человека, здешнего, со следами пытки, что используют иногда у нас. Зажимают руку в тисках и сжимают... обычно сначала левую, до правой дело редко доходит – кому ж охота стать совсем убогим?

– Рука... – азартно прошептала девушка. – Левая рука... А я ведь тоже этого человека видала! В свите кого-то из местных князей или старейшин.

Возлежа на роскошной, расстеленной в кормовой каюте кошме, Ата-ач-мирза рассеянно перекачивал между пальцами небольшую изумрудно-зеленую бусинку и о чем-то думал, даже не ответив на красноречивое предложение только что вошедшего Суvara-купца. Маячивший за широкой спиной торговца слуга держал в руках увесистый кувшинчик. Почтеннейший Сувар, конечно, считал себя мусульманином... но вино пил, и даже много. Это всякие там арабы у себя в Аравии пусть не пьют, а болгары – мусульмане северные, им можно. Что уж говорить о госте – тот вообще иудейской веры, ему вино пить можно невозбранно... только – не всякое и не везде.

Ата-ач наконец соизволил оторваться от бусины:

– Что ж ты стоишь, любезнейший друг мой Сувар! Присаживайся.

– Я не осмеливаюсь, почтеннейший мирза. Кто я, и кто ты?

- Пустяки какие... Да полно тебе, Сувар! Садись, наливай вина, угощай – это ж я у тебя в гостях, а не наоборот. Кстати, значит, именно этой бусиной расплатились местные мальчишки?

- Именно так. – Купец уселся на кошму, скрестив ноги, и, обернувшись, махнул слуге. – Ведь ты же приказывал докладывать обо всем подозрительном. Мальчишки – босота здешняя, нищета... правда, бусину, они говорят, нашли. Очень может быть, наши же и обрели, мой приказчик уж так, на всякий случай, доложил. Просто больше ничего подозрительного, исключая разве что возросшую активность киевской княжны – но про нее ты и так знаешь.

- Ты наливай, наливай... – Мирза все вертел бусину, словно бы любовался ею. – У наших бус цвет не такой... оттенок. Вот, посмотри внимательней, видишь, как цвет играет темно-голубым? Это египетская бусина, тут и думать нечего! Такие делают в Александрии. Именно оттуда она попала в Константинополь, а оттуда – в Киев... а затем – и сюда. Кто у нас из Киева-то явился?

- Княжна!

- Вот-вот. И по доброте душевной она вот так, ни с того ни с сего, подарила местным оборванцам... гм-гм... пожалуй что, целый дирхем, хороший, полновесный. Знаешь, друг мой Сувар, я что-то не очень верю в столь прекрасные порывы. А вот в то, что ушлая княжна расплатилась за что-то с мальчишками... в это я поверю! Осталось только узнать – за что?

- Мы найдем тех оборванцев, мирза! – Купец поспешно вскочил на ноги, но вино из опустевшего наполовину бокала ничуть не расплескал – и тут же с видимым наслаждением допил. – Я распоряджусь... Может, они на лугу еще...

- Стой! – вскинув голову, жестко приказал Ата-ач. Светло-голубые глаза мирзы сверкнули яростью: – Никогда не спеши, о, друг мой! Ты хочешь, чтоб твои люди среди бела дня крали чужих детей? Нет, ты в самом деле этого хочешь? Ты же купец! Ты же умный!

- Я понял тебя, господин. – Булгарин низко поклонился, заодно поставив опустевший бокал на кошму. – Сначала узнаем, потом – сделаем.

- Забыл еще одно слово – подумаем! – ухмыльнулся мирза. – Узнаем. Подумаем. Сделаем. В этом – мудрость и сила.

Рыбачки рассказали все, болтали без умолку, безо всяких угроз и пыток – хитроумный хазарин просто показал им зеленую бусину да, подмигнув, спросил:

- Хотите?

А потом, выпроводив ребят, в задумчивости уселся на кошму да, искоса поглядывая на Суvara, скривил тонкие губы в зловещей усмешке:

- Наша юная царевна слишком много узнала, мой славный болгарский друг. Слишком близко подобралась к нашей тайне. Слишком!

- Думаешь, варяги могут напасть? – вздрогнул торговец. – Тогда надо торопиться, отчалить, и скорей в Ладогу, там они нас не достанут.

Мирза потрогал мочку левого уха, потерял золотую серьгу, улыбнулся самой кроткой улыбкою:

- Не в нас с тобой дело, друг мой Сувар. Дело в главном! Останемся ли мы живы, нет ли – неважно, куда важнее другое – все должны знать и всегда помнить, что кровавую резню в храме местной богини учинили люди Святослава-князя, жестокосердного кагана русов. Именно они, и никто другой. Даже тень сомнения в этом деле недопустима. А потому всех, кто догадывается, нужно...

- Но Святослав-каган жестоко отомстит за свою жену! – вскочил на ноги болгарин.

- Пусть мстит. Вятичам.

Мирза снова усмехнулся, прищурился:

- Это же вятичи намеревались казнить царевну, устроили бунт... Так пусть в полной мере испытают на себе гнев киевского кагана! Пусть нога завоевателя ступит на их земли, а селенья и нивы охватит неугасимый огонь! Пусть. Эти люди сделали свой выбор... не в нашу пользу. А ведь за все решения когда-то приходится отвечать.

Сувар-гость нервно сглотнул слюну:

- А княжну мы...

- Не только ее, мой славный товарищ! Боюсь, нам придется проводить в последний путь и некоторых наших друзей... старых друзей, очень старых. Ничего! Найдем других! Лишнее серебро еще никому не мешало.

- Кстати, насчет серебра, – моргнув, оживился купец. – Те двое, славянин и варяг, что захаживали как-то на мою барку, думаю, не отказались бы от скромного дара. Намекали! Мол, можем оказать покровительство...

- Какие славные люди! – Ата-ач с хохотом взмахнул рукой. – И где же они? Почему я до сих пор с ними не знаком, а?

- Не гневайся, мирза. – Взглянув в светлые глаза собеседника, болгарин испуганно заморгал. – Святослав-каган отправил их в дальние лесные селения.

- В этой неуютной земле все селения – лесные, – меланхолично заметил мирза. – Раз тех двоих нет, что же ты про них вспомнил, мой почтеннейший друг?

- Потому как они обещались объявиться... вот как раз в эти дни.

- Как объявятся – сразу ко мне, – распорядился хазарин. – Люди, обожающие золото и серебро, никогда не будут лишними... правда, не всегда – нужными. Так, Сувар! Позови-ка сюда моих парней, есть для них славное дело... Да! Я вот подумал... что-то мы давно не пировали с Ходотой-старейшиной и его криворуким помощником.

Княжна как раз принимала ванну – фыркающая, плескалась в бочке, – когда в шатер заглянул верный Бьорн:

- Пришел Людота-ярл. Говорит, с важным известием.

- Так пусть войдет, коли с важным. Зови!

Войдя, князь вежливо кивнул, глянул на голые Женькины плечики и, хмыкнув в усы, снял

отороченную куньим мехом шапку:

- Беда, госпожа!

- А что такое? - вскинула глаза дева.

- Ходоту, старосту, медведь задрал до смерти! - усевшись на лавку, пояснил гость. - Ну, того самого, что мы с тобой хотели...

- Черт! - выругалась княжна. - Ах, как не вовремя-то! Надо же - медведь.

- Он на луга пошел, староста-то, да через малинник... а там медведица с медвежатами, вот и...

- А слуга его? Ну, тот, криворукий...

- Малост? Тот жив, что с ним сделается.

- Так живо его хватайте! - высунувшись из бочки, распорядилась княжна. - А то и с этим что-нибудь случится - с кем тогда разговаривать будем?

- Я уж воям своим сказал. - Князь безмятежно развалился на лавке и не сводил с купальщицы глаз.

Любовался, чего уж! Правда, мало что видно было - ну, плечи, ну, иногда - грудь...

- Ты иди уже, княже. Распоряжайся там.

- Так я и говорю - распорядился. Уже!

Мало́ста поймали быстро: верные люди Людоты подкараулили его у реки, пристукнули малость, связали. А вот тащить в острог сразу не решились, ждали б до темноты, коль не княжна. Та, узнав все от посланника князя, самолично к реке и отправилась, прихватив с собою двух гридей - Харальда и Бьорна.

Людота поступил мудро - пленника спрятал в лесу, выставил вокруг воинов, а парочку - самых молодых - оставил на берегу, разводить костер, а главное - следить за тропой. Княжну парни узнали, пропустили, поклонясь, без вопросов, даже показали, куда идти.

По приказу Людоты пойманного лиходея привязали к стволу толстой осины и уже готовились было пытать, да Малост неожиданно заговорил сам, видать, испугался предстоящих пыток. Правда, условия таки выставил - говорить стал только с княжною и князем. Все правильно - не с гридями же тайные беседы вести?

Отправив воинов прочь, Женька с Людотою, любопытствуя, присели на притащенную кем-то из гридей колоду, положенную как раз под осиною, возле привязанного пленника.

- Ну? - зло прищурился князь. - Рассказывай, шпынь, как девам нашим головы отрубал, как отрокам «кровавого орла» вырезывал!

- «Орел»? Головы? - Тряхнув бородой, Малост облизал пересохшие губы. - То не я, то Ходота все. А я так, на подхвате: туда сбегай, сюда, сходи - принеси.

- Ходота, говоришь?

- Он, он, изверг! А приказывал ему Ата-ач, хазарин, что на барке Суvara-гостя приплыл.
- Еще кто был? Ну, говори, змеиная душа, живо!
- Еще воины хазарские или булгары. Числом в пару дюжин.
- Пара дюжин? Негусто. Из наших вятичей кто еще хазарину помогал, кроме тебя и Ходоты?

Пленник опустил голову:

- Есть один человек. Я его, правда, не знаю, но Ата-ач как-то хвастал. Может, посейчас уже и встречаются, на позже, у Светлого озера.
- И далеко это Светлое? - переспросила княжна.

Людота мотнул головой:

- Я знаю где. Послать людей?

Вдруг просвистела в воздухе тяжелая стрела, угодив лиходею прямо в сердце! Женька закричала, князь вскочил на ноги - все вокруг забежали, воины окружили княжну, спешно прикрыв щитами.

Больше стрелы не летели, лучник уже сделал то, зачем был послан, и теперь уносил ноги... или затаился где-то рядом, переждал. Людота срочно организовал погоню, Женька же, не суетясь, отправилась обратно в детинец. Двое ее верных варягов, Харальд и Бьорн, зорко посматривали по сторонам.

Харальд первый услышал рычание, настороженно обернулся, посмотрел на кусты:

- Медведь!

Княжна похолодела и закусила губу, увидев невдалеке от себя бурую, с оскаленной пастью, медведицу с двумя медвежатами.

Увидев, застыла как вкопанная:

- Бежать нельзя! Догонит.
- Знаем, госпожа. Мы ее - в рогатины.

В словах юных викингов не было страха, парни действовали разумно и быстро - отвели Женьку к росшей невдалеке березе, сами встали рядом, выставили, уперев тупыми концами в землю, рогатины. Рогатина, хоть и похожа на обычное короткое копье, но куда как надежнее: с массивным рожном-наконечником, с крепким древком, именно с таким на медведя и ходят. Вот как сейчас...

Правда, сейчас сама медведица, рыча, перла на людей, словно взбесившийся трелевочник. Женька побледнела. Бьорн обернулся, ободряюще подмигнул:

- Слава Одину, у нас нынче будет много вкусного мяса. Целая гора!
- Хотелось бы...

Честно сказать, девчонка не очень-то в эти слова верила: двое сопляков с копьями против огромного злобного зверя, известного своей силой, коварством и хитростью! Подойдет поближе да ка-ак даст лапой...

- А я знаю медвежью вису! - облизав губы, неожиданно промолвил Харальд. - Хотите прочту?

- Конечно, читай! - Бьорн обрадованно закивал. - Что ж ты молчишь-то? Кабы я такую вису знал, я бы...

- Велунд пришел! - глядя прямо в глаза приближающемуся грозному зверю, выкрикнул - словно метнул секиру - Харальд.

И продолжал уже дальше, нараспев, все более уверенно и громко:

Велунд пришел,
стрелок зоркоглазый,
из дальних мест
с охоты вернулся;
Мясо зажарить
медвежье хотел он;
горела, как хворост,
сосна сухая, —
высушил Велунду
ветер дрова...

Медведица остановилась, видать, задумалась - что тут такое происходит-то?

- Мясо зажарить медвежье хотел он! - напомнил юный скальд. - Иди, мать медведей, ступай, куда шла!

- Уох!!! - Кто-то громко и раскатисто крикнул как раз там, где резвились в кустах медвежата.

Услышав крик, медведица повернулась и быстро побежала обратно.

- Х-у-у-у! - Бьорн шумно перевел дух. - А ведь помогла твоя виса, Харальд! Вот что значит - скальд.

Харальд от похвалы порозовел и смущенно опустил голову:

- Да ладно, чего уж... Тот, кто кричал, тоже немало для нас сделал.

- Интересно, кто это?

- А вон, - показала рукой Женька. - Не он ли к нам идет?

Из лесу показался незнакомец лет тридцати - смуглый, коренастый, сильный. Черная борода, усы, черные сияющие глаза - не очень-то он походил на вятича. Впрочем, одет как славянин - длинная подпоясанная рубаха, узкие - лесные - штаны, постолы. Голову прикрывала кожаная шапка-мурмолка, на поясе висел изрядных размеров нож.

- Кто ты, мил человек? - на правах старшей по званию поинтересовалась княжна. - Какого племени-рода?

- Я - Каргел-мерянин, бродячий охотник. - Путник вежливо поклонился. - Меня знают в

дальних лесных деревнях.

– Понятно. А мы...

– Я ведаю, кто вы, великая княжна, – еще ниже склонился в поклоне Каргел. – И рад услужить. Что, небось, в горле пересохло? Вот... – сняв с плеча котомку, он вытащил оттуда баклажку. – Испейте-ка моего медку!

– Сначала – я! – Харальд протянул руку. – Вдруг, да мед этот отравлен?

Женька не прекословила, понимала – варяг все делал как надо. А вот Бьорн хмыкнул:

– Да кому в этой чаше надобно нас травить?

– Вкусно. – Сделав пару глотков, скальд вытер губы ладонью и передал флягу Бьорну. – Попробуй.

– Этак вы все выхлебаете, – улыбнулась княжна. – Дайте-ка.

Мерянский мед оказался вкусным, сладким, с какими-то пряными травами и весьма хмельным. У княжны даже голова закружилась, словно после стакана водки. Все вокруг: белоствольные березки, малинник, зеленеющий вдали луг – сделалось каким-то невообразимо красивым, ярким, как в фотошопе, потом и вообще – поплыло...

А после шибануло в нос медом! Сильно! Словно кто-то кормил насильно, обмазывал...

Так ведь и обмазывали!

Женька в ужасе распахнула глаза. Зачем?! Дернулась, пытаясь встать или хотя бы поднять руку – куда там. Спина прочно притулилась к толстому стволу дерева, ноги вытянуты в траву, руки... руки связаны накрепко! Кругом мухи жужжат, лицо и шея – в липкой медовой жиже, а перед глазами, с крынками в руках, посмеивающиеся вражины... Довмысл со Стемидом. Ого! Явились, не запылились, сволочи!

– Ну, здрасьте, – пришла в себя Женька. – Наше вам с кисточкой. И что это вы меня медом мажете?

– А чтоб жизнь твоя слаще казалась! – Варяг, выпрямившись, захохотал в голос.

А сообщник его поганый, Довмысл, тут же поправил:

– Не жизнь, Стемиде, а смерть.

– Медведицу на меня направить хотите? – живо сообразила княжна. – А вдруг да не сожрет, просто облизет?

– Облизет? – Наклонившись к брошенной рядом, в траву, котомке, Стемид вытащил оттуда странный железный предмет, сильно напоминавший «цапалку» для сбора ягод «на сдачу» – только зубцы были куда как массивнее и острее... словно медвежьи когти!

– Та-ак... – Пленница закусила губу. – Вот, значит, как старосту...

Довмысл расхохотался, дребезжаще-противно и мерзко:

- Гуще мажь, Стемиде... Вот - и здесь.

Сильная рука рванула ворот туники, обнажив грудь.

- Ох, какие...

Глумясь, Стемид потрогал соски сладкими, липкими от меда пальцами, прищурился:

- Может, нам, Довмысле, ее... того...

- Ране надо было об том думати! Сейчас уж - обмазали... да и некогда. Ну, хватит уже... Сейчас ей - по горлу, да пойдем. Наконец долеталась, птичка...

Довмысл взял в руки железную «медвежью лапу», примерился...

- Пойдите! - рванулась княжна. - Сами-то знаете - зачем вам моя смерть?

- А затем, чтоб нам под тобой не ходити, - расхохотался Стемид. - Мы про тебя слишком много знаем. Ты - про нас.

- То так, - согласно кивнув, Женька презрительно хмыкнула. - Не думала я, что вы такие дурни.

- Это почему же дурни? - обиженно переглянулись злодеи.

- Потому что могли бы как люди жить, в Киеве, в чести и при богатстве. Но если вам так нравится шастать по здешним лесам... иль вы к хазарам податься надумали? Так Святослав-князь их обязательно разгромит, попомните мои слова.

- Нам плевать на хазар!

- А на себя? Вижу - тоже. Ой, дурни вы, дурни.

- Пообзывайся еще! Друже, давай-ко, я... может, половчее управлюсь.

- Сиди уж - половчее, - опуская лапу, неожиданно огрызнулся Довмысл. - Я вот все про хазарина думаю... Кто они нам?

Варяг сплюнул в траву:

- А она? Мыслишь... по-другому все сладить?

- Мыслю - живота лишить недолго. Чик - и нету. Сперва послушаем, что предложит. Эй, - мужичага потряс Женьку за плечо. - Что молчишь?

- А я все сказала уже. - Ох, чего только стоило княжне вести себя сейчас как ни в чем не бывало. - Почет, богатство, власть. Вольготная жизнь в Киеве. Уж и не знаю, чего вам еще и надобно?

- Вольготная жизнь, говоришь...

- Ну да! Вы вернете меня в острог, явитесь как мои освободители, за что получите часть дани...

- Не слушай ее, друже, - недоверчиво скривился Стемид. - Она ж потом отомстит!

Княжна натянуто улынулась:

- Может, и желала бы. Да не успею.

- Как не успеешь?

- А так! Я, видите ли, вовсе не собираюсь в Киев. - В синих глазах девушки сияло вышедшее из-за облака солнце. - Я хочу вернуться домой... хотя бы попытаться! И вы мне в этом поможете!

- В лесища свои собралась?

- Пусть так - в лесища. Таким образом, я вам - не помеха.

- И как мы тебе поможем? - Помолчав, Довмысл задумчиво погладил бороду.

- Сначала к нашим вместе вернемся, а потом я с вами в Киев - якобы в Киев... Больной сильно скажуся, а в пути помру. Схороните.

- О как! Схоронить - это мы с радостью.

- Охотно верю. Ладно! На самом же деле ни в какой Киев мы не пойдем, просто подсадите меня на лады к ладожским купцам... Ну, должен же туда хоть кто-то идти кроме булгар этих.

- Булгары нынче в Ладогу не идут... новый приказ исполняют.

- Не спрашиваю чей... Ну, так как? Согласны?

- Посейчас, отойдем. Посоветуемся...

Алчность все же взяла свое, хотя Женька, честно сказать, сомневалась и сама себе казалась не особенно-то убедительной. Впрочем, двое авантюристов, похоже, так не считали...

- Ладно. Поглядим. Но ежели что... удушим сразу! Други у нас средь твоих варягов есть.

Вместительные лады новгородского торгового гостя Неждана Варяжская Борода одна за другой причалили к низкому, поросшему редколесьем берегу.

- Вот тут и высадим тебя, госпожа, - обернулся к знатной пассажирке Неждан - высокий, ладно скроенный, с красивым широким лицом и густой светло-русою шевелюрой, с заплетенными в тугие варяжские косички бородкой - от того и прозвище. Варягом, кстати, купец вовсе не был - из ильменских словен. И мать была оттуда, и батюшка, и все предки.

Неждан-гость, оказывается, неплохо знал Довмысла со Стемидом, имел с ними когда-то какие-то взаимовыгодные дела и, возвращаясь из Булгарии в Новгород, конечно же, не отказал взять попутчицу - знатную веснянскую красу деву, добиравшуюся к родичам, на Выдь-реку.

- Эко те угораздило-от, госпожа-краса, аж к вятичам!

- Так налетели супостаты... в полон забрали, едва вырвалась. А уж там добрые люди помогли, не оставили.

- Это Довмысл-то со Стемидом - добрые люди? - открыто смеялся торговец. - Небось, с родичей твоих за помощь виру взяли немалую.

- Да уж, немалую. Однако ж спасибо, что помогли. Как и ты...

Неждан махнул рукой:

- Меня-то не благодари - заплатила изрядно, да и путь долгий беседою скрасила. Эх...

Мечтательно прикрыв глаза, купец хотел бы сказать, что путь мог бы оказаться еще более сладким, коли б такая краса не кобенилась бы... Впрочем, краса и не кобенилась - Неждан сам не пристаивал, опасаясь все той же парочки: Довмысл со Стемидом в Новгороде и Ладоге бывали часто, ежели что, запросто могли навредить, так что ссориться с ними выходило себе дороже.

- А подальше-то никак нельзя? - всматриваясь в хмурый берег, попросила княжна. - Вон, хоть у излучины.

Свернуть к излучине новгородец наотрез отказался:

- Там ведь, милая моя, отмели да камни.

- Камни? Ну, ладно, и так дойду...

Изгой-охотник весянин Койво, по прозвищу Дурная Рука, с раннего утра тайком пробирался по берегам вслед за ладьями в надежде хоть что-то урвать. Река изрядно петляла, и весянин вполне поспевал за корабликами, срезая путь лесом, холмами, оврагами. Места кругом потянулись знакомые, и это было опасно - вполне могли встретиться бывшие соплеменники, изгнавшие Койво из рода за самое постыдное дело - за воровство, за татьбу. Иному-то, может, и руки б отрубили, да вот только Койво родным племянником покойному старейшине Войко Старому приходился, а Войко все в роду уважали. Вот и пожалели племянничка его беспутного! Зря... ох, зря.

Частенько наведывался Дурная Рука на земли своего бывшего рода - проверял чужие силки да переметы, осторожничал и ни разу еще не попался. А несколько раз набредал на такие вот караваны - как корабельщики становились на ночевку, тут уж изгой-весянин не терялся, действовал с выдумкой и смело, а лучше сказать - нахраписто.

Один раз чуть было не увел в лес приглянувшуюся невольницу, жаль, торговцы вовремя спохватились, в погоню бросились... Пришлось прирезать деву - не оставлять же! Хоть так навредить, раз уж не себе, так и не людям.

Другой раз приходилось долго выслеживать, таиться... А тут... тут - что же это? Добыча сама в руки идет?

Не веря глазам своим, Койво, таясь в густом ельнике, наблюдал, как спускалась по сходням надменная красавица дева - одна! Без воинов, без слуг... Или... воины дожидались где-то в лесу? Должны были встретить? Может, и должны, да вот не встретили - девчонка пошла вдоль реки одна, перепрыгивая с камня на камень. Вот остановилась, со смехом помахала ладейкам рукой, прокричала что-то. Доброго пути желала - вот что. Ей тоже пожелали, ага.

Эх-х-х... Вот без чего плохо было в лесу даже летом - так это без баб! Потому-то изгой на ту полоняницу и польстился, об осторожности позабыв. Вот и здесь, следовало бы об опасности возможной подумать - да куда там! Вместо головы совсем другое нынче за Койво думало!

С другой стороны – надо просто быстро! Выскочить – да кулаком в лицо! Оглушить, оттащить... сделать свое дело, а уж потом... уж потом – видно будет. Можно девку и пришибить, можно и подержать до зимы на привязи – попользоваться. Эх-х!!!

Утерев слюни, Койво шмыгнул носом – широкий в плечах, выносливый, сильный – он вовсе не сомневался в том, что справится с девчонкой быстро и без хлопот. Да уж что там и говорить-то!

Простившись с корабельщиками, беглая княжна вскинула на плечо узелок с припасами на первое время – дай бог, не понадобятся! – и зашагала по берегу, вдоль реки, к утесам. Где-то здесь, совсем рядом, таилась заветная дверца... заклинание девушка не забыла, не дура ж.

Вот, теперь на кручу... забраться, посмотреть...

Женька не поняла, не сообразила, что это было! Просто выскочил из-за ближайшей елки незнакомый коренастый парень да без лишних слов ка-ак звезданул в лицо! Девчонка как стояла, так и завалилась на спину, добро, хоть не на камни, на мягкий мох. Сознание померкло напрочь, однако же ненадолго.

Едва распахнув глаза, Женька увидела на себе того самого, коренастого, какого-то до ужаса противного, грязного, мерзкого. Гнусно усмехаясь, парень деловито рвал на упавшей деве одежду, жадные руки его елозили по всему телу...

– Н-на!

Нащупав рукою камень, княжна долго не думала – не до дум тут! Ахнула супостата по башке – тот и с копыт долой – лежи, отдыхай, сволочь!

Надо было бы, наверное, еще разок пристукнуть, да только Женька не стала поверженного врага добивать – все ж цивилизованный человек, не какое-нибудь тупое и мрачное средневековое быдло.

Встала, отряхнулась да, позабыв про мешок, побежала к круче, к обрыву... всмотрелась. Показалось вдруг, будто что-то блеснуло среди корней растущей на круче сосны... Дверь? Двери! Металлические, на толстых досках, заклепки!

– Врата-воротца, ще вы Бояна бо...

– Ах ты ж, тля!

Женька-то про вражину забыла – а тот, гад поганый, воспрял! Поднялся, схватил каменюку, швырнул... угодил девчонке в колено.

– Черт! Больно как!!!

Так и скатилась бы княжна под откос, в реку... кабы не ухватила за вдруг распахнувшуюся створку рукой... потянулась...

Рвущийся позади гад ухватил за ногу... пришлось изо всех сил врезать пяткою по башке!

Ослабил, псина, хватку, оступился... сорвался... И снова проворно полез по круче вверх!

Летякина того, правда, не видела – уже забралась то ли в пещеру, то ли в погреб, поспешно

запахнув за собой дверь... Ухватилась дева за доски руками, искала засов... не нашла...

А снаружи уже рвались!

- Отворяй, гадина! Отворяй, кому говорю!

- Да пошел ты!!!

А что еще Женька могла сейчас сказать?

- Отворяй, щучина! Смотри - пожгу. Обмажу-от смолой и пожгу.

И точно - вскоре сквозь щели потянуло дымком, снаружи весело занялось желтое пламя! Внутри небольшого темного погреба сразу сделалось жарко и дымно - невмочь терпеть. Тяка терпеть и не собиралась, вот еще! Чем тут сгореть или задохнуться, так лучше...

Сжимаясь, словно пружина, не обращая внимания на боль, княжна резко выпрямилась, стукнув ногами в дверцу - выбила... и тотчас же, следом, выскочила наружу, скатилась в реку... нырнула... поплыла...

Несло круто! По обоим берегам реки высился лес. Вокруг сильно пахло гарью.

Проплыв по течению метров двести, Женька выбралась на берег и попыталась встать... да не смогла! Ушибленное колено словно обдало жаром - куда уж тут идти... ползти только. Да-да, ползти! Лишь бы этот... не догнал бы... не поглумился... Доползти вон до той елки, там и схорониться, спрятаться, перевести дух, а потом... А потом - как воля богов будет.

Острые камни больно впивались в ладони, колено пылало огнем, и хотелось все бросить и просто лежать - будь уж что будет.

Кто другой, может, так бы и поступил, но только не Женька! Сжала упрямо губы, задавила боль - ползла. Еще чуть-чуть... еще... Вот и тропинка, за ней - ельник и...

Что-то затрещало...

Мотоцикл!!!

Вырвался из-за поворота - блестящий, черный, - затормозил. Мотоциклист спешился, подскочил к девушке, опустился на колени, сняв шлем.

Майкл! Одноногий Майкл! Или... каким-то непостижимым чудом - Велесий?!

- Господи - Женя! А говорили - пропала. Вся местная полиция тебя по лесам ищет... и мы. Эх, нашлась-таки, нашлась. Ну, слава богу - жива. Идти можешь? Нет? Я сейчас машину поймаю, быстро. Вот! У меня обезболивающее есть, я тебе его... а ты... ты тут подожди, ладно? Только никуда больше не ползи, ага...

- Ты сказал - нашлась? Меня что - ищут?

- Так говорю ж! - Майкл внезапно поник взором. - Второй месяц уже. Раньше много народу искало. А теперь - я один... Ты не переживай, Женя! Теперь уж точно с тобой все будет хорошо.

- А я и не переживаю, – улыбнулась Женька. – Ах, Велесий, как хорошо, что ты жив!

- Как-как ты меня назвала?

- Да так... Ой, Майкл... как здорово, что ты... А Велесий...

- Ты, Женя, бредишь, что ли?

Девушка закусила губу:

- Извини, если обидела. Просто... то, что мы здесь с тобой встретились, это же здорово, правда?!

- Правда... И здорово, что ты так думаешь?

- Да...

- Так я за машиной... Жди!

- Удачи тебе...

- И тебя пусть не оставят заботами боги! – обернулся от мотоцикла Майкл. – Эй-эй, Женечка! Ты что так смотришь?

- Ты сказал...

- Я и сам не знаю, что за хрень сейчас сказал... и почему. Просто вырвалось вдруг такое, ага.

Затрещал двигатель, и Одноногий Майкл скрылся за ельником. Женька лежала на мягком мху, смотрела в высокое, чуть тронутое белыми облаками небо и, улыбаясь, шептала:

- Пусть не оставят заботами боги... тебя... пусть не оставят заботами... пусть... Сварог и роженицы-девы да пребудут с тобой!